

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 18 (134) ВЕРЕСЕНЬ

2007

2007 вересень № 18 (134)

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ**

ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Заснований у лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію: серія КВ № 3783,
видане Держкомвидавком України 19.04.1999 р.

Друкований орган Луганського національного
педагогічного університету імені Тараса Шевченка
Видавництво ЛНПУ «Альма-матер»

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного педагогічного університету
імені Тараса Шевченка
(протокол № 13 від 22 червня 2007 р.)

Виходить 2 рази на місяць

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор –
проф. Харченко С. Я.

Перший заступник головного редактора –

проф. Синельникова Л. М.

Заступник головного редактора –

проф. Ужченко В. Д.

Відповідальний секретар –

проф. Галич О. А.

Члени редколегії:

проф. Грищенко П. Ю.,

проф. Зеленько А. С.,

проф. Тараненко О. О.,

доц. Унукович В. В.

Засновник – Луганський національний педагогічний університет імені Тараса Шевченка

*Збірник наукових праць,
ліцензований ВАК України
за напрямками: педагогіка,
історія, філологія, біологія
(Бюлетень ВАК України. – 1999. –
№ 4 (12))*

Матеріали номера друкуються мовою оригіналу

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief –

Prof. Kharchenko S. Y.

First Deputy –

Prof. Sinelnikova L. M.

Deputy –

Prof. Uzhchenko V. D.

Executive secretary –

Prof. Galich O. A.

Editor Board Members:

Prof. Gritsenko P. Y.,

Prof. Zelenko A. S.,

Prof. Taranenko O. O.,

Unukovich V. V.

Founder – Luhansk Taras Shevchenko National Pedagogical University

*The collection of studies on
Pedagogic, History, Philology,
Biology licensed by the Higher
Attestation Board of Ukraine (HAB)
(Bulletin HAB of Ukraine. – 1999. –
No. 4 (12))*

The materials are published in the original

Видавництво Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка «Альма-матер»:
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.
e-mail: mail@lnpu.edu.ua

© Луганський національний педагогічний університет імені Тараса Шевченка,
2007

ВІСНИК
Луганського національного педагогічного університету
імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

Коректор – Колотовкіна Н. В.

Відповідальна за випуск:
доцент Розсоха В. О.

Здано до складання 22.05.2007 р. Підписано до друку 22.06.2007 р.
Формат 60x84 1/8. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Умов. друк. арк. 28,6. Наклад 100 прим. Зам. № 448.

Видавництво ЛНПУ імені Тараса Шевченка
«Альма-матер»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.

КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Зміст

Синельникова Л.Н. О содержании этого выпуска	8
Кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий	10
Синельникова Л.Н. Местоимение в дискурсе как фокус схождения когнитивных множеств участников общения	10
Джинджолия Г.П. Информационно-оценочный потенциал метафоры в современном публицистическом тексте	23
Компанцева Л.Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматические составляющие	28
Розсоха В.А. Коммуникативные стратегии и тактики обучения русскому языку как иностранному	33
Соболева И.А. Жаргонизмы со значением <i>лица</i> как часть современного медиа-политического жаргона	39
Пономарёва Т.А. Лирический жанр как модель коммуникации (на материале анализа колоративов в переводах И. Бродского)	45
Минаева Э.В. Концепт «Любовь»: <i>Я – Ты</i> <i>отношения</i> в женской поэзии (на материале поэзии Нины Павловой)	51
Ковтун К.В. Когнитивная модель понимания газетных заголовков, основанных на прецедентных текстах	56
Дьяченко Г.В. Диалогичность философских монологов Н. Бердяева	62
Фролова В.В. О природе конфликтной коммуникации	71
Караман В.Л. Проблемы коммуникативной этики	79

Неловкина Н.И. Устаревшая лексика в рекламном тексте как средство реализации манипулятивной коммуникативной стратегии	85
Кафедра всемирной литературы	94
Аулов А.М. Читайте и говорите ярко – пользуйтесь подвижным видением (к проблеме методики быстрого обучения выразительному чтению)	94
Бахмач В.И. Вербальная представленность образа Прекрасной Дамы в классической стихопесне (Б. Окуджава, А. Галич, В. Высоцкий)	104
Наши гости	117
Бушев А.Б. (г. Тверь). Предвыборные дебаты в США как риторический феномен	117
Гадомский А. К. (г. Симферополь). Коммуникативно-когнитивный потенциал теологического дискурса (аннотированная библиография)	127
Горошко Е.И. (г. Харьков). Дигитальный жанр: новые теоретические подходы к анализу проблемы	137
Зражевська Н.І. (м. Черкаси). Контркультура в контексті інформаційного суспільства	151
Махачашвілі Р.К. (м. Запоріжжя). Лінгвальне позиціонування людини в Інтернет-просторі (на матеріалі інновацій англійської мови)	157
Саенко А.Н. (г. Харьков) К проблеме разграничения устной и письменной форм речи в компьютерной коммуникации	166
Синица И.А. (г. Киев). Типология адресанта научной коммуникации (на материале гуманитарных текстов XIX века)	177

Эмирова А.М. (г. Симферополь). Русско-крымскотатарская интерференция и проблемы возрождения миноритарных языков Крыма	183
Головко О.М. (м. Запоріжжя). Лінгвальна актуалізація індивідуальних та персоналізованих підмов (на матеріалі сучасної англійської мови)	192
Новации в учебном процессе	201
Розсоха В.А., Чулганская Е.В. Государственный экзамен в формате компьютерной программы	201
Рецензии	210
Компанцева Л.Ф., Джинджолия Г.П., Розсоха В.А., Соболева И.А. <i>Л.Н. Синельникова. Жизнь текста, или Текст жизни: Избранные работы: В 3 т. (Луганск, 2005)</i>	210
Синельникова Л.Н. <i>А.В. Олянич. Потребности – дискурс – коммуникация (Волгоград, 2006)</i> (Расширенная аннотация с элементами рецензии)	213
Синельникова Л.Н. <i>О.Е. Павловская. Стилль: когнитивный потенциал (Краснодар, 2006)</i>	221
Синельникова Л.Н. <i>Т.А. Яценко. Каузация в русском языковом сознании (Симферополь, 2006)</i>	226
Синельникова Л.Н. <i>А. Старшии. Коммуникативная логика (Симферополь, 2006)</i>	230
Синельникова Л.Н. <i>Юрий Камброд. И трижды вновь (Луганск, 2006)</i>	232

Горошко Е.И. <i>Л.Ф. Компанцева. Философия Сети Интернет: школа Бернарда Лонергана и славянский опыт (Луганск, 2006)</i>	238
Шаклеин В.М. <i>Л.Ф. Компанцева. Гендерные основы Интернет- коммуникации в постсоветском пространстве (Луганск, 2006)</i>	240
<i>Відомості про авторів</i>	243

О СОДЕРЖАНИИ ЭТОГО ВЫПУСКА

Предлагаемый читателю очередной тематический Вестник, подготовленный кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий, имеет название «Коммуникация в современном мире». Отдавая себе отчёт в непомерной широте предложенной темы, мы попытались конкретизировать её определением возможных направлений исследования, каждое из которых представляет собой вполне самостоятельную проблему, как правило, сложную, недостаточно изученную и спорную. Но всё это – коммуникация, стремительно меняющая свои очертания в современном мире. Назовём направления, предложенные учёным в нашем приглашении к участию в Вестнике, с тем чтобы некоторым образом определить перспективу формирования следующего выпуска, который мы намереваемся посвятить этой же проблеме:

1. Изменения в информационно-коммуникативной структуре современного общества.
2. Информационно-коммуникативные технологии.
3. Новая информационная среда. Стратегии и тактики диалогичности.
4. Медиа-коммуникации. Мультимедийный формат.
5. Коммуникативный мир Интернета. «Цифровой человек».
6. Борьба за коммуникативное пространство. Технологии манипуляции общественным сознанием.
7. Проблемы речевого воздействия в современных теориях и практиках коммуникации.
8. Коммуникация с позиций гендерного подхода.
9. Специфика коммуникаций в условиях кризисных ситуаций.
10. Экология общения, её назначение и роль в современном коммуникационном пространстве.

В этом выпуске Вестника 24 статьи. К части из них применим объединительный тематический критерий, что даёт основание для возможной научной полемики, в том числе и на страницах этого издания. Интернет-коммуникации посвящены две статьи очень опытных по этой части специалистов – Е.И. Горошко и Л.Ф. Компанцевой. Некоторые аспекты современной газетной публицистики, отражающей коммуникативные приоритеты определённых общественных групп и влияющей на языковое сознание современного общества, рассматриваются в статьях докторантов Г.П. Джинджолия и И.А. Соболевой. Когнитивный потенциал местоимений анализируется в статьях Л.Н. Синельниковой и Э.В. Минаевой. Причем в статье Э.В. Минаевой представлен гендерный аспект анализа поэтического концепта, что существенно расширяет представление о филологической гендерологии. О способах речевого поведения, одобряемых или отвергаемых обществом, говорится в статьях молодых исследователей –

В.В. Фроловой, В.Л. Карамана, Н.И. Неловкиной. Не буду далее продолжать поиск интегральных показателей (просто хотелось оправдать культивируемую нами номинацию – «Тематический Вестник»), тем более что не всегда эти показатели, извините за каламбур, могут быть показательными. И всё-таки, сохраняя интригу, советую заинтересованному читателю обратить внимание на статьи А.М. Эмировой, И.А. Сеницы, Г.В. Дьяченко. Эти статьи о разном, но объединяет их «фактор диалога», лежащий в основе коммуникации как таковой, будь это проблемы интерференции в мультикультурном государстве, прагматика адресанта в научной коммуникации или специфика диалогичности в философском дискурсе.

С удовольствием сообщаю об открытии новой рубрики «Новации в учебном процессе». Новые времена – это, прежде всего, новое коммуникационное пространство для тех, кто учит, и для тех, кто учится. Инновационные подходы к обучению требуют новых моделей коммуникации. В статье В.А. Розсохи и Е.В. Чулганской анализируется опыт сдачи государственного экзамена по русскому языку (уровень «Бакалаврат») в формате тестовой компьютерной программы. В современной образовательной деятельности всё более закрепляется установка на интеллект и креативное мышление. Приглашаем коллег, действующих в русле такой установки, пополнять нашу новую рубрику.

Раздел «Рецензии» мы также представляем впервые. В этом выпуске помещены 8 рецензий, позволяющих познакомиться с интересными работами украинских и русских исследователей.

Пока мы вместе: филологи Украины и России, пишущие на том языке, который ближе нашему сознанию и мышлению, то есть сути, – всё будет хорошо.

Профессор Л.Н. Синельникова

Июнь 2007 года

Л.Н. Синельникова

**МЕСТОИМЕНИЕ В ДИСКУРСЕ
КАК ФОКУС СХОЖДЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ МНОЖЕСТВ
УЧАСТНИКОВ ОБЩЕНИЯ**

Знание – сложный многоступенчатый процесс. В условиях дискурса знание может быть квалифицировано как информация, которая передаётся одним субъектом речи другому. Любое знание тогда осознаётся и воспринимается как таковое, когда оно представлено в той или иной языковой форме.

Кодирование и декодирование сообщения – универсальный для любого рода коммуникации процесс, ориентированный на понимание, а вместе с ним и приобретение знаний о мире (в условиях конкретной ситуации – знаний о предмете разговора, об участниках общения, их иллюкативных установках и т. д.). В кодировании знания принимают участие все средства языка: лексико-фразеологические, морфологические, синтаксические, и «понимание дискурса – это процесс построения вывода на всех уровнях – как на уровне значения слова, фразы, предложения, так и на более глобальном уровне макроструктур» [1, с. 48].

Цель статьи – определить роль местоимения и прономинальности в целом в процедурах представления знаний в транзакциях. Когнитивная транзакция – это процесс вербальной коммуникации, строящийся на перемещении знаний от одного субъекта речи к другому.

Местоимения в дискурсе не только (а нередко и не столько) употребляются вместо имени, заменяя его или указывая на объект, но и участвуют в процессе познания и формирования необходимого для успешного общения знания. В ряде случаев в силу специфики категориальной семантики именно местоимение оказывается своеобразным мостом, переводящим незнание в знание.

Местоимения способствуют актуализации того или иного вида знания, инициируют переход имплицитных отношений между видами знания в эксплицитные. Дискурсивная «проработка» местоимения в транзакции может менять объём и характер информации, стимулировать переход от одной темы к другой, варьировать характер оценок предмета речи и мн. др.

Эвристичной для описания дискурсивной семантики местоимений оказалась идея *когнитивных множеств* – множества знаний, которые имеются у людей, вступивших в общение. Профессор кафедры

славистики Гарвардского университета, автор работ по грамматике дискурса О. Йокояма всесторонне обосновала это понятие, согласовав его содержание с видами знания, эмпирически классифицируемого с точки зрения говорящего субъекта. Исследовательница называет такие виды знаний: **референциальное знание** (referential knowledge) – некий набор признаков, необходимый для идентификации мира или предмета; **пропозициональное знание** (propositional knowledge), представленное в «голых» пропозициях (например, *кто-то куда-то уехал*); **специфицирующее знание** (specificational knowledge), которое позволяет осуществить замену неизвестного на известное одному из собеседников; **экзистенциальное знание** (existential knowledge) – общее (обобщённое, неконкретное знание), идентифицировать которое можно только косвенно (например, собеседник не знает названия города, но не может отрицать его существования, так как в этот город уехал друг); **предикационное знание** (predicational knowledge) – минимальное знание о событии (в варианте «нечто имело место»); **метаинформационное знание** (metinformational knowledge) – знание, необходимое для получения или передачи информации; **знание дискурсивной информации** (knowledge of the discourse situation), зависящее от соотносённости знаний адресата и говорящего [2, с. 30 – 42].

В процессе общения пересекаются разные виды знания. Процедуры передачи знаний в транзакции разнообразны. Они зависят от поведенческих стереотипов, обусловленных социальными нормами, от взаимоотношений между людьми, сложившимися в пространстве определённой культуры, от психологических факторов и т. д. Всё это сказывается на формальном выражении знания, мнения или предположения.

Терминологическое сочетание *когнитивное множество* компактно называет то, о чём в той или иной форме говорили лингвисты, занимавшиеся проблемами речевых коммуникаций.

Так, Т.М. Дридзе обращала внимание на то, что понимание текста обеспечивается его обработкой сферой сознания адресатов, пропускающих материальные, языковые носители через свои интерпретационные фильтры [3]. «Интерпретационные фильтры» – это не что иное, как следствие актуализированных в момент общения знаний адресата. Местоимение в этом случае, употребляясь *вместо имени*, включается в пространство отношений «известное / неизвестное» и становится возбудителем интереса адресата к информации, содержащейся в психокогнитивной сфере адресанта.

«В ходе коммуникации всегда предполагается, что собеседники обладают некоторыми общими сведениями о классе, которому принадлежит предмет речи» [4, с. 20]. «Общие сведения о классе» – это также один из показателей состояния когнитивных множеств людей, вступающих в общение. Часть этих знаний будет активизирована в дискурсе, другая может остаться не востребованной.

«Обмен мнениями образует **собственно коммуникативный режим** общения. Коммуникативное общение всегда аксиологично. Это уточнение, проверка или сравнение ценностей, осознание и проявление реакции субъекта на положение дел в мире...» [5, с. 87]. «Реакция субъекта на положение дел в мире» – это и реакция на способ вербальной представленности в транзакции этого положения дел, что также имеет отношение к когнитивным множествам. Да и аксиологичность общения не может быть некой заданной величиной, она формируется в дискурсивной процессуальности, в чередовании понимания и непонимания (или недопонимания), коммуникативной прозрачности и коммуникативного шума.

А. Вежбицкая считает, что любой текст на самом деле представляет собой *двухтекст*, так как он *организуется* говорящим и *понимается* слушающим. «Представим себе следующую ситуацию. Лицо *A* говорит. Долго, о предметах сложных, абстрактных. Лицо *B* слушает и старается понять. Понять хорошо – это не только «перевести для себя» отдельные предложения лица *A*, но и уловить связи между этими предложениями, вскрыть мысленную конструкцию целого, мысленно овладеть тем, что говорит *A*. Элементарное понимание – это просто перевод следующих друг за другом и воспринимаемых слухом предложений на собственный мысленный язык» [6, с. 403].

С идеей когнитивных множеств соотносится понятие *презюмции знания* [7] – наличия общего для говорящего и слушающего контекста. Данное понятие может быть непосредственно соотнесено с постулатом «релевантности» Грайса, если в установку «Будь релевантным» включить отношения между собеседниками до начала дискурса.

Дискурс можно рассматривать как процесс согласования когнитивных множеств участников общения. В процессе общения происходит оценка говорящими состояния знаний в определённой дискурсивной ситуации. В дискурсе осуществляется непрерывный переход от одного вида знаний к другому. В русле концепции когнитивной модели дискурса можно считать, что переход от одного состояния когнитивного множества к другому – это и есть дискурс. Иначе говоря, дискурс может пониматься как взаимодействие ментальных состояний. В рекурсии этих состояний – поэтапном переходе из предшествующего в последующее – принимают активное участие местоимения, поскольку они обладают особой способностью «распределять» виды знания или даже манипулировать ими.

От состояния когнитивных множеств субъектов речи зависит выбор коммуникативных стратегий. Коммуникативное партнёрство возможно при условии выявления состояния знаний участников коммуникации. В общении активизируется часть знаний, которыми располагают собеседники. В одних случаях эти знания пересекаются, в других – расходятся. Дискурс может состояться лишь при условии

достаточного количества пересечений, создающих некоторое общее представление и знание о мире.

Рассогласованность коммуникативных множеств создаёт помехи в восприятии информации, в преодолении которых заинтересованы обе стороны общения. Это положение можно проиллюстрировать реакцией на слово, в понимании значения которого отправитель и получатель речи находятся в неравных условиях. Несколько примеров:

«– Это надо же! Человек музыку сочиняет. А как он называется, кто музыку сочиняет?

– Композитор.

– Вы, значит, композитор?

– Да нет, какое там.

– Вы же сочинили – значит, композитор» (И. Грекова. Вдовый пароход).

«– Одет он был странно, – не сразу ответила Юлия Голова, – это я помню точно.

– Что значит странно? Не по моде, что ли?

– Да нет, не то чтобы не по моде. Просто странно, то есть не по-современному» (В. Пьецух. Драгоценные черты).

«– Не хотите по-хорошему, будет по-плохому.

– По-плохому – это как? – спросил его Умывакин, который в присутствии майора вдруг чего-то остервенел.

– А так: бульдозерами вас выкорчёвывать будем как социально чуждую поросль, чтобы другим неповадно было» (В. Пьецух. Москва – Париж).

Механизмы связности заложены в структуре сознания и проявляются в системной организации дискурса на основе согласования когнитивных множеств коммуникантов. Поскольку местоимения принимают участие в такого рода согласовании, можно считать эту категорию слов одним из средств связности на глубинном (ментальном) уровне. Местоимения, участвуя в формировании общего фонда знаний, способствуют лингвокогнитивной упорядоченности сознания и понимания, формированию общего для участников общения ментального лексикона.

Лингвистическая прагматика даёт инструментарий для анализа последовательности речевых актов, в которых обнаруживаются механизмы функционирования местоимений через мнения, установки, знания говорящего и слушающего, в том числе с учетом их социального статуса. Местоимения «размещают» и «перемещают» знания в пространстве дискурса, коррелируя отношения между видами знания через способы номинации. Когнитивное множество – понятие непосредственно соотносимое с языковым сознанием адресанта и

адресата. Пересечение знаний необходимо для развития дискурсивной ситуации и успешного её завершения.

Интерактивность как дискурсивная категория также вербально поддерживается местоимениями, обеспечивающими подтверждение или опровержение единства в понимании информации, зависящего от состояния когнитивных множеств субъектов речи в момент общения. Вступая в общение, человек исходит из сферы собственного сознания и понимания. Но у него нет права абсолютизировать своё понимание. Продолжение диалога и успешное его завершение возможны при условии постоянной коррекции объёма, содержания и способов вербального представления знания. Местоимения участвуют в развёртывании дискурса через согласование когнитивных множеств адресанта и адресата.

Когнитивное множество – это набор знаний, которым обладают субъекты общения. Дискурс активизирует знания собеседников в фокусируемый общением временной промежуток. Актуальность информации требует синхронного внимания участников общения. Местоимение в таких условиях может оказаться в центре внимания говорящих. Один из собеседников может лучше знать, какое содержание скрыто за местоимением, другой хочет оставить это знание только в пределах своего когнитивного множества. При этом каждый волен выбирать момент и языковой способ представления другому состояния своего когнитивного множества.

Содержание – не лингвистическая категория, но оно структурируется через соотносённость с видами знания и может манифестироваться определёнными группами местоимений. Так, для референциального знания необходимо общее понимание *кода*, то есть значения слов и грамматических правил языка. Объекты референциального знания в дискурсе могут быть представлены именами собственными, именами нарицательными и местоимениями. Местоимение может указывать на референт, соотносящийся с объектом, известным только говорящему, но не известным слушающему (например: *Мне один человек рассказывал...*).

Семантика неопределённых местоимений тесно связана с видами знаний, а также с объёмом информации, которая по желанию собеседников может стать их достоянием. Обращение к неопределённым местоимениям зависит от индивидуального решения вопроса о том, в какой мере и в каких идентифицирующих номинациях может быть представлено референциальное знание. Говорящий выбирает определённый или неопределённый способ оформления некой информации в зависимости от интенциональных установок и поставленных коммуникативных целей:

«– Вот видишь, – улыбнулась Даная, – я иногда могу говорить умные вещи. Хотя и не умна.

– В тебе *какой-то* другой ум.

– Звериный. Как в кошке...» (И. Грекова. Пороги).

Говорящий сам решает, какие знания нужно и можно конкретизировать, заменив неопределённое местоимение прямой номинацией предмета, признака и т. д., а какие оставить неконкретизированными. Так, весь класс неопределённых местоимений с частицей *кое-* закреплён за транзакциями, свидетельствующими о том, что в когнитивном множестве говорящего имеется референциальное знание, которое он по разным причинам скрывает.

У собеседника, настроенного на корпоративное общение, имеется право запроса недостающей информации. Вопросы представляют собой важный в когнитивном отношении прагматически актуализированный сегмент, проявляющий субъектные отношения в дискурсе в виде осознанного незнания. Вопрос (в когнитивных характеристиках это именно *запрос*) – свидетельство неудовлетворённости одного из собеседников объёмом, содержанием или способом выражения информации и желанием изменить состояние своего когнитивного множества. До ответа знание может находиться в когнитивном множестве одного из собеседников. Полученный ответ на определённое время выравнивает когнитивные множества общающихся. Транзакции, содержащие вопрос одного из собеседников, проявляют действие дихотомии «знание – незнание». Вопросы нацелены на снятие преград в общении и, по сути, свидетельствуют о желании адресата приблизить содержание своего когнитивного множества к когнитивному множеству адресанта. Естественно, это происходит в том случае, если собеседники имеют установку на коммуникативное сотрудничество.

Адекватная реакция на запрос способствует помехоустойчивости коммуникации. Если собеседники, преодолев момент установления контакта, согласились участвовать в данной когнитивной транзакции, ответы на возникающие вопросы, нацеленные на согласование когнитивных множеств, обязательны. Если когнитивные множества не сближены или сближены не в той мере, которая необходима для продолжения транзакции, общение может прекратиться:

«– Ты пришла или уходишь? – спросил Месяцев.

– Ухожу. Я привозила картошку.

– Почему ты?

– Потому что больше некому.

– А Юра на что?

Аня не ответила. Наступило тягостное молчание» (В. Токарева. Груда камней голубых).

Общность референтных знаний и пресуппозиций – залог способности адресата декодировать смысл. Пресуппозиция говорящего должна стать достоянием когнитивного множества слушающего в том объёме, который необходим для успешного завершения транзакции. Такого рода перемещение осуществляется в дискурсе через смену

дискурсивных ситуаций, каждая из которых направлена на установление равновесия в содержании когнитивных множеств общающихся.

Декодирование – процесс обратный кодированию. Любое местоимение представляет собой неопределённый терм (с точки зрения нефиксированного объёма референциального знания о мире). Не случайно так называемые «голые» пропозиции формально представлены именно местоимениями: *кто-то где-то что-то делает*. Отсутствие полнозначных предикатов компенсируется в дискурсе.

От пропозиционального знания, оформленного местоимениями, в дискурсе происходит переход к специфицирующему знанию, возникающему в результате замещения неизвестных термов информацией о предмете, событии, человеке и т. д.

Один из участников общения может обладать только пропозициональным знанием (например, услышать, что *с кем-то что-то случилось*), другой – специфицирующим, то есть знать имя человека, с которым нечто случилось, знать, *что* именно случилось. Это полное специфицирующее знание. Или обладать только частью информации: *с кем* случилось или *что* случилось. Это неполное специфицирующее знание. Развитие дискурсивной ситуации зависит от желания одного из собеседников изменить когнитивное множество через спецификацию (конкретизацию) пропозиционального (местоименного) знания.

Если собеседникам достаточно минимального знания (*нечто* имело место), дискурсивная ситуация, в центре которой оказалась местоименная пропозиция, может завершиться, и тема разговора, как правило, меняется. Минимальное знание оформляется полноценным предикатом, субъект действия при этом оказывается неопределённым: *Кто-то включил сигнализацию, началась паника, все побежали к выходу*.

Когнитивные множества говорящих могут включать разный объём референциального знания. Например, личные местоимения, находящиеся в постпозиции или препозиции к имени собственному, могут быть носителями референциального знания, включающего информацию о возрасте, внешнем виде, профессии, месте жительства и т. д. Каждый вид информации представляет собой пропозицию, которая может быть эксплицирована в дискурсе:

«Вера ждала меня на площадке. Раскрасневшаяся, нервная, печальная.

– Ты понимаешь, *ей* деньги нужны.

Я не понял. Вернее, понял, но сказал:

– Не понимаю.

– Алке деньги нужны. Ей улететь не на что» (С. Довлатов. Компромисс).

Все номинации и предикаты, совместимые с местоимением, свидетельствуют о наличии у говорящего некоторого референциального знания, которое при необходимости может дополняться или отвергаться собеседником.

Указательные местоимения также могут быть носителями референциального знания, которым владеет адресант, но не владеет адресат. В результате запроса место неясного термина заполняется в том вербальном объёме и варианте, который соответствует представлениям говорящего, обязанного, к тому же, учитывать ожидания собеседника:

«– Подпишите Стокгольмское воззвание! – бодро сказал Витя и развернул свой лист.

Доярки с удивлением посмотрели на нарядный лист. Лиза спросила:

– А что *это* такое?

– Чтобы войны не было, – объяснил Витя.

– А-а... Это давай!» (В. Токарева. Дом генерала Куропаткина).

Притяжательные местоимения в дискурсе могут давать интенциональный толчок, стимулирующий включение субъектов речи в распределение пространства принадлежности. Человек всегда по собственной воле или по воле обстоятельств решает, принадлежит ли ему нечто или не принадлежит, какова мера прочности принадлежности, строго ли очерчено пространство принадлежности и не стремится ли кто-нибудь в него вторгнуться. Именно поэтому лингвоментальная характеристика притяжательных местоимений связана с интенциональностью и рефлексивностью как реакцией на определение принадлежности:

«– Итак, Александр Маркович, – сказал он, поигрывая заграничным фломастером, – *ваш* неизвестный доброжелатель всё ещё не оставляет вас в покое.

– Я думаю, он *не только мой, но и ваш*. Или не так?»

«– *Наша* идея унификатора...

– *Не наша, а ваша*, – поправила Магда.

– *Неважно, чья*» (И. Грекова. Пороги).

В приведённых примерах проявлена высокая степень когнитивной нагрузки притяжательных местоимений, что даёт основание говорить о существовании посессивных дискурсов, реализующих категорию принадлежности как универсальную понятийную категорию языка.

Отрицательные местоимения – носители семантики несуществования. В дискурсе кванторный компонент «не существует» может дополняться разного рода модальными характеристиками, зависящими от принятия или непринятия несуществования объекта в сознании говорящих, от отношения как к этому объекту, так и к собеседнику. Антропоцентричность отрицательных местоимений проявляется в их лично-сферности: они фиксируют позицию субъекта речи, оценочная установка которого суживается до внутреннего мира и замыкается в нём:

«Звонить было *некому*. Всё опротивело. Я подумал – не уволиться ли мне в очередной раз? Не пойти ли грузчиком работать? (С. Довлатов. Чемодан).

Отрицательное местоимение – это знак отрицания пропозиции предшествующих ходов говорящего. Происходит отрицательная квалификация определённого положения дел, то есть осуществляется коммуникативный ход, идущий вразрез с высказыванием собеседника. В терминологии Т. ван Дейка отрицательные местоимения можно рассматривать как разновидность поправки [8, с. 292], свидетельствующей о том, что собеседники оценивают предмет разговора с различных позиций, в разных ценностных измерениях:

«– А экс-чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов – филателист.

– Ну и что? – спросила его Юлия Голова.

– *Ничего*. Просто филателист» (В. Пьецух. Новая московская философия).

Выбор адресатом отрицательного местоимения представляет собой особый коммуникативный ход, следствием которого является намеренное снижение содержания реплики адресанта. Такого рода коммуникативное действие может свидетельствовать о стремлении завершить дискурсивную ситуацию. Отрицательное местоимение – прагматический знак осторожности в выражении позиции или свидетельство нежелания её вообще выражать. Отрицательное местоимение в ответе на вопрос собеседника говорит о предпочтении неактивного, непроявленного отношения к сказанному:

«– Слушай, Василий, ты случайно по отчеству не Петрович?

– Петрович, – сказал Василий.

– Так! Великолепно! Просто великолепно!

– Что великолепно-то?

– *Ничего*. Ты звонил в бюро несчастных случаев и в больницы? (В. Пьецух. Новая московская философия).

Структура личности проявляется в её *дискурсивном сознании*, которое коррелирует с другими состояниями сознания и с состоянием сознания собеседника. «Дискурсивное сознание включает коммуникативную компетенцию – систему знаний о правилах речевой коммуникации, отражающую взаимодействие интеллектуального, социального и вербального поведения коммуниканта; интенцию – цель коммуникативного акта; интерпретанту – возможности реагирования и восприятия; ситуативные фоновые знания – знания о ситуации общения и о собеседнике и т. д.» [9, с. 166].

Специфика местоимений проявляется в том, что знания об объектах, представленных местоимениями, не равны (не тождественны) у коммуникантов на протяжении всего дискурса, и тогда оказывается необходимым ряд процедур для осуществления трансакции. Комплекс такого рода процедур составляет содержание *процедурной компетенции*.

«Процедурная компетенция... соответствует, с одной стороны, знанию, когда и что посылать и посылать ли вместе с бандеролью информацию об отношении отправителя к бандероли и адресату, а с другой стороны, знанию, что делать при получении посылки и если бандероль не дошла» [10, с. 208].

Кодирование и декодирование сообщения – процесс, сопровождающий общение. Сообщение адресанта должно строиться так, чтобы оно было понятно для слушающего. «При этом говорящий исходит, конечно же, из имеющихся у него представлений о том, что собеседнику может быть известно, а что неизвестно в теме беседы, «на ходу прикидывает», в какой мере другой может воспринять предложенную информацию и не понадобятся ли какие-либо уточнения. Со своей стороны и слушатель далеко не пассивен, ибо, пытаясь мысленно восполнить случайно упущенные или сознательно опущенные части информации, он в конечном счете стремится на основе своего жизненного опыта создать наиболее полные собственные представления о том, что же ему хотел сказать партнер по коммуникации» [11, с. 23]. Этот процесс представляет собой коммуникативную рефлексию, которая сопровождает общение.

Сбалансированность когнитивных множеств – это, по сути, коммуникативно-стратегическое и коммуникативно-тактическое приспособление находящихся в состоянии интерактивности коммуникантов. Одни местоимения могут поддерживать коммуникативное равновесие, другие – подчёркивать расхождения в состоянии когнитивных множеств.

Местоимения в первую очередь обеспечивают связь и соотношение прагматической и коммуникативной ситуации, задают характер межсубъектных отношений (говорить сразу о референте или добавить флёр неопределённости и мн. др.). Местоимения могут проявлять «игровые» установки партнёров, их нередко скрываемые иллюкативные цели, психологические, эмоциональные и ментальные состояния. Местоимение соотносит коммуникацию с когнитивными факторами, с диалогичностью сфер сознания коммуникантов; оно оказывается активным звеном коммуникации, кодируя информационную программу адресанта, которая должна быть воспринята и понята адресатом.

Итак, в разных видах трансакций действуют разные процедурные правила, описание которых возможно на языке размещения и перемещения знаний. Когнитивная модель – значение, которое пользователи языка приписывают дискурсу в процессе понимания или интерпретации [12, с. 46]. Местоимения в когнитивной модели дискурса: 1) служат целям глобальной связности; 2) принимают участие в организации информации; 3) упорядочивают последовательность информации, семантические данные и сами формируют семантические блоки; 4) составляют семантический базис для связи

последовательностей; 5) создают иерархические последовательности; 6) повторно активизируют важные семантические участки текста. Всё это относится к *пониманию* как когнитивно значимому процессу, то есть важно для решения когнитивных задач – приобретения знаний и их согласования в дискурсе.

Местоимения обладают способностью «упаковывать» знание, участвовать в способах его передачи. Кодирова информацию, адресант может намеренно использовать столь не простую в когнитивном отношении категорию, как местоимение. В процессе общения в действие вступает «кодовая компетенция», необходимая для совершения когнитивной трансакции. Процедурная компетенция в сочетании с кодовой составляют то, что именуется коммуникативной компетенцией.

Интенции участников дискурса объясняют функционально ориентированную семантику местоимений. Местоимения принимают участие в кодировании интенции, организуя разнообразные ситуационные модели коммуникации. Собеседники могут быть единокорными, настроены на взаимопонимание и толерантность; могут быть, напротив, разобщены и настроены интолерантно; могут зависеть друг от друга вследствие совершения каких-то действий до начала общения; могут провоцировать друг друга и т. д. Любое изменение намерений говорящего, желание перевести знание из своего когнитивного множества в когнитивное множество адресата сопровождается сменой модальности высказывания.

Трансакционная модель дискурса, в основе которой лежит концепция когнитивных множеств, даёт возможность нетривиального описания дискурсивных трансакций с актуализированным местоимением. В коммуникативных трансакциях как единицах дискурса происходит передача знания – как информационного, так и метаинформационного, и в этом процессе не последняя роль принадлежит местоимениям. Функционально-семантические свойства местоимений проявляются при переходе от одной дискурсивной ситуации к другой. В динамике дискурса местоимения могут проявить себя как средства коммуникативного контакта или рассогласования, они могут приближать или отдалять когнитивные множества коммуникантов. Дискурсивную ситуацию можно считать завершённой, если понят смысл сообщения, что является результатом изменения знаний общающихся на пути «приспособления» друг к другу.

Термин «когнитивное множество» вобрал идеи прагматики и когнитивной лингвистики, акцентировавшие внимание на адресате, включённость которого в общение должна быть обеспечена соответствующими ситуациями и целями общения средствами. Понятие «когнитивное множество», на наш взгляд, релевантно для описания трансакции как вербальной коммуникации, динамика которой объясняется перемещением разных видов знаний. Это понятие позволяет разграничивать денотативное и коннотативное перемещение знаний в

процессе когнитивных трансакций. Для нас существенно, что в такого рода разграничении принимают участие местоимения.

В последовательно меняющихся дискурсивных ситуациях местоимения выполняют анафорическую, дейктическую функции и в то же время могут быть носителями определённой психологической реальности дискурса – способствовать подтверждению или опровержению полученной информации, оценивать предметы внимания, предъявляя субъективные мотивировки коммуникантов о характере общения.

Беря на себя обязательство участвовать в трансакции, говорящие оказываются кооперативными партнёрами, в обязанности которых входит оценивание и предугадывание возникающих дискурсивных ситуаций. «Человек, претендующий на роль говорящего (спрашивающего), должен правильно оценить две вещи: (а) состояние и содержание когнитивного множества адресата и (б) будет ли готовящееся им высказывание релевантным для адресата (а в случае вопросительных высказываний, будет ли полученное после ответа знание релевантным для самого спрашивающего). С другой стороны, адресат принимает на себя главное обязательство – всячески помогать партнёру в достижении поставленной им коммуникативной цели» [13, с. 188].

Когнитивные множества позволяют представить сознание адресата как некий «понимающий механизм», интерпретирующий содержание передаваемой адресантом информации и переносящий её в свою картину мира. Смыслы адресанта должны быть согласованы с психоментальными особенностями реального или гипотетического адресата. В дискурсе устанавливается общность знаний коммуникантов как результат непрерывного перехода от одного вида знаний к другому.

Местоимения способны скрывать референциальное знание, камуфлировать код, но они же стимулируют поиск понимания кода – через вопросы, переспросы, уточнения, требования дескрипций и мн. др. Местоимения могут кодировать не только денотативную информацию, но и коннотативную – говорящую об отношении субъектов речи к денотату.

Прономинальная семантика контролируется говорящими, улавливающими в процессе общения общие и специфические признаки местоимений. Местоимения с полным основанием могут быть включены в число дискурсивных маркеров как формальные показатели связности текста и как ментальные показатели, способствующие изменению состояния когнитивных множеств участников общения.

Литература

1. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
2. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М., 2005.
3. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация и культура: Введение в семиосоциопсихологию. – М., 1998.
4. Арутюнова Н.Д. Язык

и мир человека. – М., 1999. 5. **Рябцева Н.К.** Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994. 6. **Вежбицкая А.** Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М., 1978. 7. **Strawson P.F.** Identifying Reference and Truth Values // Theoria, 30. 1964. 8. **Дейк ван Т.А.** Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. 9. **Селиванова Е.А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К., 2002. 10. **Йокояма О.** Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М., 2005. 11. **Лобачёв Б.З.** О категориях эго- и альтерэгоцентризма // Проблемы структурной лингвистики 1981. – М., 1983. 12. **Дейк ван Т.А.** Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. 13. **Йокояма О.** Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М., 2005.

МЕСТОИМЕНИЕ В ДИСКУРСЕ КАК ФОКУС СХОЖДЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ МНОЖЕСТВ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕНИЯ

Представлен новый аспект рассмотрения местоимения в русле когнитивной модели дискурса, проявляющего разные иллокутивные стратегии субъектов речи. Дискурсивные признаки местоимений устанавливаются на основе понятия «когнитивное множество», позволяющего проводить анализ прономинальности на языке процедур перемещения знаний в транзакциях.

Ключевые слова: местоимение, дискурс, когнитивное множество, транзакция, перемещение знаний.

ЗАЙМЕННИК У ДИСКУРСІ ЯК ФОКУС СХОДЖЕННЯ КОГНІТИВНИХ МНОЖИН УЧАСНИКІВ СПІЛКУВАННЯ

Представлений новий аспект розгляду займенника в руслі когнітивної моделі дискурсу, що проявляє різні ілокутивні стратегії суб'єктів мови. Дискурсивні ознаки займенників встановлюються на основі поняття «когнітивна множина», що дозволяє проводити аналіз прономінальності мовою процедур переміщення знань у транзакціях.

Ключові слова: займенник, дискурс, когнітивна множина, транзакція, переміщення знань.

PRONOUN IN DISCOURSE AS CONVERGENCE FOCUS OF COGNITIVE MULTITUDES OF COMMUNICATION PARTICIPANTS

A new aspect of the pronoun consideration is presented in the channel of the discourse cognitive model, which shows different illocutive strategies of speech subjects. The discourse signs of pronouns are set on the basis of the

term ‘cognitive multitude’, which allows to analyze the pronominality using the procedures language of moving the knowledge in transactions.

Key words: pronoun, discourse, cognitive multitude, transaction, moving the knowledge.

УДК 81'373. 612.2

Г.П. Джинджолия

ИНФОРМАЦИОННО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

*От наших представлений о сознании
зависит наша концепция мира, а она в свою
очередь предопределяет нашу мораль, нашу
политику, наше искусство. Получается, что
все огромное здание Вселенной,
преисполненное жизни, покоится на
крохотном и воздушном тельце метафоры.*

Х. Ортега-и-Гассет

Дискурс современной публицистики в значительной мере тяготеет к метафоре, которая становится обязательным его признаком.

Цель статьи – исследовать когнитивные модели метафоры, описать некоторые процессы их функционирования в публицистическом тексте, рассмотреть эти модели в диахроническом аспекте, обратив внимание на соотношение традиционного и нового.

О метафоре написано множество работ. Метафора обычно рассматривается как видение одного объекта через другой, проекция известного на неизвестное, как способ познания мира. В процессах метафорического познания осмысливаются «невидимые миры» – сложные непосредственно наблюдаемые мыслительные пространства. Метафорическое мышление – поиск сущности, показатель сложной проблемной ситуации, попытка найти решение. А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич в работе «Парламентские дебаты: традиции и новации» пишут: «Когнитивная сила метафоры делает ее незаменимым инструментом при поиске решений новых проблемных ситуаций. Отсюда взрыв метафорики... Метафорическое мышление в политике – признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы» [2, с. 17].

Характерные черты метафоры – способность улавливать и создавать сходство между очень разными классами объектов, выявлять сущностный и постоянный признак объектов. Очень важное свойство метафоры как средства речевого воздействия – подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения [2; 6].

Повышенная метафоричность современной публицистики совершенно естественна. «Функция тропа как механизма семантической неопределенности обусловила то, что в явной форме, на поверхности культуры, он проявляется в системах, ориентированных на сложность, неоднозначность или невыразимость истины» [7, с. 58]. Сложные политические и экономические реалии требуют метафорического осмысления.

Метафоры группируются в целостные совокупности. Некоторое множество метафор с заданным вспомогательным субъектом образует когнитивную модель. Основные когнитивные модели метафоры, представленные в современной публицистике, следующие: строительная, военная, медицинская, транспортная, зоонимическая, театральная, кулинарная, пространственная. Когнитивные модели в значительной мере обуславливают наше поведение и реальные события. Они отражают мир, и мир отражает их.

В советскую эпоху было принято представлять общество в терминах здания, строения. Строительная метафора имплицитно когнитивные структуры – сценарии, по которым в различные культурные эпохи развиваются реальные события: здание имеет фундамент, блоки, кирпичи, несущие опоры, стену, крышу; строительство может затянуться (долгострой); здание можно перестроить; здание может быть разрушено и т. д. Метафора долгостроя присутствует в публицистике второй половины 80-х – начала 90-х годов, метафорика крыши – в 90-е годы. Аналогия общества со зданием, которое человек должен перестроить, определяет целую культурную эпоху второй половины 80-х годов. Сила подобных аналогий чрезвычайно велика, ибо они актуализируют культурный текст – притчу о строительстве Вавилонской башни. Смещение языков рисуется в Священном Писании как кара за непомерное развитие самодовольства и гордыни, воплощением чего является замысел постройки башни. Вавилонская башня приобретает референциальную соотнесенность с «советской башней». В идеологии создания «советской башни» отразилась «напряженная модальность, которая всегда была присуща советскому обществу, – приоритет должного перед сущим, общего перед особенным» [4, с. 56]. Осуществлению безбожного и в то же время бессмысленного замысла постройки «новой башни» препятствует «новое смешение языков», выразившееся в национальном дроблении.

Политика может трактоваться в терминах войны. Когда мы так говорим о политике, то мы не имеем в виду, что война есть разновидность политики или политика есть разновидность войны. Речь

идет о том, что наши знания и опыт, приобретенные в области войны, применяются для решения политических проблем. Политика концептуализируется в терминах войны. Метафора войны принадлежит к числу тех ключевых метафор, которыми мы «живем» в нашей культуре [6, с. 389]. Д. Лакофф и М. Джонсон, рассматривая метафору *спор-война*, пишут: «Крайне важно иметь в виду, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны. Мы можем реально побеждать или проигрывать в споре. Лицо, с которым мы спорим, мы воспринимаем как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем собственные. Мы захватываем территорию, продвигаясь вперед, или теряем территорию, отступая. Мы планируем наши действия и используем определенную стратегию. Убедившись в том, что позиция незащитима, мы можем ее оставить и принять новый план наступления» [7, с. 388]. Все это в полной мере относится и к метафоре *политика-война*. Возможные военные сценарии в политике выражает соответствующий лексикон: *битва, блокада, бой, бомба, взрыв, заряд, знамя, плен, атака, вылазка, выстрел, диверсия, маневр* и т. д. Метафора войны отражает стереотипы тоталитарного мышления, реализует речевую стратегию дистанцирования [10] и имеет ярко выраженное деструктивное начало: *взрыв протеста, война идеологий, экономическая война, пропагандистская война* и др. В постсоветскую эпоху некоторые виды социальной деятельности не осмысливаются в образах войны, заметно обновляется «военный» лексикон. Уходят в прошлое *классовые битвы, борьба за повышение качества продукции, холодная война*.

Для постсоветской политической культуры типична медицинская метафора. Общество, находящееся в кризисном состоянии, рассматривается как организм, правильная деятельность которого нарушена. Одна метафора связана здесь с другими. *Политические болезни* проявляются в *политическом головокружении, политическом дальтонизме. Вирус кризиса* вызывает *социально-экономические язвы, раковую опухоль и гангрену инфляции. Бациллы коррупции парализуют* экономическую жизнь страны. *Рецидивы технологического паралича и энергетической комы* связаны с *нервной аритмией бирж, валютной лихорадкой, болезнью валюты. Духовные язвы и нравственная глухота* ведут к *зуду агрессивности, метастазам насилия и эпидемии преступности*. Остается только неясным, откуда берутся *болезни, вирусы, рецидивы паралича* и т. д. Метафора болезненного состояния изъята из сферы предсказуемости, из категории причинности. Лексикон медицины образует способ выражения медицинских аспектов принятия решений и упорядочения событий. Так, предлагаются: *шоковая терапия; политическая хирургия, хирургическое вмешательство в живую ткань государства; экономический консилиум, консилиум валютных докторов; ампутация общественных расходов; вливание в экономику; прививки трудолюбия, отзывчивости и благородства; лекарство от затяжного кризиса власти; рецепт для успеха дипломатии*. Метафорический

сценарий шоковой терапии известен по экономическим программам начала 90-х годов.

Очень продуктивна транспортная метафорика. Она допускает когнитивное дробление по названию средств передвижения: *государственный корабль, раскачать политическую лодку, поезд приватизации*; по названию составных частей средств передвижения: *колесо истории, кормило власти, руль политики, маховик реформ, политический мотор*; по названию путей и дорог: *экономический путь, магистраль общественной жизни, обочина жизни*; по названию маршрута, отправного и конечного пунктов движения: *политический маршрут, рыночная экономика* (конечный пункт движения). Средства передвижения в разные культурные эпохи меняются. Так, *локомотив революции* сменяется *раскачивающейся политической лодкой*. Здесь ярко проявляются представления о мире и установки.

Зоонимическая метафора охватывает названия животных (*удав преступности, дракон тоталитаризма*), частей их тела (*хвост организованной преступности*), названия, связанные с их существованием (*паутина политических переговоров, долларова паутина*). Мир политики «перенаселен» животными: *волк, кролик, паук, гидра, стервятник, ястреб* и мн. др. «Места их обитания» в разные культурные эпохи меняются.

Проявляют активность метафорические модели, связанные с миром театра, кино, цирка, спорта: *политическая авансцена, ампула «миротворца», политическая арена, политическая инсценировка, политическая клоунада, комедия со «всеобщими» выборами, политические кульбиты и сальто, надеть политическую маску, раунд политических консультаций, новый раунд валютной схватки, дипломатический трюк, политический аттракцион, политическая игра, игра в демократию, политический марафон, предвыборный марафон*.

Активны также кулинарная метафора: *подать гарнир из разнообразных политических обещаний, коктейль политических обещаний, предвыборное блюдо, телевизионный винегрет, вытрезвиться от вина революции*; пространственная метафора: *политический ландшафт, информационное пространство, экономическая зона, политическая линия, экономический оазис*.

Метафора – способ понятийного освоения мира и часть нашей концептуальной системы.

Рассмотренные метафоры представляют мир как борьбу деструктивного и конструктивного начал. Деструктивному началу отвечают военная метафора, метафора болезненного состояния общества, «советское столпотворение». Конструктивное начало связано с положительными метафорическими сценариями, например, сценарием оздоровления общества.

В метафоре сосредоточены знания, способы действия, реальность и пред-реальность. За всем этим стоит определенная ментальность и картина мира.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990.
2. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М., 1991.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русской политической метафоры. – М., 1994.
4. Косенкова Ю.Л. Градостроительство советской эпохи в поисках идеала // Человек. – 2001. – № 1.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.В. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996.
8. Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М., 1990.
10. Факторович А.Л. Стилистическое оформление речевых стратегий (теоретико-лингвистические и теоретико-журналистские аспекты). АДД. – Краснодар, 2000.

ИНФОРМАЦИОННО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются основные когнитивные модели метафоры, представленные в современном публицистическом тексте: строительная, военная, медицинская, транспортная, зоонимическая, театральная, кулинарная, пространственная.

Ключевые слова: публицистический текст, метафора, когнитивная модель, языковая картина мира.

ІНФОРМАЦІЙНО-ОЦІННИЙ ПОТЕНЦІАЛ МЕТАФОРИ В СУЧАСНОМУ ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ ТЕКСТІ

У статті розглядаються основні когнітивні моделі метафори, представлені в сучасному публіцистичному тексті: будівельна, військова, медична, транспортна, зоонімічна, театральна, кулінарна, просторова.

Ключові слова: публіцистичний текст, метафора, когнітивна модель, мовна картина світу.

INFORMATION-EVALUATIVE POTENTIAL OF METAPHOR IN THE MODERN PUBLICISTIC TEXT

The article views the main cognitive models of the metaphor, which are presented in the modern publicistic text: the structure, military, medicine, transport, zoonymical, theatre, culinary, and space ones.

Key words: publicistic text, metaphor, cognitive model, language picture of the world.

УДК 811.161.1'42

Л.Ф. Компанцева

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Зарождение информационных технологий привело к глобальному переосмыслению мира и формированию нового типа коммуникации. Это заявление было сделано Маршалом МакЛюэном, которому принадлежат метафоры, вошедшие сегодня в терминологический аппарат западных учебников: «глобальная деревня», «век информации», «среда – это сообщение» (*medium is message*). Говоря об исторических перспективах информационных революций, МакЛюэн обращался, прежде всего, к типографским инновациям XV века. Он отмечал, что вмонтирование внутрь типографических репродукций (отделение языка и информации в рекомбинированных частях) и одновременно осознанная экспансия в распределении знания явились революцией, приведшей к изменению всего печатного дела [5]. Используя анализ «культуры печатания», МакЛюэн обращается к сравнению ее с результатами технологических изменений [6]. Сравнение, проводимое МакЛюэном относительно движения медиа в сторону горячих (закрытое, однонаправленное/переданное, завершенное сообщение) и холодных (открытое, разнонаправленное/интерактивное сообщение), вызвано желанием подчеркнуть интерактивность вовлеченности сетей в передачу информации. МакЛюэн аргументирует появление новых «холодных» технологий, расширяющих человеческие возможности и увеличивающих те аспекты практики, которые изначально были ограничены в пространстве или во времени. МакЛюэн размышлял о технологическом продвижении общественных трансформаций. По его мнению, общество часто представляется суммой коммуникаций, происходящих внутри него, и влияние технологии на коммуникацию, следовательно, остается в центре многих исследований нового века.

В дальнейшем Марк Постер использовал знаменитое положение МакЛюэна «*medium is message*» и развил его далее. М. Постер выделил три модуса информации, три различных способа соположения коммуникативного знания и бытия в обществе, говоря о том, что «история может быть периодизирована изменениями в структуре способов коммуникации» [11, с. 6]. Различным эпохам присущи

различные коммуникативные стратегии и тактики, что приводит к возникновению новых обществ. М. Постер экспериментально идентифицирует главные этапы развития коммуникативных технологий, такие как «лицом к лицу», словесно опосредованная замена; записанные изменения, опосредованные печатанием; электронно опосредованные изменения. Первый этап характеризуется «символическими соответствиями, второй – представлением знаков, третий – информационной симуляцией (simulations)» [11, с. 6]. Эти этапы не являются последовательными: несмотря на то, что каждая ступень исторически является более поздней, чем предыдущая, они не заменяют друг друга, а, скорее, взаимно налагаются. Каждый из методов сохранения и передачи информации основательно вклинивается в сети взаимоотношений, которые составляют общество, и это приводит к глубоким изменениям в самом обществе [11, с. 7].

Одним из ключевых моментов грядущих трансформаций информационного общества являются когнитивные возможности людей и их коммуникативный потенциал. Истер Дисон замечает, что каждая личность должна проявить себя, потому что, формируя сети и поддерживая их соответствующей информацией, человечество получает множественные преимущества; каждая отдельная личность должна играть активную роль в существующих сообществах или создавать свои собственные; люди могут предлагать свои продукты через сеть, помогая, таким образом, себе и другим (см. подробнее: [10, с. 281–286]).

М. Кастельс, размышляя о модификации информационного общества в сетевое, отмечал, что этот этап обусловлен двумя типами изменений – трансформацией общества (и его экономики) и трансформацией сознания людей. Используя эти два типа изменений, М. Кастельс сделал вывод о том, что компьютерные технологии продуцируют новый тип общества и коммуникации – сетевые (см. подробнее: [2; 3]). М. Кастельс был первым исследователем, который определил всю значимость повсеместного распространения сетевых технологий и отметил, что этот процесс является продуктом сетевого общества, в котором не только компании, но и личности могут получать выгоду от новых коммуникативных возможностей. Электронные сети поддерживают развитие и распространение знаний и информации, дающих возможность более быстрой адаптации. Кроме того, М. Кастельс обратил внимание на то, что развивающиеся процессы изменились от бытия, основанного на физических ресурсах, к возрастанию доверия к мобилизации и координации знаний и информации. Эти процессы приводят к актуализации такого феномена, как Интернет-коммуникация, который полностью вписывается в философию, социологию и психологию нового общества.

Формирующаяся парадигма лингвистических исследований Сети предполагает установление терминологического аппарата. Значимой единицей нового понятийного аппарата является категория *Интернет-*

коммуникации – один из возможных терминов для обозначения коммуникативных действий в Сети Интернет.

В последних исследованиях Интернет-коммуникации встречаются следующие определения этого феномена. Е.Н. Галичкина под компьютерным общением понимает коммуникативное действие, подразумевающее обмен информацией посредством компьютера [1, с. 32]. Ф.О. Смирнов использует понятие «электронная коммуникация», которое, по мнению автора, содержит эксплицитное указание на электронный канал передачи информации [8, с. 12–16].

П.Е. Кондрашов сопоставляет понятия «коммуникативное пространство» и «компьютерное общение», отмечая, что подобное сближение подтверждается «распространением в этой сфере динамических и локальных метафор типа *зайти в Интернет, бродить по Интернету, заглянуть в чат, встречаться на форуме, доступ в Паутину* и под., подтверждающих восприятие Интернет-общения именно как общения в определенном (даже замкнутом, хотя и необъятном) пространстве» [4, с. 23].

Г.Н. Трофимова отмечает революционные преобразования традиционной коммуникативной среды в Интернете и как результат – возникновение веб-коммуникации – интерактивной межличностной коммуникации [9, с. 112].

В западной литературе существует устоявшийся термин – «коммуникация, опосредованная компьютером» (computer mediated communication), что наиболее близко предлагаемому нами понятию **Интернет-коммуникация**. Понятия **компьютерное общение**, **электронная коммуникация**, **Интернет-коммуникация**, **веб-коммуникация** весьма близки, но не совпадают по своему объему. Интернет-коммуникация ограничена взаимодействием коммуникантов в Интернете, тогда как понятия «электронная коммуникация», «компьютерная коммуникация» – шире, поскольку могут включать в себя, например, общение в локальных сетях.

Мы предлагаем использовать в лингвистике Интернета термин **Интернет-коммуникация**, что обусловлено рядом причин:

1. Интернет-коммуникация проистекает в новой информационной среде, отличающейся многообразием субъектов речи, их иллокутивных установок, взаимодействием различных дискурсивных практик. В Интернет-коммуникации переплавляются и смешиваются жанры, стили, типы и виды речи. «Одни из них смешиваются, другие, наоборот, дробятся, третьи сохраняют свои основные характерные черты, четвертые исчезают, пятые возрождаются, а шестые появляются в речевой практике впервые» [9, с. 112].

2. Прагматическая организация Интернет-коммуникации в качестве основополагающих единиц использует гиперкатегории – **гипертекст**, **виртуальный дискурс**, **жанровый формат**.

3. Субъект Интернет-коммуникации исполняет множество ролей, одновременно сопresentствует во множестве реальностей, зеппингово формирует палитру восприятия и оценки мира. Меняются принципы организации коммуникации: она приобретает трансформационный, кросскультурный характер. Массовая коммуникационная компетентность формируется как самоускоряющаяся и самосохраняющаяся сущность. Адаптация личности в подобной языковой ситуации видится кросскультурной проблемой, первоочередным фактором, влияющим на целый ряд социальных процессов.

4. Интернет-коммуникация строится на принципах актуальности, открытости, интерактивности, автономности и интертекстуальности. Эти принципы созвучны соционормативным канонам человека и мира эпохи постмодерна: потенциальная анонимность субъекта Интернет-коммуникации, языковая игра и множественность построения «Я» личности, максимум возможностей для любого рода коммуникативного конструирования, множественность и пересечение текстовых плоскостей. Подобный уровень коммуникации свидетельствует о множественности культурных практик в отдельном типе культуры. Эта множественность предполагает развитие текста, дискурса, самого процесса коммуникации, синхронизирующих прошлое, настоящее и будущее, ценности и смыслы, детерминирующие философию, религию, психологию, язык в единую систему межпланетарного общения.

5. Интернет-коммуникация все более воздействует на различные типы внесетевых дискурсов и внесетевую коммуникативную практику.

6. Дистантность, разделенность в пространстве и во времени, опосредованность компьютером усложняют процесс коммуникации в Интернете, она становится многочленной и приобретает две модели реализации – синхронную и асинхронную: «а) асинхронная коммуникация по принципу «один – одному», например, электронная почта; б) асинхронная коммуникация по принципу «многие – многим» (списки тематических рассылок); в) синхронная коммуникация, которая может быть построена по принципам «один – одному», «один – нескольким» и «один – многим» (чаты, форумы, ICQ); г) асинхронная коммуникация, которая характеризуется тем, что получателю необходимо найти сайт для получения доступа к нужной информации, и может быть построена по принципу «многие – одному» или «один – многим» [9, с. 124].

7. Интернет-коммуникация использует новую форму языка – письменно-устную, что оказывает специфическое влияние на нормотворчество, жанрообразование и реализацию всей коммуникативной практики в Сети.

Таким образом, устанавливающаяся парадигма Интернет-коммуникации, формирующийся терминологический аппарат свидетельствуют о возникновении новой зоны лингвистической

практики и интереса – коммуникативного взаимодействия в сетях Интернета, что в конечном итоге обуславливает возникновение новой дисциплины – лингвистики Интернет-коммуникации.

Литература

1. **Галичина Е.Н.** Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Астрахан. гос. пед. ун-т. – Астрахань, 2001.
2. **Кастельс М.** Виртуальное время // Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – http://www.polbu.ru/kastels_informepoch/ch65_all.html.
3. **Кастельс М.** Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 296–308. Эл. ресурс: <http://www.postindustrial.ru/titles5.shtml?book=7>.
4. **Кондрашов П.Е.** Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2004.
5. **МакЛюэн М.** Понимание Медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. – М., 2003.
6. **МакЛюэн М.** Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М., 2005.
7. **Олянич А.В.** Презентационная теория дискурса: Монография. – Волгоград, 2004.
8. **Смирнов Ф.О.** Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2004.
9. **Трофимова Г.Н.** Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: Монография. – М., 2004.
10. **Dyson E.** Release 2.0: A Design for Living in the Digital Age. – London, 1997. – P. 281–286.
11. **Poster M.** Cyberdemocracy: The Internet and the Public Sphere // Reading Digital Culture / Ed. by D. Trend. – USA: Blackwell Publishers Ltd, 2000. – P. 259–271.

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В статье рассматривается значимая единица понятийного аппарата Интернет-лингвистики – Интернет-коммуникация как один из возможных терминов для обозначения коммуникативных действий в Сети Интернет.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, Интернет-лингвистика, виртуальный дискурс, гипертекст, жанровый формат.

ІНТЕРНЕТ-КОМУНІКАЦІЯ: КОГНІТИВНО-ПРАГМАТИЧНІ СКЛАДОВІ

У статті розглядається значуща одиниця поняттєвого апарату Інтернет-лінгвістики – Інтернет-комунікація як один з можливих термінів для іменування комунікативних дій у Мережі Інтернет.

Ключові слова: Інтернет-комунікація, Інтернет-лінгвістика, віртуальний дискурс, гіпертекст, жанровий формат.

INTERNET-COMMUNICATION: COGNITIVE-PRAGMATIC COMPONENTS

The article suggests the significant unit of the terminology of the Internet-Linguistic – Internet-Communication as top-ranked term for name of the communicative actions of the Net.

Key words: Internet-Communication, Internet-Linguistic, hypertext, genre formats, virtual discourse.

УДК 811. 161. 1:378

В.А. Розсоха

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Среди современных стратегий процесса обучения русскому языку как иностранному *коммуникативно-деятельностный подход*, концептуально обоснованный в работах Е.И. Пассова, признан наиболее эффективным. Его специфика заключена в попытке приблизить процесс обучения к процессу реальной коммуникации. Особое внимание уделяется созданию и поддержке у обучающихся потребности в общении, посредством которого усваивается как профессионально значимая, так и представляющая общекультурную ценность информация [см. подробнее: 1, с. 112–113].

Названная *стратегия обучения* требует определенной *тактики* – системы методических приемов, обуславливающих оптимальный путь овладения учащимися речевой деятельностью как способом общения и средством познания мира.

На начальном этапе процесса обучения при таком подходе целесообразно использование метода «погружения» в другую языковую

среду с опорой на прямой (беспереvodный) метод, применение которого предполагает раскрытие значения языкового знака посредством приемов, не связанных с использованием родного языка или языка-посредника (применительно к лексике такими могут быть наглядность, синонимы, антонимы, словообразовательный анализ, толкование, перечисление, текст).

Эффективность «погружения» зависит от многих факторов – наличия коммуникативных установок, квалификации преподавателя, среды обучения, этнокультурной специфики аудитории (однонациональная или многонациональная группа) и др.

Границы нового языкового мира быстро расширяются, когда обучающиеся на этапе презентации «знакомятся заново» с предметами, окружающими их, отвечая на вопросы: «кто это?» или «что это?», а фонетическое своеобразие языка, орфоэпические нормы усваиваются достаточно быстро с помощью аудиовизуального метода, основанного на восприятии и многократном повторении.

Элементарность упражнений, отказ от использования языка-посредника (прямое усвоение лексики) достаточно продуктивны в естественной языковой среде. Важно лишь, чтобы этот процесс не замыкался в рамках аудиторного занятия.

Лексику, усвоенную на начальном этапе прямым (беспереvodным) методом обучения, легко проверить, предложив студентам систему заданий для самостоятельной работы, а также актуализируя её при дальнейшем изучении грамматики с частичным использованием методики перевода.

В практике преподавания русского языка иностранцам мы предлагаем в качестве тренировки следующие упражнения:

1. Подготовьтесь правильно и быстро читать слова. Найдите их перевод в словаре (Prepare to read the following words correctly and fluently. Look them up in a dictionary).

Пол, стена, потолок, дверь, окно, лампа, доска, мел, стол, стул, учебник, тетрадь, бумага, ручка, карандаш, словарь, линейка, студент, учитель, преподаватель, журнал, упражнение, картина, выключатель, замок, ключ.

2. Ответьте на вопросы, пользуясь словами из скобок (Answer the questions using the words in brackets).

Пример (Example): *Это собака? (кошка) – Нет, это не собака, а кошка.*

Это доска? (дверь). Это стол? (парта). Это текст? (фраза). Это сок? (вода). Это комната? (кабинет). Это зал? (парк). Это правило? (текст). Это сыр? (рыба). Это карта? (журнал). Это дверь? (окно).

3. Разделите слова на три группы по их роду (Divide the following words into three groups depending on their gender).

Брат, письмо, рыба, окно, аудитория, текст, группа, собака, сестра, вопрос, доска, книга, парта, стол, кот, имя, мама, стакан, сын, роза, парк, кабинет, дорога, гора, бумага, фото, кино, театр.

он	она	оно
брат	сестра	окно

4. Разделите слова на четыре группы по их роду и числу (*Divide the following words into four groups depending on their gender and number*).

Дом, словарь, дочь, окно, книга, доска, ручки, лампа, карта, печь, карандаши, письмо, машина, автобус, календарь, шарф, кресло, чай, человек, диван, полка, путь, дорога, доски, колесо.

он	она	оно	они
дом	доск <u>а</u>	окн <u>о</u>	карандаш <u>и</u>

5. Образуйте форму множественного числа от следующих существительных (*Write in the plural of the following nouns*).

Пример (*Example*): студент – студенты; студентка – студентки.

Текст – ... ; группа – ... ; аудитория – ... ; магнитофон – ... ; шапка – ... ; автобус – ... ; стол – ... ; полка – ... ; словарь – ... ; дверь – ... ; шкаф – ... ; лампа – ... ; учебник – ... ; бумага – ... ; диван – ... ; зал – ... ; сумка – ... ; фильм – ... ; ваза – ... ; парта –

Самостоятельно работая над заданиями, подобными этим, студенты закрепляют знания, репрезентированные прямым методом. Процесс перевода и осмысления небольшого числа незнакомых единиц, которые они встречают, позволяет пополнить им свой словарный запас лексемами, которые невозможно усвоить прямым методом.

Например, в следующем упражнении это вопросительные местоимения *кто, что, где*.

6. Поставьте вопросы к подчеркнутым словам, используя вопросительные местоимения *кто, что* или *где* (*Make questions to the underlined words using the interrogative pronouns who; what or where*).

Пример (*Example*): Они дома. – Кто дома? Это комната. – Что это? Он здесь? – Где он?

Она студентка. Это стол и стул. Они студенты. Учитель и студенты тут. Университет не здесь, а там. Я не учитель, я студент. Это учитель. Преподаватель здесь. Это не сок, а вода. Ваза там.

Выполненные дома и проверенные преподавателем тексты заданий можно использовать для моделирования коммуникативных ситуаций во время проведения аудиторного занятия. Преподаватель в данном случае переводит учебную цель занятия (например, усвоение новой лексики и грамматики) в задачу общения, в результате чего

деятельность обучающихся во время аудиторного занятия становится для них коммуникативно значимой.

Так, на материале предложенных выше заданий студенты составляют свои первые диалоги [см. подробнее: 2]. Приведём в качестве примера некоторые из них:

1.

- Как тебя зовут?
- Меня зовут Ибрагим. А тебя?
- А меня Джао.
- Что это, Джао?
- Это ручка.
- Чья это ручка?
- Это моя ручка.
- Нет, это не твоя, а моя ручка.

2.

- Кто она?
- Она студентка.
- Где она?
- Она здесь (в аудитории, в комнате, дома).
- А где он?
- Он там.

3.

- Что это?
- Это стол.
- А это?
- Это стул.
- Это книга?
- Нет, это не книга, это тетрадь.
- А где книга?
- Книга там.

Коммуникативные упражнения, включающие вопросно-ответные, ситуативные, репродуктивные (пересказ текста или видеоряда), композиционные (например, устное выступление по предложенной теме), игровые, считаются ведущими на занятиях, и на их выполнение рекомендуется отводить основную часть учебного времени.

В дальнейшей работе наиболее продуктивным в этом направлении является использование *наглядности* (фотографий, таблиц, рисунков, видеофрагментов), с помощью которой легко воссоздаются естественные речевые ситуации, что, в свою очередь, стимулирует учебно-познавательную активность студентов.

Наглядность не только направляет внимание обучаемого на смысл высказывания, развивает его творческие способности, но и снимает психологическое напряжение. Именно по этой причине большинство пособий содержит иллюстративный материал.

Нам хотелось бы обратить внимание на одно из них – пособие Л.Муравьевой «Глаголы движения в русском языке» (М., 1986), ориентированное на англоговорящую аудиторию.

В первую часть пособия автор включает картинки, короткие тексты, взятые из газет, журналов, комиксов, и разные коммуникативные упражнения, основанные на системе, предложенной Е.И. Пассовым в его работе «Условно-речевые упражнения для формирования грамматических навыков» (М., 1978). Основным достоинством иллюстративного материала, предложенного Л.Муравьевой, является его сюжетность и динамичность. С одной и той же картинкой можно работать достаточно долго, изменяя коммуникативные установки. Начиная с простейшего задания «Look at the pictures. Note the verbs used in Russian to denote movement of people» (*Посмотрите на картинки. Обратите внимание на глаголы, использующиеся в русском языке для обозначения движения людей* [3, с. 7]), автор пошагово усложняет задачи, объясняя оттенки между синонимичными значениями, прямым и переносным значением, видовыми различиями, приставочными и бесприставочными глаголами и т. д., завершая работу достаточно сложным для обучающихся заданием: «Что можно сказать, рассматривая картинку...?» или «Compose a short story based on the preceding pictures, using the appropriate verbs of motion. Tell your story in the present tense. Use perfective verbs in the past tense where necessary» (*Составьте короткий рассказ на основе предшествующих картинок, используя соответствующие глаголы движения. Расскажите свою историю в настоящем времени. В случае необходимости используйте глаголы прошедшего времени совершенного вида* [3, с. 210]).

Трудно переоценить значение наглядности и при моделировании типичных коммуникативных ситуаций в условиях дидактической игры, стимулирующей спонтанные высказывания учащихся. «Использование наглядности при проведении ролевых игр, групповых и коллективных форм работы, как этого требует современная методика, перспективно еще и в том плане, что зрительный образ – прекрасный стимул для вхождения в новую роль, которую предстоит сыграть обучаемому. ... Наглядные образы призваны воссоздавать естественную мотивированность речевых поступков, повышать информативность, проявлять эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету обсуждения» [4, с. 3].

Отдавая предпочтение коммуникативно-деятельностной стратегии как стратегии, обеспечивающей мотивацию учения, способствующей поддержанию внимания к изучаемому материалу, формирующей умение получать информацию и сотрудничать, необходимо помнить, что она

базирується не тільки на визначених лінгвістических і психологіческих, но і дидактических принципах, основними из котрих являються наступні: принцип науковості, принцип виховуючого навчання, принцип свідомості, принцип активності, принцип наглядності, принцип систематичності і послідовності, принцип надійності засвоєння, принцип доступності (надійності) і принцип індивідуалізації.

Література

1. **Щукин А.Н.** Лінгводидактический енциклопедический словарь: більше 2000 одиниць. – М., 2007. 2. **Изаренков Д.И.** Навчання діалогіческої мови. – М., 1981. 3. **Муравьёва Л.С.** Глаголи руху в російськом мові. – М., 1986. 4. **Кириш Т.К., Соколова И.Б., Крылова Н.Г.** Диспут: Методическое керівництво к комплексу навчальних наглядних матеріалів. – М., 1990.

КОМУНІКАТИВНІ СТРАТЕГІЇ І ТАКТИКИ НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКОМУ МОВІ ЯК ІНОЗЕМНОМУ

В статті описується комунікативно-діяльнісний підхід навчання російськом мові як іноземном в якості ведучої стратегії, забезпечуючої мотивацію навчання, а також система методических прийомів, умовлюючих оптимальний шлях оволодіння мовною діяльністю як способом спілкування і засобом пізнання світу.

Ключевые слова: комунікативно-діяльнісний підхід, стратегії і тактики навчання, російськом мові як іноземном.

КОМУНІКАТИВНІ СТРАТЕГІЇ І ТАКТИКИ НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ

У статті описано комунікативно-діяльнісний підхід навчання російськом мови як іноземном як провідна стратегія, що забезпечує мотивацію навчання, а також систему методических засобів, які умовлюють оптимальний шлях оволодіння мовною діяльністю як засобом спілкування та знаряддям пізнання світу.

Ключові слова: комунікативно-діяльнісний підхід, стратегії і тактики навчання, російськом мови як іноземном.

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article describes the communicatively active approach of teaching Russian as a foreign language as the major strategy which provides the motivation to study; it also describes a system of methodological techniques which determine the optimal way of mastering the speech as a way of communication and means of the world perception.

Key words: communicatively active approach, strategies and tactics of teaching, Russian as a foreign language.

УДК 808.2 – 85

И.А. Соболева

ЖАРГОНИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ *ЛИЦА* КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖАРГОНА

Агрессия, так же, как и оценочность, является неотъемлемой чертой политического дискурса.

Е. Шейгал

Языку современных СМИ свойственно использование жаргонной лексики, которая является показателем как языка нашего современника, так и самих социальных процессов, поскольку жаргонизмы эксплицируют происходящие в социуме изменения. Известно, что большая часть жаргонных слов и выражений имеет формальные аналоги в литературной лексике. В языке начала XXI в. частотна лексика, соотносящаяся с аналогичными узуальными единицами, то есть омонимичная: совпадающая по форме, но отличающаяся по значению от литературного слова. Омонимия жаргонного и узуального слова выступает смысловым провокатором газетного дискурса. В данном случае эксплицируются две проблемы: первая, связанная с культурой речи, репрезентирует барьер непонимания между адресантом и адресатом дискурса, вторая – языковое творчество адресанта дискурса, выводящее коммуникацию в область креативности и языковой игры.

Совершенно очевидно, что проблема жаргона (арго, сленга) не может быть решена исключительно как проблема социолингвистическая. Ни «синхроническое», ни «диахроническое» изучение жаргонов, которые, разумеется, совершенно необходимы и очень полезны, не дадут ответа на вопрос о сущности жаргона, о его постоянном, циклическом возрождении, о странных и подчас таинственных трансформациях слов,

выражений, о «расцвете» и «угасании» тех или иных жаргонных концептов и т. д.

Одна из особенностей речи носителей жаргона – создавать всевозможные экспрессивные эквиваленты к наиболее актуальным явлениям окружающей действительности. В этой связи, на наш взгляд, малоизучен большой пласт единиц, образующих периферию лексико-семантической группы «названия лица», жаргонно-просторечные прозвища, например, политиков, олигархов и прочих. Исследования в этой области представлены в виде отдельных лексикографических источников [1; 3; 9; 11] и некоторых работ по диалектологии и стилистике [4; 11; 13].

Под прозвищем мы понимаем некое имя, которое присваивается человеку с учетом его индивидуально-личностных свойств неким коллективом (имеет внутреннюю мотивацию) и функционирует в узкосоциальной или профессиональной среде [8; 11; 13]. Основное свойство прозвища – *камерность* (в терминологии исследователей – *корпоративность*) [6; 7; 11]. Иногда удачно подобранное прозвище является предметом своеобразной гордости: «... В Ираке Кусай (речь идет о сыновьях Саддама Хусейна) был известен под кличкой *Змея*...

Удай тоже имел прозвище *Абу Саран* (по-арабски – «волк»). Кличка Удаю нравилась, он ею откровенно бравировал» [10, с. 2].

Фактические данные отобраны путем метода «включенного» наблюдения, выборки из периодической прессы («Московского комсомольца», «Огонька», «Аргументов и фактов» и др.), ряда лексикографических источников [1; 3; 9; 11; 14].

Человек является объектом и субъектом общественных отношений. Неслучайно поэтому в центре внимания носителя жаргона (и его производителя) находится, прежде всего, человек (определенное лицо), его деятельность. Как результат – наиболее объемной и продуктивной в составе современного медиа-политического жаргона является лексико-фразеологическая семантическая группа (далее – ЛФСГ) «наименования лица по различным признакам».

В статье анализируется ЛФСГ со значением лица, функционирующая в современном политическом дискурсе. К полю политического дискурса (вслед за Е.И. Шейгал) относим любой опубликованный материал СМИ, в котором идет речь о политике и автором которого является политик, или же материал, адресованный политике [15, с. 26].

В составе профессиональных жаргонов, по мнению Л.П. Крысина, функционирует два типа коммуникативных средств. Это, во-первых, единицы, совпадающие с единицами общенационального языка и составляющие основу лексического и грамматического строя профессиональных жаргонов. Во-вторых, арготические слова и обороты, отчасти дублирующие официально принятые в соответствующем

специальном подязыке термины, отчасти именующие то, что не имеет официально принятого терминологического обозначения [4, с. 68].

Итак, прозвище может мотивироваться:

1) **антропонимом:**

а) личным именем из антропонимикона родного языка (в сопровождении суффиксов субъективной оценки и без них): *Юля* – Ю. Тимошенко; *Абрам* – Р. Абрамович; **б) деминутивным именем:** *Гоша* – Г. Боос; *Мишка* – М. Горбачев; **в) именем, отчеством, фамилией** (с суффиксами субъективной оценки): *Примус* – Е.М. Примаков, *Жир*, *Жири*, *Жирик* – В.В. Жириновский, *Степашка* – С.В. Степашин, *Вешняк* – А. Вешняков, *Горбак (-ач)* – М.С. Горбачёв; **г) фамилией в сочетании с именем и отчеством** (при этом прозвище главы государства, лидера политической партии, олигарха оформляется в виде всем понятной аббревиатуры): *ВВП* – В.В. Путин, *ЕБН* – Б.Н. Ельцин; *ВВЖ* – В.В. Жириновский, *ЧВС* – В.С. Черномырдин, *БАБ(а)* – Б.А. Березовский;

2) **характерным признаком:**

а) особенностями конституции (комплексией, ростом): *Метр с кепкой* – Ю. Лужков; **б) особенностями лица (глаз, носа, волос, бороды, губ), головы:** *Сахарная Голова* – А. Волошин (блестящая голова, переходящая в затылок), *Рыжий* – А. Чубайс; **в) особенностями характера и манерой поведения:** *Московский Муссолини* – Ю.М. Лужков, *Железная Леди*, *Леди Ю*, *Железная Ведьма* – Ю. Тимошенко; **г) особенностями речи:** *Однозначно* – В.В. Жириновский;

3) **морально-нравственными качествами:** *Мишка-пакет* – М.С. Горбачев; *Мишка (Господин) Два Процента*, *Тихий Сапа* – М.М. Касьянов; *Паша-мерседес* – П. Грачев;

4) **выполняемой работой, родом деятельности, занимаемой должностью:** *Электрик* – А. Чубайс; *Биг-Босс (Большой Начальник)* – Г. Боос; *Властелин колец* – Ю.М. Лужков (строительство 3-го транспортного кольца); *Минеральный секретарь*, *Лимонадный Джо*, *Безалкогольная бормотуха* – М.С. Горбачев;

5) **элементом биографии:** *Зюгзаг Удачи* – Г.А. Зюганов (после выхода во второй тур президентских выборов в 1996 г.);

6) **метафорическим, метонимическим переносом:** *Долгорукий*, *Московский Муссолини*, *Кепка*, *Лучший представитель номенклатурного капитализма*, *Маленький московский царь*, *Пасечник*, *Юрий Великий* – Ю.М. Лужков; *Лысый Чебурашка*, *Крокодил Гена* – Г.А. Зюганов; *Мальчиш-плохиш*, *Упырь* – Е.Т. Гайдар; *Русский Гарри Поттер*, *Киндерсюрприз* – С.В. Кириенко; *Франкенштейновна* – Т.Б. Дьяченко; *Дядька Черномор(д)* – В.С. Черномырдин; *Главный чукча России* – Р. Абрамович.

7) **языковой игрой:** *Ястреб (женский)* – С. Ястржембский; *Кепконосец*, *Лаврентий Палыч Мэрия*, *Лужкорлеоне* – Ю. Лужков.

Как видно из примеров, в основу образования прозвищ могут быть положены различные мотивы. Внутренняя мотивация прозвищ отдельных лиц может оставаться «скрытой для непосвященных». Для прозвища (так же как и для любой жаргонной единицы) характерно свойство образовывать экспрессивные синонимы к актуальным с точки зрения жаргонизирующего явления. Прослеживается эта тенденция и в отношении представителей полит- и бизнес структур. Последние, как правило, имеют несколько прозвищ, в которых отражается та или иная политическая ситуация либо же содержится определенная оценка их общественно-политической деятельности. Так, к примеру, **В.В. Путин** в разные периоды становления имел прозвища: *ВВП, Пути-Пут (РооИе-РооI), Тихушник, Енот-полоскун, Папа, Моль, Крысёнок, Капутин, Хапутин, Штази, Туалетный Путенок, Пунька, Путя, Вице-Собчак*. Аналогично **Ю.М. Лужков** – *Властелин колец, Мэтр пять с кепкой, Бычок в кепке, Лужок, Долгорукий, Лужкорлеоне, Дуче, Большая Кепка, Московский Муссолини*; **В.В. Жириновский** – *ВЕЖ, Жир, Жири, Жирик, Либералиссимус всея Руси, Сын Юриста, Владимир Юристович, Вервольфович, Однозначно, Вождь, Трипсих, Владимир Дьявольфович, Вожджириновский, Кремлюк*; **Г. А. Зюганов** – *Красный Папа Зю, Дядя (Дядюшка) Зю, товарищ Зю, Лысый Чебурашка, Крокодил Гена, Зюгандель, Гендира Зюганди, Зюзя, Капээсэня, Зюгашвили, Зюзгак Удачи, Мыррик (Мырринский Философ), Геннадий Обкомыч, Обкомыч*; **Б.А. Березовский** – *БАБ, БАБА, БАБушка, Береза, Баобаб, Серый Кардинал, Распутин, Кремлевский Крестный Отец, Мечта Антисемита, Папик, Пофигист, Кошелёк и др.*

Данная ЛФСГ объединяет лексику и фразеологию, характеризующую и деятельность политиков в процессе производственно-трудовых отношений. Ядро же образует тематическая группа «наименование лица по профессионально-трудовой деятельности». В ее составе слова и выражения, характеризующие сферу деятельности парламентариев по различным признакам.

1. **По занимаемой должности:** президент страны – *авторитет, презик, рейтингоносец, главный пахан*; губернатор Чукотки – *начальник Чукотки*; директора предприятий нефтедобывающего комплекса – *нефтяные генералы*; сотрудники администрации президента РФ – *кремлевед, кремлесиделец*; высшие органы государственной власти – *высшие слои атмосферы*; представитель государственных органов власти, уполномоченный «озвучивать» официальную точку зрения, – *говорящая голова, голова Кремля* и т. д.

2. **По характеру выполняемой работы:** приезжие («неместные») политики или бизнесмены, претендующие на значимые роли – *варяги*; высокопоставленные чиновники в процессе работы над книгой «История приватизации в России» – *союз писателей*; лицо, не претендующее на избрание, но при этом имеющее множество сходств с основным

кандидатом, против которого применяются «грязные технологии», – *двойник*; лицо, уполномоченное вести переговоры, – *переговорщик*.

3. **По отношению к своим должностным обязанностям:** безынициативные, непубличные политики – *роботы*; политик, чей вес обусловлен действиями СМИ, – *виртуальный политик*; ангажированный телеведущий – *телекиллер*.

4. **По уровню подготовки, значимости в политической иерархии:** публичный политик, имеющий определенную репутацию, – *тяжеловес*; лидер, утративший политический вес, – *политический пенсионер*; лицо, обладающее большим опытом работы на хозяйственных должностях, – *крепкий хозяйственник*.

5. **По принадлежности к тому или иному политическому блоку, направлению:** демократические силы – *девшиза*; молодежное движение «Идущие вместе» – *кремлевский гербалайф*, *юные путинцы*, *путинюиды*; член партии «Яблоко» – *яблочник*; Союз промышленников и предпринимателей – *профсоюз олигархов*; крупные бизнесмены, политики, входящие в ближайшее окружение экс-президента Б.Н. Ельцина, – *семья*.

Диапазон оценки прозвища политика может быть достаточно широк: от нейтрального до крайне негативного: «О степени реального авторитета различных правительственных начальников можно судить по их прозвищам. В первые месяцы работы нынешнего правительства кличка Михаила Фрадкова в Белом доме была еще сравнительно приличной: *Винни-Пух*. Но теперь чиновники здесь его называют не иначе как “*наш урод*”» (МК, 15.03.2006).

Таким образом, периферия ЛСФГ «название лица» представлена довольно многообразным пластом лексики, который подчиняясь общим закономерностям жаргонных единиц данной ЛСФГ, имеет свой четко отлаженный механизм образования и свою сферу функционирования, способен в большей своей части образовывать синонимические ряды. Несмотря на свою локальность (камерность) употребления, данная лексика, на наш взгляд, представляет интерес для глубокого лингвистического изучения. Демократизация общества может привести порой к крайне уродливым формам существования языка, свидетельствующим о расширении сферы действия арго и различных субкультур. Думается, что возникшее положение дел носит функциональный характер и практически не затрагивает систему языка. Изучение и анализ подобных языковых фактов, несомненно, будут способствовать повышению общей речевой культуры, в том числе и речи политиков.

Литература

1. Вальтер Х., Мокиенко В. Словарь современных русских прозвищ. – Грайфсвальд, 2004. 2. Дейч М. Как украсть миллиард, или Лишних денег не бывает // Моск. комсомолец. – 2003. – 7 июля.

3. **Макловски Томас, Клят Мэри, Щуплов А.** Жаргон-энциклопедия московской тусовки. – М., 1997.
4. **Крысин Л.П.** Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.
5. **Николаев К.** Братва из «комплексов» // Мир криминала. – 2003. – №14. – С. 8.
6. **Никонов В.А.** Имя и общество. – М., 1974.
7. **Никулина З.П.** Из наблюдений над группой прозвищ по внешнему признаку // Имя нарицательное и собственное / Под ред. А.В.Суперанской. – М., 1978.
8. **Подольская Н.В.** Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988.
9. **Словарь** молодежного жаргона, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 1992.
10. **Стуруа М., Морозов А., Ягилавский А.** Волчья яма // Моск. комсомолец. – 2003. – 24 июля.
11. **Ушаков Н.Н.** Прозвища и личные неофициальные имена (К вопросу о границах прозвища) // Имя нарицательное и собственное / Под ред. А.В.Суперанской. — М., 1978.
12. **Хинштейн А.** Генеральский общак // Моск. комсомолец. – 2003. – 8 июля.
13. **Чичагов В.К.** Из истории русских имен, отчеств и фамилий // Вопросы русской исторической ономастики (XV – XVII вв.). – М., 1959.
14. **Щуплов А.** Кто есть Ху (мини-энциклопедия политических кличек). – М., 1999.
15. **Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

ЖАРГОНИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖАРГОНА

Языку современных СМИ свойственно широкое употребление жаргонной лексики. Одна из наиболее активных групп жаргонов – лексико-фразеологическая семантическая группа со значением лица.

Ключевые слова: язык СМИ, дискурс, политический дискурс, медиа-политический жаргон, лексико-фразеологическая семантическая группа.

ЖАРГОНИЗМИ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ ОСОБИ ЯК ЧАСТИНА СУЧАСНОГО МЕДІА-ПОЛІТИЧНОГО ЖАРГОНУ

Мові сучасних ЗМІ притаманне широке використання жаргонної лексики. Одна з найбільш активних груп жаргонів – лексико-фразеологічна семантична група зі значенням особи.

Ключові слова: мова ЗМІ, дискурс, політичний дискурс, медіа-політичний жаргон, лексико-фразеологічна семантична група.

JARGONISMS WITH THE MEANING OF FACE AS PART OF MODERN MEDIA JARGON

Jargon is widely used in modern media language. One of the most active jargon groups is a lexico-phraseological semantic group with the meaning of face.

Key words: media language, discourse, political discourse, lexico-phraseological semantic group.

УДК 811.161.1:821.161.1 – 1.09 Бродский

Т.А. Пономарёва

ЛИРИЧЕСКИЙ ЖАНР КАК МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ (на материале анализа колоративов в переводах И. Бродского)

Термин «коммуникация» в одном из своих значений трактуется следующим образом: «один из модусов существования явлений языка» [1, с. 329]. Формой существования языка, «высшей формой словесности» [2, с. 304] является и поэзия. Это свойство даёт основание рассматривать лирический жанр как одну из форм коммуникативной структуры, а лирический сюжет представлять как своеобразную коммуникативную ситуацию.

Цель данной статьи — анализ цветового отображения картины мира в переводной поэзии Иосифа Бродского. Обращение к колористике И. Бродского видится уместным в рамках тематики данного выпуска: именно колористика этого поэта строится на его убеждённости в божественном приоритете Языка, Слова, Поэзии.

Наблюдения над переводами И. Бродского позволяют говорить о преобладании в них цветов, являющихся главными и в его оригинальной поэзии: чёрного и белого.

Традиционное для большинства культур мира восприятие чёрного цвета как цвета горя и страдания отражено и в переводной поэзии Бродского:

*Звучи ж, напев, где даже радость тайным
горчит неторопливым причитаньем,
где черная рыдает нищета.*

(К. Паламас. «Восток»)¹

*Безумье — черней тюрьмы.
Безумьем поражена,*

*отвергнутая жена
в темницу погружена.
(Еврипид. Пролог и хоры из трагедии «Медей»)*

*Рожденный здесь запомнит навсегда
Пять черных дней, дней траура и горя.
(Неизвестный автор. «Голландская песня»)*

*Прочь, тяжелая птица!
Черный прочь соглядатай
тайной боли! Пошла!
(Т. Младенович. «Весеннее смятение»)*

*Пускай аэроплан, свой объясняя вой,
Начертит в небесах «Он мертв» над головой,
И лебедь в бабочку из крепа спрячет грусть,
Регулировщики — в перчатках черных пусть.
(У.Х. Оден. «Часы останови, забудь про телефон...»)*

Встречаем в переводах и традиционную интерпретацию белого цвета как символа чистоты, непорочности, возвышенности, святости. Белый цвет является цветом рая:

*Мой нежный фавн уходит, ах,
В Рай лебедей и черепах,
Где горностаи по весне
И агнцы спорят в белизне.
<...>*

*У ног моих и ляжешь ты,
Из алебаstra — чистоты
Небесной: белизною тел
Небесных на земле ты бел.*

(Э. Марвелл. «Нимфа, оплакивающая смерть своего фавна»)

Анализ стихотворения-оригинала показывает, что Э. Марвелл в приведённом фрагменте использовал только два колоратива, один из которых — *milk-white* — отличается от колоратива Бродского (с белизной) (*With milk-white Lambs, and Ermins pure / <...> For I would have thine Image be / White as I can, though not as Thee*) [4, с. 19].

Обратимся к ещё одному фрагменту.

*Клятвы днесь — что ковер, который в грязи расстелен.
Места, где честь живет, вам не покажет эллин.
Разве — ткнет пальцем вверх; знать, небосвод побелен.
(Еврипид. Пролог и хоры из трагедии «Медей»)*

Применение к описанию метафизической субстанции — небосвода — глагола-колоратива, обозначающего реальное физическое действие, способствует стиранию границ между земным и внеземным мирами.

В поэтической картине мира Бродского белый — цвет чистоты и невинности, цвет снега и зимы — часто символизирует одиночество и холодность не только окружающего пейзажа, но и внутреннего мира человека:

*Рыдала женщина. Снаружи
снежок клубился. И сиротство
той женщины и краткость стужи
какое-то имели сходство.*

<...>

*И в женщине, лицо склонившей,
себя слезами обогревшей,
все больше было сходства с нищей
землей, от снега побелевшей.*

(О. Чиладзе. «Комната»)

Оппозиция «белый – чёрный» в переводах Бродского часто связана с оппозициями «день – ночь», «жизнь – смерть»:

*То не луна бледна а черного скакуна
грива черна длинна ниже подков она
и в нее вплетена черная роза сна.*

(Ф. Галас. «Наш пейзаж»)

*Профиль мертвой луны небосвод покидает с тоской
Так белеет лицо исчезая в одном из отверстий
крематория Все задвигается черной доской
с именами созвездий.*

(Ф. Галас. «Тишина»)

Слова-концепты взаимодействуют, проникают друг в друга. Способствуют такому взаимопроникновению концептов в лирическом сюжете цветовые обозначения, которые актуализируют свойства концепта. Цветовые оппозиции поддерживают и выделяют оппозиции метафизические. Кроме того, семантику оппозиций подчёркивают и другие языковые средства: грамматические (краткие формы прилагательных в первом фрагменте), метафоры-загадки (*вплетена черная роза сна, черная доска с именами созвездий*), отрицательное сравнение (первый фрагмент) и сравнение, реализуемое через приём синтаксического параллелизма (второй фрагмент).

На оппозиции «белый – чёрный», включающей метафизические противопоставления и сакральные смыслы, построен лирический сюжет перевода стихотворения Р. Уилбера «Чёрный индюк»:

*Отряд из девяти цыплят —
Все молоды, белы, как на подбор —
Бредет через засыпанный мякиной
И стружкой двор.*

<...>

*Не ярк и не тускл,
Во двор индюк вступает в этот миг,
Таинственный, величественный, словно
Туз пик.*

<...>

*Сопровождая плеск
Хвоста и старых перьев взмах
Тем хладным шумом, с коим ветер гонит
Бумажный прах,*

*Над кривизною ног
Огромный, черный движется живот,
Как туча над кустом, как бриг поверх
Мятежных вод.*

*Костистая глава
На шее, отдающей синевою,
Как маска, снятая с лица святого, тусклый
И суетности чуждый свой*

*Взор устремляет на
Весь этот кукарекающий сброд,
Чьи вопли, день за днем, с вульгарным пылом
Творят восход.*

Лирический сюжет перевода стихотворения Десанки Максимович «В бурю», также основанный на подобных цвето-семантических оппозициях, представляет собой взаимосвязь разных концептов: от общепоэтических — «одиночество», «смерть» — до индивидуально-авторских («холм»). Благодаря транспозиции индивидуальных концептов происходит внедрение в «чужую» картину мира — в картину мира автора оригинала. Включению слов-концептов в реальный жизненный контекст, что является яркой чертой идиостиля И. Бродского, способствуют цветовые номинации:

*Кто-то весь вечер упрямо
стоит на холме. Поверь,
не разобрать мне, мама,
то человек или ель.*

<...>

*Над ним распластала крылья
туча, черна, нема.
Пусти меня, мама, или
ступай позови сама.
Гром над холмами страшен.*

*Отвори ему дверь.
Пусть спрячется в доме нашем
тот человек или ель,
что глядит до сих пор
в наш белый и скромный двор.
Там, на холме, скитальцем
стоит он один. Пусти!
Дай моим тонким пальцам
молнию отвести.
Пусти меня, мама, мама!
Черен взор грозовой
тучи, бьющей крылами
над его головой.*

Особое отношение И. Бродского к белому цвету (цвету чистого листа бумаги) и чёрному цвету (цвету букв, складывающихся в слова) прослеживается не только в оригинальной, но и в переводной поэзии:

<...>

*белый лист под пером — награда
превыше истории, звезд и боли.
(Д. Чиарди. «Дар»)*

*В неумелых попытках пера добиться
стихотворенья, в стремлении строчек
к недостижимой цели, —
в этом, и только в этом, как выяснилось, спасенье.
(Ч. Милош. «Посвящение к сборнику “Спасение”»)*

*Был в плену солоноватой влаги
завернут мир безрадостного детства,
но из чернил возникли на бумаге
зеленый склон и хохолок младенца.
Боль, от которой никуда не деться,
не стоит слов. При всей своей отваге,
страшится рифмы грустного соседства.
Ни об одном не сожалел шаг,
все повторил бы я, родись вторично.
Бесславию мое мне безразлично...
(У. Саба. «Автобиография»)*

Слово, по Бродскому, выше всего. Мысль о том, что только язык (и поэзия как высшая форма существования языка) способен преодолеть смерть, время и пространство, звучит как в оригинальной поэзии, эссе, интервью, лекциях, так и в переводах.

Такую убежденность в божественном приоритете языка подтверждает цвето-семантическая оппозиция «белый – чёрный», состоящая из двух основных цветов колористики Иосифа Бродского,

которые символизируют цвет чистого листа бумаги и цвет возникающих на нём букв.

Литература и примечания

1. **Бацевич Ф.С.** Основы коммуникативной лингвистики. — К., 2004.
2. **Бродский И.** Поклониться тени: Эссе. — СПб., 2001. 3. **Бродский И.** В ожидании варваров. Мировая поэзия в переводах. — СПб., 2001.
4. **Marvell A.** The poems. — London, Routledge and Kegan Paul LTD, 1952.

¹Переводы И. Бродского цитируются по [3].

ЛИРИЧЕСКИЙ ЖАНР КАК МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ (на материале анализа колоративов в переводах И. Бродского)

В статье рассматриваются особенности колористики И. Бродского, проявленные в его переводах; анализируются языковые реализации доминирующих колоративов.

Ключевые слова: переводная поэзия, колоративы.

ЛІРИЧНИЙ ЖАНР ЯК МОДЕЛЬ КОМУНІКАЦІЇ (на матеріалі аналізу колоративів у перекладах Й. Бродського)

У статті розглядаються особливості колористики Й. Бродського, що присутні в його перекладах; аналізуються мовні реалізації домінуючих колоративів.

Ключові слова: поетичний переклад, колоративи.

LYRICAL GENRE AS A MODEL OF COMMUNICATION (based on the analysis of the coloratives in translations by I. Brodsky)

The article deals with the peculiarities of coloratives in translations by I. Brodsky, analyzes the language realizations of dominant coloratives.

Key words: poetical translation, coloratives.

Э.В. Минаева

**КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»: Я – ТЫ ОТНОШЕНИЯ
В ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ
(на материале поэзии Нины Павловой)**

Актуальность исследования обусловлена становлением гендерной концептологии (термин предложен Л.Н. Синельниковой) — направления, которое представляет собой синтез концептологии и гендерологии и позволяет исследовать константы культуры, эффективно используя инструментарий обеих наук в их взаимодействии и взаимодополнении. Статья написана в рамках диссертационного исследования «Гендерная концептология: языковая репрезентация концептов «Дом» и «Любовь» в женской поэзии».

Цель: рассмотреть особенности функционирования *Я — Ты отношений* в женской лирике, их роль в структурировании смыслов концепта «Любовь».

В любовной лирике *Я — Ты отношения* занимают особое место, поскольку «трансрациональность и непостижимость непосредственного самобытия, как она обнаруживается в бытии «я — ты», открывается в своей последней глубине в явлении *любви*, в котором впервые сполна, во всей своей полноте, осуществляется отношение «я — ты» [5, с. 526]. По Марку Буберу, метафизический и метаспсихический факт любви заключается в том, что «<...> двое людей открывают друг другу Ты» [1, с. 55], в любви, таким образом, открывается захватывающая динамика возвышенных межличностных отношений.

Категория лица отнесена к «ядерным» категориям поэтической грамматики, которые определяют структуру лирического текста, его специфику [2, с. 16].

Стихотворения Нины Павловой насыщены личными местоимениями, которые «означают смыслы, относящиеся к глобальным понятиям материального и духовного мира и одновременно углубляют, дифференцируют и составляют эти смыслы» [6, с. 448]. Местоимения *я* и *ты* образуют тесное смысловое пространство, в которое «втягивается» весь текст. Происходит контаминация фундаментальных для человеческого бытия понятий *я* и *ты* (изначально находящиеся в оппозиции: оппозиция *я/ты* — оппозиция концептуальных миров), которая нивелирует оппозиционные характеристики. Миры влюбленных в значительной степени совпадают:

Я позову:

— Я! —

и ты обернешься.

Не потому, что ты — это я,

Но потому, что я — это ты...

(Я [4, с. 254])

Личные местоимения *я* — *ты* обмениваются признаками и становятся взаимозаменяемыми, тождественными по значению. В этих условиях вынесенное в заголовок личное местоимение *я*, «разворачиваясь» в стихотворении, становится контекстуальным синонимом личного местоимения *ты*. Вполне возможно заменить заголовок «*Я*» на заголовок «*Ты*» без искажения смыслов.

Я лирического субъекта в любовной женской лирике ориентировано на *Ты*, так как «любовь по своему существу не есть просто «чувство», эмоциональное отношение к другому; первичный смысл феномена любви состоит в том, что она есть актуализированное, завершенное трансцендирование к «ты» как подлинной, я-подобной, по себе и для себя сущей *реальности*, открытие и усмотрение «ты» как такого рода реальности и обретение в нем *онтологической опорной точки для меня*» [5, с. 528], «*это явление встречи с «ты» именно и есть место, в котором впервые в подлинном смысле возникает само «я»*» [5, с. 500].

Нина Павлова вводит в стихотворение — наряду с личными местоимениями *я* и *ты* (в косвенных падежах) — предикаты *припадаю*, *совпадаю*, которые актуализируют значения взаимодействия и конечного тождества лирических субъектов:

Совпадение с собственным телом — удел балерины.

Отпадение от тела — удел припадающих к слову.

А я к тебе припадаю, с тобой совпадаю, а слово
проступает на стыке и нам возвращает границы.

(Совпадение с собственным телом [4, с. 57])

В результате объединения в сложный паронимический ряд однокоренных аттрактантов *совпадение*, *отпадение*, *припадающих*, *припадаю*, *совпадаю* происходит выделение семантического инварианта '**тождественность, единство, целостность**'. Актуализация повторяющихся корневых морфем приводит к образованию дополнительного значения '**крайняя степень проявления признака**', в данном случае — инварианта '**тождественность, единство, целостность**'. В стихотворении имеет место диффузия индивидуальных миров мужчины и женщины, представленная не только имплицитно, но и эксплицитно (... *и нам возвращает границы*).

В стихотворении «Объятия» мы сталкиваемся со сложной организацией поэтического текста:

Объятия:

оба — я, ты, я,

ты — я — ты — я,

собой объ-

тия.

(Объятия [4, с. 180])

Происходит перераспределение консонантного и вокалического состава слова *объятыя* (а следовательно, и паронима *объятия*) между словами *оба — я — ты — я*. Лексический и глубокий звуковой повтор в третьей строфе *ты — я — ты — я* создает эффект эха. Перед нами предстает поэтический образ объятия, длящегося в пространственно-временном континууме. Таким образом, все стихотворение есть звукосмысловая реализация объятия. Личные местоимения *я — ты* в стихотворении «Объятия» образуют множественные пересечения, сопоставления, противопоставления; их смысловое наполнение существенно расширяется: *Ты* попадает в сферу *Я*, а *Я* — в сферу *Ты*; преодолевается эгоцентризм *Я* и дистанцированность *Ты*. Становится невозможным разобрать, кто есть *Я*, а кто есть *Ты*. Актуализируется возможность попеременного выступления лирических субъектов то в роли *Я*, то в роли *Ты*. Следовательно, в стихотворении (в пределах одной строфы!) имеют место разнотипные отношения: *Я — Ты, Я — Я, Ты — Ты*, что свидетельствует о повышенной ориентированности женской лирики на *субъект-субъектные отношения*, когда мужчина и женщина являются в стихотворении равноправными лирическими субъектами отношений (в противовес субъект-объектным отношениям).

В стихотворении «Письмо по памяти» вместе с косвенными падежами личных местоимений (*мною, ним*) вводится ряд притяжательных местоимений, сопоставляемых и симметрично уравновешенных в пределах отдельных строк и строфы в целом (*его — моей; его — моих; его — моя*), что способствует реализации в пределах стихотворения феномена двойничества:

Как отыскать того, кто всегда со мной,
как отличить от бесчисленных двойников,
если его тень — за моей спиной,
если его свет — из моих зрачков?
Без оглядки — лопатки, пятки — за ним бежать,
Мимо стражи скользить сновидением, не дыша...
Дщери иерусалимские, как дышать,
Если его тело — моя душа?

(Письмо по памяти [4, с. 263])

В стихотворении «Он» поэтесса успешно использует хиазм и противоречивые конструкции, чтобы воссоздать двуединство *Я* и *Ты* во всем его онтологическом единстве и противоречии, ведь «существенный признак отношения «я — ты» состоит именно в том, что — при строго сохраняемой, никогда не исчезающей *раздельности* — в нем все же властвует некое подлинное *внутреннее* единство. Это единство по существу своему остается *двуединством*. <...> взаимодействие осуществляется здесь в форме *взаимопроникновения*. Бытие одного с другим, действие одного на другое есть здесь бытие одного для другого; а это бытие одного для другого есть тем самым — несмотря на раздельность — бытие *одного в другом*» [5, с. 522–523]:

отделяю тебя от себя
чтобы сделать тебя собой
отделяю себя от тебя
чтобы сделать себя тобой...

(Он [4, с. 237])

Я — Ты отношения обеспечивают взаимодействие различных точек зрения (в данном случае — мужской и женской), что позволяет преодолеть ограниченность каждой из них, сопоставить женскую и мужскую модели мира в их взаимодействии, сконструировать целостную модель мира в ее противоречивом единстве для субъектов любви:

Они влюблены и счастливы.

Он:

Когда тебя нет,
мне кажется —
что ты вышла
в соседнюю комнату.

Она:

Когда ты выходишь
в соседнюю комнату,
мне кажется —
тебя больше нет.

(Они влюблены и счастливы [4, с. 21])

Я — Ты отношения могут быть реализованы через местоимение *мы*, которое является носителем глубинных смыслов: «<...> язык, создав изумительное, полное глубочайшего смысла слово «мы», выразил в нем совершенно своеобразный момент реальности, особый характер и образ бытия. <...> В «мы-бытии» преодолевается — хотя и сохраняется <...> сама противоположность между «я есмь» и «ты еси», между «я» и «ты». <...> «Мы» есть непосредственно внутренне переживаемое и открывающееся совпадение противоположностей [5, с. 535].

ты любишь меня вприкуску
я тебя внакладку
ты растворяешься мною
я хрещу у тебя на зубах
нам обоим
не сладко

(ты любишь меня вприкуску [4, с. 58])

Законный и нежно любимый,
скажи, что мне делать с чувством,
что мы — жених и невеста,
что — скоро уже, скоро,
что счастье будет безмерным,
что можно еще передумать.

(Законный и нежно любимый [4, с. 157])

Результаты, полученные при рассмотрении *Я — Ты отношений* на материале поэзии Нины Павловой, дают возможность говорить об их особой структурирующей роли в моделировании смыслов концепта «Любовь» в женской поэзии. В любви *Я — Ты отношения* достигают своего высшего проявления, образуя целостное двуединство; актуализируются субъект-субъектные отношения, в которых и женщина, и мужчина оказываются равноправными субъектами отношений; мужская и женская модели мира взаимодействуют, пересекаются, сопоставляются, контаминируются, образуя при этом единую модель мира, общую для женщины и мужчины как субъектов любви.

Литература

1. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. — М., 1999. — С. 24–121.
2. Ковтунова И.И. Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика. — М., 2005. — Т. 1. — С. 7–72.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970.
4. Павлова В.А. Совершеннолетие: Стихи. — М., 2004.
5. Франк С.Л. Сочинения. — М., 2000.
6. Шведова Н.Ю. Дейктическая система русского языка. Языковой смысл // Шведова Н.Ю. Русский язык: Избр. тр. — М., 2005. — С. 445–636.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»: Я — ТЫ ОТНОШЕНИЯ В ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (на материале поэзии Нины Павловой)

В статье рассмотрены особенности функционирования *Я — Ты отношений* в женской поэзии, их структурирующая роль в формировании смыслов концепта «Любовь». В любви *Я — Ты отношения* образуют целостное двуединство, в котором *Ты* переживается как неотъемлемая составляющая *Я*. Таким образом в женской поэзии реализуется контаминация моделей мира женщины и мужчины.

Ключевые слова: *Я — Ты отношения*, концепт «Любовь», мужская / женская модели мира.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»: Я — ТИ ВЗАЄМИНИ В ЖІНОЧІЙ ПОЕЗІЇ (на матеріалі поезії Ніни Павлової)

У статті розглянуто особливості функціонування *Я — Ти взаємин* у жіночій поезії, їх структуриуюча роль у формуванні смислів концепту «Любовь». У коханні *Я — Ти взаємини* формують цілісну двоєдність, у котрій *Ти* переживається як невід’ємна складова *Я*. Таким чином у жіночій поезії реалізується контамінація моделей світу жінки й чоловіка.

Ключові слова: *Я — Ти взаємини*, концепт «Любов», чоловіча / жіноча моделі світу.

**CONCEPT LOVE: I — YOU RELATIONS
IN FEMININE POETRY
(on the material of poetry by Nina Pavlova)**

Peculiarities of *I — You relations* are considered in the article, their role in simulating of a concept *Love* in feminine poetry. In love *I — You relations* reach their climax, forming two — unity? In which *You* is felt as integral part of *I*. So in conditions of a poetical text contamination of a man and a woman's world outlooks is realized.

Key words: *I — You relations*, concept *Love*, man and a woman's world outlooks.

УДК 811. 161. 1'42: 82 – 92

К.В. Ковтун

**КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОНИМАНИЯ
ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ, ОСНОВАННЫХ
НА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ**

Язык не только выражает мысль, но и определяет, как эта мысль будет понята. Большую роль в этом отношении могут сыграть отдельные слова, которые занимают в тексте особое положение и создают определенную установку на его понимание и интерпретацию. Такими словами, прежде всего, являются слова заголовка, которые предваряют текст и определяют настрой, с которым он будет прочитан.

Для создания семантической неоднозначности, многоплановости газетных заголовков нередко используется цитирование других источников, то есть прецедентные тексты. Адекватное восприятие газетных текстов, и в частности газетных заголовков (как фразовых текстов), требует фоновых знаний и настроения на их восстановление, настроения на принятие установки автора, часто приписывающего привычному непривычное, как-то деформирующего привычное, намекающего на него. При этом следует подчеркнуть обязательность эксплицитности второго плана газетных заголовков, его доступности, очевидности. Если второй план не будет сразу же осознаваться читателями, заголовок не выполнит свою основную функцию – функцию привлечения внимания, то есть он не достигнет своей цели, не будет эффективен.

Фоновость опирается на познавательную ценность выражаемой информации. Высказывания начинают обладать фоновой информацией в том случае, когда в этом высказывании опыт и остроумие одного становятся «мудростью» многих. Фоновость восприятия соотношения текста-источника и прецедентного текста создает возможность автономизации последнего и превращения его в знак. Фоновые знания служат основой осознания того, что данный текст является прецедентным.

Феномен прецедентности получил разностороннее освещение в лингвистической литературе. В центре внимания исследователей находятся преимущественно «культурнознаковые» прецедентные высказывания, опирающиеся на общность универсальных – социальных, культурных или языковых – фоновых знаний автора и читателя. Так, Ю.Н. Караулов относит к прецедентным текстам общеизвестные цитаты, имена персонажей, названия произведений и их авторов, а также культурные знаки невербальной природы [1]. В.Я. Шабес выделяет социальные, коллективные и индивидуальные прецедентные высказывания [4]. В.В. Красных рассматривает социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные текстовые структуры [2].

Роль использования прецедентных текстов в настоящее время резко повышается. Исследования современного дискурса показали, что текст вообще становится многомерным, многопространственным, характеризуясь наслоением смыслов (то есть появлением неоднозначности), и предполагает активное соучастие читателя в их расшифровке. Это в полной мере относится и к газетным заголовкам.

Прецедентные тексты как значимая совокупность знаний являются составляющей когнитивной базы читателя. Вслед за А.В. Кремневой [3] мы рассматриваем их как особые интертекстуальные фрейм-структуры, которые, активизируясь в сознании читателя в процессе восприятия текста, способствуют адекватному пониманию его смысла или, по крайней мере, задают направление понимания. Общность когнитивных схем, или фреймов, в которых хранятся прецедентные тексты, является основным условием, обеспечивающим адекватность понимания смысла текстов с интертекстуальными включениями. В тех случаях, когда когнитивная база читателя оказывается беднее, чем у создателя публицистического текста, прецедентные феномены становятся лакунами, приводящими либо к непониманию, либо к искажению смысла текста. В тех же случаях, когда читательский тезаурус оказывается достаточно богатым, адресат может расширить содержание текста, привнося в него то, что не было в нем первоначально заложено. Интерпретатор (адресат) использует в трактовке смысла заголовка свой культурно-исторический опыт, который служит источником добавления новых смыслов к тексту.

Для понимания текстов используется так называемая рефлексия. Последнюю мы определяем как связку между новым гносеологическим образом и тем опытом, который есть у человека. Благодаря рефлексии новый образ окрашивается личным опытом, при этом меняется отношение субъекта к имеющемуся опыту.

Мыслительная операция по усмотрению основного и фонового смыслов и их наложения остается предварительным механизмом понимания заголовка в целом. Вследствие одновременной актуализации обеих уровней формируется результирующий смысл, который существует только в момент восприятия заголовка (то есть является ситуативным), но именно ради результирующего смысла и создаются заголовки исследуемого типа.

Исследование показывает, что чаще всего фразы текстов-источников в газетных заголовках выступают в измененном виде. В результате этих изменений, а также в результате включения прецедентного текста в общий контекст статьи смысл заголовка как бы расслаивается, обретая многоуровневость и семантическую неоднозначность. При этом можно выделить следующие смысловые уровни:

- *информационный уровень* – непосредственный смысл заголовка, который складывается чаще всего из прямых значений слов, составляющих заголовок;
- *фоновый уровень* – это смысл прецедентного текста;
- *результирующий смысл* – это общий смысл заголовка, который представляет собой суммирование, наложение друг на друга информационного и фонового уровней.

Таким образом, прецедентный текст является своего рода носителем фоновых знаний, на которые проецируется основное актуальное сообщение, и создает второй, дополнительный смысл. В результате актуализации результирующего смысла, который основывается на наложении двух первых, расширяется содержание всех смысловых уровней заголовка. Описанные смысловые уровни представляют собой когнитивную модель восприятия и понимания газетных заголовков с прецедентными текстами. Эта модель реализуется посредством нескольких механизмов (а значит, нескольких групп газетных заголовков), которые можно представить с помощью соответствующих схем. В качестве примеров мы проанализировали ряд заголовков публикаций известного автора Виталия Коротича на актуальные нравственные, морально-этические темы в еженедельнике «Бульвар Гордона».

1. Все три смысловых уровня приведенной модели осознаются читателями непосредственно при чтении заголовка, без обращения к тексту статьи:

1 ЗАГОЛОВОК —————> 2 РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЙ
СМЫСЛ

«Бюрократы всех стран соединяются» (БГ, № 34, 2005).

Ср.: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (известный лозунг).

Информационный уровень: Бюрократы из разных стран объединяются.

Фоновый уровень: Объединенные представители определенного класса или социальной группы представляют собой решающую силу.

Результирующий смысл: Происходит объединение представителей чиновничьих структур, бюрократия создает системы корпоративного управления.

«Не попой единой...» (БГ, № 38, 2006).

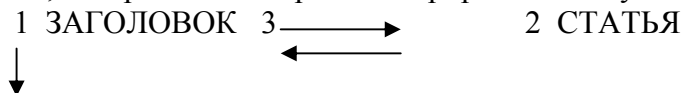
Ср.: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих» (библейское изречение).

Информационный уровень: Популярная музыка – не единственный источник духовного развития.

Фоновый уровень: Человеку для гармоничного существования необходимы источники духовной пищи.

Результирующий смысл: Сегодняшний радио- и телеэфир переполнен словесным мусором, пустой болтовней, плохим пением.

2. Восприятие и понимание результирующего смысла (а иногда информационного и фонового уровней) возможно только после ознакомления читателя с текстом статьи. В этом случае происходит как бы возвращение, которое можно проиллюстрировать следующей схемой:

4 ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕГО СМЫСЛА

«Меньше знаешь – дольше живешь» (БГ, № 5, 2006).

Ср.: «Меньше знаешь – крепче спишь» (поговорка).

Информационный уровень: Не следует стремиться много знать.

Фоновый уровень: Обилие информации может иметь неблагоприятные последствия.

Соотнесение с текстом статьи: Пришло время ограниченных умений и знаний, односторонности специалистов.

Результирующий смысл: Что предпочтительнее: ограниченность или неограниченность знания? Как правильно распорядиться своими знаниями?

«Верка, надежда, любовь...» (БГ, № 23, 2007).

Ср.: «Вера, надежда, любовь» (устойчивое выражение).

Информационный уровень: Верка – женское имя, надежда и любовь – понятия.

Фоновый уровень: Вера, надежда, любовь – вечные ценности.

Соотнесение с текстом статьи: О сценическом образе Верки Сердючки как продукте современной эпохи.

Результирующий смысл: Образ Верки Сердючки – современный и убедительный, любовь и ненависть к ней ярко выражены.

3. Восприятие и понимание заголовков следующего типа осуществляется посредством повторной интерпретации результирующего смысла. Прочтение статьи и соотнесение ее смысла с заголовком меняет определенным образом фоновый уровень, который при вторичном наложении на него информационного уровня, преобразует результирующий смысл. Происходит повторная интерпретация, в итоге которой формируется новый результирующий смысл – результирующий смысл 2. Представить этот процесс можно в виде следующей схемы:

1 ЗАГОЛОВОК

2 РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЙ СМЫСЛ 1

3 СТАТЬЯ

4 РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЙ СМЫСЛ 2

«Что украинцу здорово, то китайцу – смерть!» (БГ, № 29, 2006).

Ср.: *«Что русскому здорово, то немцу – смерть!»* (поговорка).

Информационный уровень: О разнице культуры и менталитета представителей этих двух национальностей.

Фоновый уровень: Культурные особенности разных стран часто противоречивы.

Результирующий смысл 1: То, что считается благоприятным для украинцев, является неприемлемым для китайцев.

Соотнесение с текстом статьи: Об особенностях экономического и политического развития стран различных регионов.

Результирующий смысл 2: Каждая нация имеет свой путь, собственную схему развития политической и экономической жизни.

«Вау, братцы, вау!» (БГ, № 2, 2007).

Ср.: *«Любо, братцы, любо!»* (строчка из песни).

Информационный уровень: Эмоциональное восклицание с использованием англицизма.

Фоновый уровень: «Братцы» – обращение к единомышленникам, друзьям.

Результирующий смысл 1: Эмоциональное обращение к друзьям, содержащее англицизм.

Соотнесение с текстом статьи: О засилии материальных и духовных суррогатов в нашей повседневной жизни.

Результирующий смысл 2: Режущая слух дисгармония обращения наводит на мысль о необходимости защиты от суррогатов.

Таким образом, обобщая наши представления об использовании прецедентных текстов в качестве строительного материала заголовков современных газет, следует сделать вывод о том, что существует когнитивная модель понимания таких заголовков, представленная тремя основными уровнями. Данная модель реализуется при восприятии заголовков посредством нескольких механизмов, которые могут быть проиллюстрированы соответствующими схемами.

Использование прецедентных текстов является эффективным приемом для создания экспрессивных газетных заголовков и требует как от читателя, так и от создателя текстов владения фоновыми знаниями. Информация, содержащаяся в современном русском тексте, доходит до адресата только в том случае, если он владеет культурным фоном, в частности – определенным количеством прецедентных текстов, к которым она отсылает. Но не менее важно знать и изучать те модели и механизмы, посредством которых осуществляется восприятие и понимание газетных заголовков, построенных с использованием прецедентных текстов.

Литература

1. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
2. **Красных В.В.** Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – М., 1998.
3. **Кремнева А.В.** Функционирование библейского мифа как прецедентного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999.
4. **Шабес В.Я.** Событие и текст. – М., 1989.

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОНИМАНИЯ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ, ОСНОВАННЫХ НА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена анализу когнитивных моделей и механизмов, посредством которых осуществляется восприятие и понимание газетных заголовков, построенных с использованием прецедентных текстов. Основываясь на прецедентном источнике, газетный заголовок приобретает многоуровневость и семантическую неоднозначность. При этом могут быть выделены следующие смысловые уровни понимания: информационный уровень, фоновый уровень, а также результирующий смысл заголовка.

Ключевые слова: когнитивная модель понимания, прецедентный текст, газетный заголовок, информационный уровень, фоновый уровень, результирующий смысл заголовка.

КОГНИТИВНА МОДЕЛЬ РОЗУМІННЯ ГАЗЕТНИХ ЗАГОЛОВКІВ, ЯКІ ГРУНТУЮТЬСЯ НА ПРЕЦЕДЕНТНИХ ТЕКСТАХ

Стаття присвячена аналізу когнітивних моделей та механізмів, за допомогою яких здійснюється сприйняття та розуміння газетних заголовків, що будуються на використанні прецедентних текстів. Грунтуючись на прецедентному тексті, газетні заголовки набувають багаторівневості та семантичної неоднозначності. При цьому можуть бути визначені такі смислові рівні розуміння: інформаційний рівень, фоновий рівень, а також кінцевий смисл заголовка.

Ключові слова: когнітивна модель розуміння, прецедентний текст, газетний заголовок, інформаційний рівень, фоновий рівень, кінцевий смисл заголовка.

COGNITIVE MODEL OF UNDERSTANDING OF NEWSPAPER HEADLINES BASED ON PRECEDING TEXTS

The article is devoted to the analysis of cognitive models and mechanisms due to which newspaper headlines based on preceding texts can be understood. Containing references to the preceding text, the headline acquires semantic ambiguity. Thus, we can define the following levels of understanding: the information level, the background level, the resulting meaning of the headline.

Key words: cognitive model of understanding, preceding text, newspaper headline, information level, background level, resulting meaning of the headline.

УДК 811.161.1'42:6 + 929 Бердяев

Г.В. Дьяченко

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ МОНОЛОГОВ Н. БЕРДЯЕВА

Философский дискурс Бердяева характеризуется конститутивной для творчества этого мыслителя «диалогичностью», которая проявляется во множестве признаков: глубокой эрудиции, любви к спорам и жарким дискуссиям, полемичности текста, духовно-практическом воздействии на адресата.

Целью исследования является анализ представленности другого сознания в философском дискурсе Николая Бердяева, а также выявление

механизмов его присутствия в «дотекстовой», «текстовой» и «затекстовой» стадиях существования философии.

Другой присутствует на всех стадиях рождения философской мысли, как кажется на первый взгляд, в качестве полноправного его участника — как сотворец, философский персонаж и адресат. Включаясь в процесс порождения текста Бердяевым на всех стадиях, можно говорить о том, что Другой в «дотекстовом» моменте — соучастник и двигатель рождения идей, Другой в «текстовом» измерении — противник и действующее лицо сюжета, и, наконец, Другой в «послетекстовой» реальности — тот, на кого и рассчитана огромная идеологически воздействующая конструкция философского дискурса, порождающая эффект «пневматерапевтического» воздействия на сознание [1]. Именно специфическое положение адресата заставляет переосмыслить привычное значение понятия «диалогичности» в применении к Н. Бердяеву. Тексты этого философа имеют интенцию проповеди, откровения, они рассчитаны на благоговейное внимание к сказанному, а не на проблемный ответ. Бердяев диалогичен, однако в нетривиальном смысле слова: его «диалогичность» монологична, так как подчиняется силе личности автора.

Раскроем смысл *экзистенциально-монологического* характера диалогичности Бердяева на материале его ранних статей, в которых еще идет поиск стиля и приемы диалогичности эксплицитны.

Порождение философом творческих идей основано на тесном идейном взаимодействии с современными и предшествовавшими мыслителями. Биограф и друг философа Д. Лоури отмечал, что «даже беглое знакомство с бердяевскими работами убеждает читателя в его поразительном универсальном знании философов и мыслителей от Платона и отцов церкви до Бергсона и Сартра» [2, с. 242]. Однако данный факт в бердяеведении имеет и другую линию интерпретации: известны обвинения Бердяева в компилятивности. А. Белый охарактеризовал мысль Бердяева так: «... мировоззрение Бердяева мне виделось станцией, через которую лупят весь день поезда, подъезжающие с различных путей, собственно идей Бердяева среди «идей Бердяева», бывало, нигде не отыщешь: это вот — Ницше; это вот — Шеллинг; то — В. С. Соловьёв; то — Штейнер, которого он всего-навсего перелистал; мировоззренье — центральная станция; а Бердяев в ней, исполняющий функцию заведующего движеньем, — скорее всего чиновник и менее всего творец; акцент его мысли — слепой, волевой, беспощадно насилующий догматизм в отборе мыслей ряда философов; он как бы ордонировал: «А подать сюда Соловьёва! А подать сюда Ницше!» Порядок же пропуска поездов исполнялся жандармами от якобы «интуитивного ведения», верней, — собственного произвола, вне которого и нет “центральной станции”» [3, с. 414]. В своем четырёхтомном исследовании немецкий адепт и популяризатор Бердяева Вольфганг Дитрих попытался исчислить чужие влияния на философа. В

результате при чтении этого труда возникает впечатление, что Бердяев состоит сплошь из мыслей других! Не стоит все же чрезмерно преувеличивать роль так называемых «влияний», поскольку в мысли русского религиозного философа следует искать прежде всего то оригинальное ядро, которое составляет самобытность этого мыслителя. Разумеется, констатировать высокую степень включенности Бердяева в идейный поток мировой культуры необходимо.

Порождение и заострение идей у Бердяева проходило в жаркой полемике с окружающими. Философ признавался: «Мое мышление не уединенное, общение, столкновение с людьми возбуждало и обостряло мою мысль. Я всегда был спорщиком» [3, с. 45]. Посещая вечера друзей-мыслителей и устраивая их у себя дома в Москве, Париже, по меткой характеристике Б. Зайцева, «бурный и вечно кипящий» [5, с. 384]. Бердяев всегда спорил так, что летели искры. Ему было трудно осознать, что другие могут придерживаться мнений, отличных от его собственных, — истины, как он считал [2, с. 207]. Современница философа З. Гиппиус высказывает следующую примечательную гипотезу, объясняющую, почему их общий знакомый Д. Философов Бердяеву не доверял: «Может быть, его отталкивала неудержимая страсть Бердяева к полемике, даже в тех случаях, когда она не была неуместна» [Цит. по: 6, с. 29]. Полемика с окружающими распалала философа, она заряжала мотивами и идеями творчества. Философ говорил о себе, что его «мысль никогда не была сведением счетов с собой, борьбой со своим бессознательным. Она была борьбой с врагом» [7, с. 266]. Полемичность — один из основных текстообразующих факторов Бердяева. И наконец, полемичность философа переключивается из режима реальной полемики в виртуальный ее аналог: в явном или скрытом виде полемичность является непременным атрибутом сюжета и композиции статей и книг философа. Наиболее ярко выражена она в ранних его работах.

Бердяева часто характеризуют как грозного воина, самоотверженного рыцаря, страстного борца за идеи свободы. «Рыцарская безоглядность Н. А. в войне со злом, где бы и как бы оно ни выступало, делала его иногда похожим на Дон-Кихота» [8, с. 9]. Он был тем человеком, спасающим мир и самого Бога, идеал которого провозглашал: «Да, ныне человек в свои руки перенимает дело творчества (мир вступил в творческий период), но не как бунтарь, а как рыцарь, призванный спасти не только мир, но и дело самого Бога» [9, с. 124]. Сказывается наследственность по материнской линии Шуазель — «предки рыцари, мечом ковавшие Европу своего времени» [9, с. 118]. Он постоянно был в оппозиции и конфликте, никогда не принадлежал ни к одной традиции, «всегда был ничьим человеком». Сам себя он видел «феодалом, сидящим в своем замке с поднятым мостом и отстреливающимся» [4, с. 45]. В целом бердяевские тексты могут быть охарактеризованы в терминах благородной войны: это боевой клич,

обличение, противостояние, борьба, уничтожение, бой и т. д., что уже заметили его современники: «У Бердяева прекрасные руки, он любит перчатки — быть может, в память того бранного значения, которое брошенная перчатка имела в феодальные времена. Темперамент у Бердяева боевой. Все статьи его и даже книги — атаки. Он и с Богом разговаривает так, как будто атакует Его в небесной крепости» [10, с. 200]. Энергия борьбы и преображения мира бурлит в пламенной философской речи: «Я беру на себя смелость категорически утверждать, что песенка позитивизма, натурализма и гедонизма спета и по всем линиям объявляется борьба за идеализм, борьба за более радостное и светлое миропонимание, в котором высшие и вечные запросы человеческого духа получают удовлетворение» [11, с. 11]. Основным критерием речи Бердяева была *острота* — он сыпал водопадом острых, отточенных, быстрых фраз: «У Бердяева был такой критерий — “это сказано остро”, “надо это выразить острее”» [12, с. 66]. Неслучаен выразительный образ-наблюдение А. Белого о непредвиденности *карандашной шпаги* в руке Бердяева: «Он тыкал отточенным карандашиком перед собой, ставя точку воззрения — в воздухе; эту точкую зренья своей, как мечом иль копьем, протыкал он безжалостно все, что входило в порядок его строя мыслей, как хаос, с которым боролся. <...> И тут проявлялося в нем что-то пламенно-южное; чувствовался крестоносец-фанатик, готовый проткнуть карандашною шпагою сарацина-противника [13, с. 56–57].

Для дискурса философа характерны эмоциональность, безапелляционная оценочность, что проявляется в использовании слов с позитивной или негативной коннотацией со значением семантической безысключительности, а также слов, закрепленных в языке для реализации эмотивной функции речи. Его текст не пример бесстрастной, бесплотной парящей в эфире теоретической рефлексии, это жаркая обличительная отповедь-проповедь. «Я хотел бы, чтобы было *наложено клеймо позора* на тех, которые *нагло и беззастенчиво* совмещают в себе *безобразное* противоречие — признание за человеческим духом безусловной ценности, с одной стороны, и оправдание гнета, эксплуатации и нарушения элементарных прав человека — с другой» (здесь и далее курсив наш. — Г. Д.) [14]. Чрезвычайно показателен в отношении эмоционально-оценочных ярлыков и метафорических переносов следующий пассаж из ранней статьи «Великий Инквизитор»: «Официальные *служители* церкви, современные *книжники* и *фарисеи*, *черные первосвященники*, благословляющие преступления этого мира, если они совершаются властью имущими, *бюрократические клерикалы* вроде Победоносцева, все эти *маленькие инквизиторы* — *агенты Великого Инквизитора* отвратились в сердце своем от Христа и совершают надругательство над Духом» [15]. Николай Бердяев выступает в образе воина-рыцаря, в благородном гневе ополчившегося на нечестивцев: «*Всякому образу звериному* в политике

государственности, образу старому и образу новому, злу изначальному, прошлому, и злу конечному, будущему, должна равно быть объявлена война, но воевать со злом должно не злым путем, не силой зла же, а силой добра» [16, с. 125].

Характерно для Бердяева начинание книги с определения врага, с деклараций того, с кем и чем он идет на бой. И если в позднем творчестве это выражено чаще подспудно, то в предисловии к сборнику ранних статей 1906 года «Новое религиозное сознание и общественность» философ прямо позиционирует непримиримых противников. «Книга эта направлена против трех исторических сил, трех могучих течений, сходящих со сцены и вступающих на сцену истории: 1) против старой, омертвевшей церкви, старого, остановившегося религиозного сознания и освященной им государственности, 2) против позитивизма и атеизма, старого рационалистического сознания и освященной им социал-демократической лжерелигии, 3) против анархического иррационализма, хаотической мистики и основанного на них общественного нигилизма» [17, с. 6]. Начинание с отталкивания — мыслительный и лингвокогнитивный стимул творчества. «Прежде всего я бы хотел отвергнуть...» — именно такой зачин, в котором философ спешит «дать» негатив, можно назвать фирменным бердяевским знаком: «Прежде всего я бы хотел отвергнуть моралистическое, кантовско-толстовское понимание религии, которое видит в моральности самую сущность человеческой природы, то, что делает человека человеком — образом и подобием Бога» [18, с. 26].

В каждой работе Н. Бердяев многое отвергает, но и страстно что-то исповедует. Философ скрупулезно разбивает на элементарные смысловые компоненты каждый тезис и антитезис, анализирует нюансы и оттенки их смысла, а затем синтезирует свою идею, меняя смысловые компоненты местами или расставляя в них новые акценты. В итоге выплавляется некая третья позиция, отличная от положительного и отрицательного конструктов. Ростовский философ С. Титаренко концептуализирует данную логику мысли Бердяева как логику «бриколаж» [19, с. 60–63]. Свою философию Бердяев никогда не собирает до полной понятийной ясности, а оставляет ее в аморфной текучести смысла как возможность, потенцию для ее полноценного явления в читательском сознании. Отсюда хроническое непонимание Бердяева, от которого он страдал всю свою жизнь, доходившее до того, что идейные враги его хвалили, а единомышленники ругали: «Я вообще замечал, что друзья иногда меньше обращали внимание на главное в моей мысли, чем враги» [4, с. 279]. Бердяевский текст, по меткому выражению философа Ф. Степуна, современника Бердяева, это «словесный лабиринт», и в нем нужно быть «своим» [20, с. 489], чтобы разобраться, что же философ отвергает, а что исповедует. Применяя герменевтические установки к философскому дискурсу Бердяева, мы вправе утверждать: для того чтобы понять аргументацию, нужно понять

автора. Такая организация мысли и сюжетики текста порождала особое влияние на людей, которые входили с ним во взаимодействие. Ф. Степун заметил, что очарование Бердяевым всегда было больше его влияния, философ имел много почитателей, но едва ли нескольких учеников. Очень характерно для его славы, что он всегда много значил для изучающих его, но был, вероятно, бегло прочитан ими и никогда не был в действительности понят [2, с. 108]. Пауль Мердок сделал наблюдение, что во вторичной литературе, относящейся к философии и личности Бердяева, более воодушевления, чем серьезной дискуссии [21, с. 4]. Таким образом, противоречивость бердяевского дискурса есть необходимое условие для пробуждения духовной активности адресата, его ответной творческой включенности. Философия Бердяева актуальна только в режиме сотворчества, сомышления.

Ранние работы все *о ком-то* — о Метерлинке, о Хомякове, о Михайловском, о Чичерине и т. д. Бердяев выявляет, чем они ценны, но ценны именно для него — выбранные места из характеризуемых мыслителей характеризуют в большей степени выбирающего. Статьи из сборника «Новое религиозное сознание и общественность» насыщены обстоятельной полемикой, направленной против Ницше, Маркса, Победоносцева, Штирнера; они изобилуют конкретикой несогласия, а не катафатически-утверждающей манифестацией собственного Универсума. В ранних работах Бердяева «позитива» как такового еще нет. Бердяев выступает как комментатор — согласен или не согласен с мыслителями, он еще не выходит со своим полновесным «*я считаю так-то и мир объясняю вот так*». Бердяев определяется не сам из себя, а на фоне других. Весьма выразителен в этом отношении следующий отрывок: «Я остановлюсь на одном центральном пункте литературной деятельности Михайловского, на том, что я назвал его пафосом, на идее личности, на его индивидуализме. Тут будет видно разом и наше родство с Михайловским, и наше глубокое с ним различие <...> Он вел идеалистическую борьбу за личность, противопоставлял человеческую индивидуальность не только природе, но и обществу. Мы это готовы всей душой приветствовать» [22, с. 227]. И уже совершенно прямо: «А теперь резюмирую наше отношение к Михайловскому и Чичерину, на которых мы хотели определить себя» [22, с. 239]. Генезис собственно авторского у Бердяева специфичен: он «вытягивается» из препарированных идей других. И даже не запечатлевается в логической кристальной ясности четких понятийных формулировок. Таким образом, можно говорить о том, что генезис ранних бердяевских работ отражает когнитивный механизм его философского творчества.

Бердяеву свойственна собственная *философская поэтика*. Интеллектуальная фабула философского текста обретает признаки драматического сюжета. Исключительно бердяевским является следующий прием, используемый им в сюжетной организации философского дискурса. Философ *персонифицирует* идеи, вводит

персонажей в ткань философского текста: «Современный прогрессист ужасно боится некоторых слов, он ломает свою душу во имя обесцвечивающего шаблона, он не осмелится признаться, что по временам жаждет взглянуть на жизни с точки зрения вечности» [11, с. 12—13]. Это и оппоненты, и единомышленники. Оба лагеря персонажей существуют в передаче их мнений Бердяевым. Очень часто словно слышны их голоса, но только в несобственно-прямой речи¹ — Бердяев говорит за них: «нам скажут», «нам говорят», «я уже слышу голос, который злорадно говорит», «нас могут спросить», «всякий, вероятно, согласится», и личные прямые заявления «мы думаем», «мы не можем ждать», «мы прекрасно помним» — с целью «человечной» наглядности, определенности в ведении спора и осязаемого утверждения своей истины. Сам философ осознавал эту свою особенность: «Возражения против моей мысли и моего познания я всегда проецировал во вне, в образе врага моих идей и верований, с которым я вёл борьбу» [4, с. 72]. Бердяев словно плетет диалог из реплик оппонентов (1) и своих дискредитирующих их оценок (2). «(1) *Скажут*: социал-демократы прежде всего хотят сделать всех людей богоподобными, всех уравнивать, а не одного возвеличить. (2) Но это самообман» [23, с. 137]. И далее: «(1) *Предвижу негодующее возражение против всего сказанного мною о социал-демократии*, (2) хотя говорил я лишь о зачинающейся в ней религии. (1) *Еще раз скажут*: слишком много говорите о каком-то несуществующем зле будущего, в то время, как так ужасно зло прошлого и со злом этим борется социализм; нужно уничтожить рабство и эксплуатацию, политический и экономический гнет, а потом уже говорить обо всем этом. (2) *Это — банальное и близорукое возражение*. Ужасно зло прошлого, зло изначальное, рабство элементарное; должно освобождать от него человечество, и я буду говорить о правде социализма в этом освобождении» [23, с. 157—158]. В своеобразном употреблении олицетворения Бердяевым выявляется смещение границы между внутренним и внешним миром.

В соединении с образно-метафорическим экспрессивным способом ведения полемики реплики Бердяева против оппонентов обретают особую суггестивную силу: точность и наглядность образных характеристик, а также пламенная борьба их автора за правду и свободу личности «каждого из человеков» бессознательно вызывают симпатию и поддержку. «Я уже вижу *маленьких земных бесенят*, прыгающих в глазах экономических материалистов, *маленький рассудок* заставляет их смеяться. С уверенностью людей, знающих тайну этого мира, говорят они: это — наивность, идеалистическое прекраснодушие или хитрость буржуазного инстинкта самосохранения. Все их заученные слова мне хорошо известны, и жесты их так однообразны» [24, с. 180]. Образы оппонентов, представленные Бердяевым в безапелляционном сниженном виде, неизбежно оказывают влияние на восприятие приписываемых им идей.

Персонализация чуждых идейных установок в сниженном облике их носителей актуализирует архетипический способ человеческого мышления в терминах бинарных оппозиций «МЫ / ОНИ», «СВОЙ / ЧУЖОЙ», укорененность которых в глубинных уровнях сознания после исследований первобытного мышления очевидна (см: К. Леви-Стросс, Л. Леви-Брюль, Д. Фрэзер и др.). Такая смысловая композиция программирует воспринимающее сознание на автоматическое попадание в лагерь «МЫ», а значит, включает адресата в ряды единомышленников. «*Но государственники* ставят свое проклятое Богом государство выше добра, выше воли Бога, им нужно почему-то поддерживать порядок в жизни, продлить существование ни к чему не нужного мира. *Мы, говорят они*, убиваем, казним, насилуем, воздвигаем тюрьмы и выстраиваем штыки, чтобы мир не провалился, чтобы порядок в мире сохранялся» [17, с. 211].

Таким образом, эмоциональность, безапелляционная оценка, метафорические образы-ярлыки, а также изначальное определение врага, его персонализация и построение текста в режиме диалоговых реплик МЫ / ОНИ призваны нейтрализовывать проблемного Собеседника, программируя читателя на единомыслие с автором. А беседу единомышленников диалогом не назовешь. Задача диалога — породить коррекцию, сближение разных позиций. Бердяев же ищет (или сам возделывает) в адресате, в терминах концепции двойничества Ухтомского, своего Двойника [см.: 25]. Внешняя *дифония* сюжетно-композиционной организации мысли- и текстотворчества философа является специфическим механизмом достижения суггестивного воздействия на читателя, входящего с философом во взаимодействие. Внешняя диалогичность философского дискурса Н. Бердяева при внимательном взгляде оказывается лишь подчиненной техникой монологического утверждения собственной истины.

Литература и примечания

1. **Титаренко С. А.** Пневматерапия Бердяева как способ реализации эзотеризма // Практична філософія. — 2005. — № 1.
2. **Lowrie Donald A.** *Rebellious prophet: A life of Nicolai Berdyaev.* — New York, 1960.
3. **Белый А.** Между двух революций. Воспоминания. В 3 кн. Кн. 3. — М., 1990.
4. **Бердяев Н. А.** Самопознание (Опыт философской автобиографии). — М., 1991.
5. **Зайцев Б. К.** Бердяев // Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). — М., 1991. — С. 383—390.
6. **Дмитриева Н. К., Моисеева А. П.** Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). — М., 1993.
7. **Бердяев Н. А.** Из записных книжек (Бердяев о себе) // Дмитриева Н. К., Моисеева А. П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). — М., 1993. — С. 265—268.
8. **Ермичев А. А.** «Я всегда был ничьим человеком...» // Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. — СПб., 1994. — С. 8—22.
9. **Герцык Е. К.**

- Н. А. Бердяев // Герцык Е. К. Воспоминания. Н. Бердяев. Л. Шестов. С. Булгаков. М. Волошин. А. Герцык. — Париж, 1973. — С. 117—140.
10. **Степун Ф. А.** Бывшее и несбывшееся. — СПб., 2000.
11. **Бердяев Н. А.** Борьба за идеализм // Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906 гг.). — М., 2002. — С. 10—43.
12. **П*** Н. А.** Бердяев (По личным воспоминаниям) // Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. — СПб., 1994. — С. 62—67.
13. **Белый А.** Центральная станция // Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. — СПб., 1994. — С. 53—61.
14. **Бердяев Н. А.** Этическая проблема в свете философии идеализма // Эл. ресурс: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1903_050.htm
15. **Бердяев Н. А.** Великий Инквизитор // Эл. ресурс: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1907_134_vel_ink.htm
16. **Бердяев Н. А.** Государство // Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность — М., 1999.
17. **Бердяев Н. А.** Анархизм // Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность — М., 1999.
18. **Бердяев Н. А.** Мистика и религия // Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность — М., 1999.
19. **Титаренко С. А.** Специфика религиозной философии Н. А. Бердяева. — Ростов-н/Д, 2006.
20. **Степун Ф. А.** Учение Николая Бердяева о познании // Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. — СПб., 1994. — С. 483—500.
21. **Murdoch P. Champbell.** Der Sakramentalphilosophische Aspect im Denken Nicolaj Aleksandrovitsch Berdjajevs. — Erlangen, 1981.
22. **Бердяев Н. А.** Н. К. Михайловский и Б. Н. Чичерин (О личности, рационализме, демократизме и проч.) // Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906 гг.). — М., 2002. — С. 224—240.
23. **Бердяев Н. А.** Социализм как религия // Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. — М., 1999.
24. **Бердяев Н. А.** Правда социализма // Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. — М., 1999.
25. Ухтомский А. А. в дневниках и письмах. — СПб., 1992.

¹Несобственно-прямая речь философской прозы Бердяева, а также своеобразные техники цитирования составляют особую плодотворную тему исследования философского дискурса Н. Бердяева.

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ МОНОЛОГОВ Н. БЕРДЯЕВА

В статье предлагается анализ диалогичности философского дискурса Н. Бердяева, определяется ее специфический характер: «диалогичность» Бердяева монологична вследствие глубоко личностной экзистенциальной природы его философского дискурса. Определяются

техники присутствия Другого в дискурсе философа, приводится их функциональный анализ.

Ключевые слова: философский дискурс Бердяева, диалогичность, экзистенциальный монолог.

ДИАЛОГІЧНІСТЬ ФІЛОСОФСЬКИХ МОНОЛОГІВ М. БЕРДЯЄВА

У статті пропонується аналіз текстової діалогічності М. Бердяєва, в результаті якого виявлено її специфічний характер: «діалогічність» Бердяєва монологічна внаслідок глибоко особистісної екзистенціальної природи його філософського дискурсу. Визначено механізми присутності Іншого в дискурсі філософа, описано їх функціональний смисл.

Ключові слова: філософський дискурс Бердяєва, діалогічність, екзистенціальний монолог.

DIALOGITY OF N. BERDYAEV'S PHILOSOPHICAL MONOLOGUES

The article deals with the analysis of Berdyaev's dialogic manner the untrivial character of which is evinced. Berdyaev's «dialogic manner» is a monologue because of the deeply personal existential nature of his philosophical discourse. The author educes the mechanisms of the Another's presence in the philosopher's discourse, describes their functional roles.

Key words: philosophical discourse of N. Berdyaev, dialogic manner, existential monologue.

УДК 811.161.1'27

В.В. Фролова

О ПРИРОДЕ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Изучением конфликта занимаются разные науки. К ним относятся: военные науки, география, искусствоведение и филология, исторические науки, медицинские науки, математика, педагогика, политические науки, правоведение, психология, социобиология, социология, физико-математические и технические науки, философия и экономика. Лингвистический подход к описанию конфликта объясняется, с одной стороны, характерным для нашего времени расширением связей лингвистики с другими гуманитарными науками, с другой – возможностью установления основных признаков конфликта через анализ его «языка», то есть вербального плана конфликта.

Существует множество определений понятия «конфликт». Чаще всего оно толкуется через общие понятия – столкновение (лат. *conflictus* – столкновение), противоречие, противоборство. В основе любого конфликта лежит противоречие, которое играет системообразующую роль, как для различных видов конфликта, так и для различных уровней и направлений их изучения.

Существуют различные сферы конфликтного взаимодействия. Ученые выделяют следующие виды конфликтов: социальные, экономические, политические, межэтнические, семейные, мотивационные, организационные и трудовые. Все виды конфликтов, возникающие либо в сознании одного человека, либо в межличностных отношениях, либо в отношениях между отдельным человеком и группой, оказываются производными от противоречия между имеющимися желаниями, потребностями, интересами и возможностями для их удовлетворения. Всевозможные противоречия возникают часто, но только часть разрешается путем конфликтов. Сущность конфликта шире этого столкновения. Она – в противодействии его субъектов.

Структура конфликта понимается как «совокупность устойчивых связей конфликта, обеспечивающих его целостность, тождественность самому себе, отличие от других явлений социальной жизни, без которых он не может существовать как динамически взаимосвязанная целостная система и процесс» [1, с. 95].

Когда две стороны находятся в контакте, независимо от причины их взаимодействия, всегда существует вероятность возникновения конфликта: они могут согласовывать свои противоречивые позиции при достижении совместной цели; иметь разногласия по поводу самих целей, к которым им следует вместе стремиться; или оказаться в разладе из-за каких-то личностных противоречий, агрессивных нападков друг на друга, предшествующего негативного опыта и т. п.

Конфликты могут быть классифицированы и по характеру проявления, а также глубине их протекания. По признаку статуса участников конфликты могут быть вертикальными (между начальником и подчиненным, родителями и детьми) или горизонтальными (между сотрудниками). По степени проявления конфликты могут быть открытые и скрытые. По степени интенсивности они могут быть ярко выраженные и стертые. По причинам – порожденные объективными и субъективными причинами; по наличию противоречий, лежащих в основе конфликта: антагонистические и неантагонистические; по времени действия конфликта: продолжительные и кратковременные. Конфликты могут протекать либо в деловой сфере, либо в личных отношениях между людьми. Но чаще всего они оказываются смешанными. По значению конфликты делятся на конструктивные и деструктивные.

На сегодняшний день накоплены многочисленные данные о причинах возникновения, этапах и механизмах протекания, способах разрешения разных типов конфликтов. Психология занимает

лидирующее положение в изучении конфликта. Исследования М. Шерифа, Д. Раппопорта, Р. Доза, Л. Томпсона, К. Томаса, М. Дойча, Д. Скотта, Н.В. Гришиной и других авторов обеспечили понимание психологии конфликтов как важнейшего самостоятельного направления. Психологи при изучении конфликта ставят в центр своего внимания личность (индивидуальные внутренние механизмы поступков, различия между индивидами, поведение индивидов в группе, влияние социальных условий на поведение индивида, воздействие группы на отдельных ее членов и индивида на группу). Конфликт в этом случае понимается как ситуация, в которой наличествует несовместимость целей, желаний или стремлений у двух лиц. Рассматривая личность в конфликте, психологи связывают выбор поведения личности с ее индивидуальными свойствами, такими как эмоциональная чувствительность, раздражительность, агрессивность, склонность к насилию, с одной стороны, и сдержанность, спокойствие, уступчивость – с другой. Конфликтное поведение, прежде всего, состоит из противоположно направленных действий участников конфликта, в которых реализуются процессы в мыслительной, эмоциональной и волевой сферах оппонентов.

Конфликтное поведение как особый тип поведения имеет свои принципы, стратегии и тактики.

Среди основных принципов конфликтного противоборства выделяют:

- концентрацию сил;
- координацию сил;
- нанесение удара по наиболее уязвимому пункту в расположении противника;
- экономию сил и времени и др.

Стратегия поведения в конфликте рассматривается как ориентация личности по отношению к конфликту, установка на определенные формы поведения в ситуации конфликта. Выбор стратегии поведения во многом зависит от социальных факторов, изучением которых занимается социальная конфликтология.

Проблемы социального конфликта в конце XIX – начале XX в. исследовали такие ученые, как Г. Зиммель, К. Боулдинг, Л. Гумплович, Г. Ратценхофер, У. Самнер, А. Смолл. Социология сосредоточила свое внимание на изучении сущности и причин конфликта между социальными группами. Она изучает динамику конфликтов, факторы, которые обуславливают социальное поведение человека в социальных конфликтах различных уровней – межличностных, межгрупповых, международных. Социальный аспект анализа преобладает при характеристике групповых, классовых конфликтов, участниками которых являются общественные группы, классы. Один из основных вопросов, изучаемых социологами, – причины конфликтов.

Возникновение любого социального конфликта всегда сопровождается конфликтной ситуацией между социальными

субъектами. Конфликтная ситуация – это наименьшая целостная неделимая часть конфликта, обладающая всеми его основными свойствами. Выражением конфликтной ситуации является состояние напряженности во взаимоотношениях определенных субъектов. В структуру конфликтной ситуации входят несколько основных элементов:

1. Участники конфликта.
2. Информационные модели конфликтной ситуации у основных и второстепенных участников конфликта.
3. Предмет конфликта.
4. Объект конфликта.
5. Микро- и макросреда.

Структурные границы конфликтной ситуации определяются составом ее основных и второстепенных участников. Важным компонентом ситуации являются социальная среда и объективная обстановка, в условиях и под воздействием которых развивается конфликт. Объект конфликта, функциональные взаимосвязи между его структурными элементами также входят в конфликтную ситуацию. Временные границы конфликтной ситуации определяются промежутком времени, в течение которого не происходит качественных изменений в объекте конфликта, составе его основных участников и характере их взаимодействия. Как только хотя бы один из этих трех основных компонентов изменился, начинается развитие новой конфликтной ситуации.

В отличие от психологии и социологии, где концепции конфликта стали уже классическими, в политологии конфликтологические теории выделить сложно. Правомернее говорить о взглядах политологов на роль конфликтов в обществе, на управление политическими конфликтами. Политологические исследования конфликта связаны со следующими направлениями: теории политических групп (В. Парето и Г. Моска, Ж. Сорель, Ф. Оппенгеймер, А. Бентли), теории политической стабильности (Дж. Блондел, Д. Истон, С. Липсет, Д. Сандерс) и этнополитические теории (И. Гектер, Т. Нейрн, Дж. Ротшильд).

Конфликтология – наука о закономерностях возникновения, развития, завершения конфликтов, а также о принципах, способах и приемах их конструктивного регулирования. В конфликтологии конфликт понимается как «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также борьба подструктур личности» [2, с. 158]. Объектом конфликтологии являются конфликты в целом. Центральным объектом конфликтологии являются социальные конфликты, а их ядром – межличностные. Под социальным конфликтом понимается «наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и

сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу» [1, с. 31].

Предметом конфликтологии являются общие закономерности возникновения, развития и завершения конфликтов, а также принципы, способы и приемы управления ими.

Для лингвиста представляет интерес речевая специфика конфликта как проявление взаимодействия различных внешних факторов, а важнейшей задачей является установление отрицательного денотативного пространства речевого общения и факторов, обуславливающих зарождение, развитие и разрешение конфликта.

Речевая конфликтология – одна из актуальных тем современной лингвистики, но пока нет определённого, всеми принятого понимания языкового конфликта. В поле внимания исследователей включаются такие явления, как коммуникативный сбой, коммуникативный провал, коммуникативная неудача, коммуникативная помеха, языковой конфликт, речевой конфликт и др. (Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева, Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова, Е.А. Земская, О.П. Ермакова, Т.А. Ладыженская, С.Г. Ильенко и др.). Эти явления акцентируют отрицательное поле коммуникативного взаимодействия. Для обозначения различного рода сбоев и недоразумений в процессе речевого общения чаще всего в исследованиях используется термин коммуникативная неудача, под которым понимается полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения. К коммуникативным неудачам, согласно концепции Е.А. Земской и О.П. Ермаковой, относится также и «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [4, с. 31], в котором, по мнению авторов, и выражается взаимное непонимание речевых партнеров. Не всякая коммуникативная неудача вырастает в конфликт. Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться негативными средствами языка и речи. Адресат, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия подобного рода, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. Такая противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт. Речевой конфликт – это «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [6, с. 28].

Полиаспектный подход к изучению речевого конфликта определяется тем фактом, что предмет данного явления связан с человеком. Для исследования речевого конфликта необходим комплексный подход, включающий лингвокогнитивный, прагматический, лингвокультурологический и др. аспекты.

Когнитивный подход к речевому общению заключается в выявлении взаимосвязи мыслительных процессов и языковых явлений. Невозможно изучить природу речевого конфликта без обращения к когнитивным категориям – интересам, взглядам, знаниям, убеждениям, точкам зрения, позициям – всему тому, что является сутью познавательной деятельности человека. Основная категория когнитивной науки – фрейм. Человек содержит речевой конфликт в сознании как некую типовую структуру – фрейм. Фрейм развития конфликта репрезентирует информацию о том, как его использовать, к чему это может привести и что нужно сделать, если ожидания не подтвердятся. Фрейм развития конфликта включает в себя обязательные компоненты отражающего объекта (верхний уровень фрейма): участники конфликтной ситуации; столкновение (целей, взглядов, позиций, точек зрения); речевые действия одного из участников конфликтной ситуации, направленные на изменение поведения или состояние собеседника; сопротивление речевым действиям; ущерб, который наносится речевыми действиями. К нижнему уровню относятся следующие слоты: временная протяженность; пространственная протяженность; третье лицо, которое может не быть непосредственным участником конфликта, но быть его виновником.

Одним из вариантов фрейма является сценарий – вариант развития стереотипной ситуации с прописанным сюжетом, прагматическими структурами, лингвистическими единицами. То есть один и тот же фрейм может быть представлен различными сценариями. Поскольку фрейм закрепляет стандартный, стереотипный набор способов действий и их последовательность в развитии той или иной ситуации, то это дает возможность избежать неожиданностей в общении. Таким образом, коммуникант, имея определенные знания о стереотипной ситуации, ожидает от партнера по коммуникации стандартной, предсказуемой реакции и стереотипных речевых действий. Исходя из выше сказанного, нужно отметить, что конфликт может возникать в результате нарушения стандартных представлений о фрейме в определенной стереотипной ситуации.

Важное место в процессе исследования речевого конфликта занимает прагматика. Прагматический аспект речевого общения реализуется в исследовании взаимодействия компонентов триады «человек – текст – человек». Текст – это «язык в действии, в употреблении, это творческий феномен в своей сущности» [5, с. 16]. Текст как речевое произведение предполагает одновременно двух интерпретаторов: говорящего и слушающего. Не всегда удачное

использование языковых и речевых средств воспринимается слушающим в соответствии с содержанием, то есть возникает противоречие между текстом и его восприятием. Речь идет о скрытых смыслах, которые появляются намеренно или случайно в тексте. Скрытую информацию (подтекст), которая находится за рамками конкретного высказывания и которую слушающий может извлечь из имплицитных речевых структур, Г. Грайс называет «имплицатурой» [3, с. 220]. Имплицатуры общения могут быть связаны с нарушением той или иной максимы общения. Эти правила (максимы) объединены в четыре группы: количества, качества, релевантности (отношения) и способа выражения (образа действия).

Максимы *количества* следующие: а) делай свой вклад в разговор в той степени информативным, какая необходима для целей данного обмена репликами; б) этот вклад не должен быть более информативным, чем того требуют обстоятельства данного разговора (иначе речь получит дополнительные интерпретации, и, возможно, – нежелательные).

Максимы *качества*: а) старайся делать только истинные высказывания; б) не говори того, что сам считаешь ложью; в) не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований.

Максима *релевантности*: говори по существу, не отклоняйся от темы.

Максимы *способа выражения*: а) говори ясно; б) избегай неясности в выражениях; в) избегай неоднозначности; г) избегай ненужной пространности речи; д) излагай все по порядку, будь последователен.

Имплицатуры влияют на характер общения в плане его успешности/неуспешности, поскольку требуют от адресата максимальной концентрации внимания, создают эмоциональную ситуацию риска, так как стоят за рамками реального высказывания, но требуют мыслительного напряжения и определенной реакции адресата. Все это делает возможным различную интерпретацию скрытой информации в зависимости от ситуативного контекста, а значит, различного развития ситуации общения.

Таким образом, когнитивно-прагматический подход к исследованию речевого конфликта необходим для объективного представления факторов, обуславливающих речевой конфликт, механизмов порождения конфликта и принципов его интерпретации.

Речевая конфликтология еще только зарождается, но у нее есть огромный стимулирующий багаж – научное знание, сложившееся в пространстве социально ориентированных наук. Речевая конфликтология может состояться как наука, интегрирующая достижения психолингвистики, лингвистической прагматики, когнитологии, на основе которых может быть создан адекватный инструментарий описания конфликтного дискурса.

Литература

1. **Анцупов А.Я., Баклановский С.В.** Конфликтология в схемах и комментариях. – СПб., 2006.
2. **Анцупов А.Я., Шипилов А.И.** Словарь конфликтолога. – 2-е изд. – СПб., 2006.
3. **Грайс Г.П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985.
4. **Ермакова О. П., Земская Е. А.** К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.
5. **Синельникова Л.Н.** Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск, 2005.
6. **Третьякова В. С.** Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Известия Уральского государственного университета. – 2003.

О ПРИРОДЕ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена описанию природы конфликта. Структура конфликта, типы и причины его возникновения рассматриваются в статье с точки зрения социологии, психологии, конфликтологии, когнитологии и лингвистической прагматики.

Ключевые слова: конфликт, конфликтность, речевой конфликт.

ПРО СУТНІСТЬ КОНФЛІКТНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Стаття присвячена опису сутності конфлікту. Структура конфлікту, типи та причини його виникнення розглядаються з точки зору соціології, психології, конфліктології, когнітології та лінгвістичної прагматики.

Ключові слова: конфлікт, конфліктність, мовленнєвий конфлікт.

ABOUT THE CONFLICT NATURE

The article deals with the conflict nature. The conflict structure, types and causes of appearance are considered in the article from the viewpoint of sociology, psychology, conflict studies, cognitive linguistics and linguistic pragmatics.

Key words: conflict, conflictability, language conflict.

В.Л. Караман

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ЭТИКИ

Познание человеком окружающего бытийного пространства осуществляется по определенной шкале морально-этических норм и ориентиров – индивидуальных, общественных, общечеловеческих. Выстраивая в процессе исследования собственную иерархию ценностей, человек соотносит их с личными мировоззренческими установками и определяет для себя доминирующие нормы поведения.

Современные коммуникативные потребности общества приводят исследователей к необходимости переосмысления качественных характеристик категории риторической этики. Одно из условий эффективной аргументации в том, чтобы этос говорящего соответствовал принятым в данной ситуации нормам нравственности, этики, речевого поведения. В условиях публичной коммуникации особенно актуальным становится понятие взаимного доверия, возникающего при обоюдном принятии участниками речевого действия норм риторической этики, при осознании взаимной ответственности за качество высказываний. Современная риторика изучает проблему речевого существования человека и народа; эффективность речи в контексте подготовки современного участника коммуникативного пространства. Современные функции риторики, которые могут быть поняты и как ее задачи, мыслятся как общественное управление, формирование морали, нравственности и этики, формирование стиля, исследование психологии общения. Задача речевого поступка (выбор слов, выбор риторических фигур) состоит в производстве уместной, правильной и эффективной речи, приводящей к действию. Трактую глубину понимания как меру свободы человека, риторика ставит своей задачей и включение человека (организованное или стихийное, не организованное обучением) в речевые отношения. Таким образом, цели и задачи современных исследований в области риторики связаны с интегративным подходом, когда классическая риторика объединяется с какой-либо современной научной отраслью.

В поле общения необходимость управления коммуникацией и неукоснительное придерживание этических норм ложится в равной степени на всех участников коммуникативной ситуации. Результат подобного диалога зависит от степени принятия чужой точки зрения. Поэтому в ряду необходимых качеств языковой личности зачастую выделяют доброжелательность, когда ориентиром общения служат интересы противоположной стороны, и предусмотрительность как способность предвидеть результаты работы, свои возможности [1].

Обретение большей уверенности в коммуникативном поведении осуществимо через критическое изучение собственных мировоззренческих и этических предпосылок взаимодействия. Их изучение в замкнутой системе собственных ценностей не принесет должного результата, потребуется когнитивный выход за пределы собственной системы для сопоставления ее с другими. Наиболее распространенным и эффективным способом организации риторической стратегии говорящего является такой, в котором речевое поведение базируется на некоторой независимой иерархии ценностей, выполняющей роль посредника между коммуникантами.

Коммуникативная этика связана с так называемыми постулатами речевого общения, которые делают возможным и успешным взаимодействие участников коммуникации. Сформулированные Г.П. Грайсом, они выводятся из лежащего в основе всякого общения принципа кооперации. К постулатам речевого общения относятся: постулаты качества (сообщение не должно быть ложным или не имеющим под собой должных оснований), количества (сообщение не должно быть ни слишком кратким, ни слишком пространным), отношения (сообщение должно быть релевантным для адресата) и способа (сообщение должно быть ясным, четким, не содержать непонятных для адресата слов и выражений и т. д.). Другие важные требования – например, постулаты вежливости (всякое сообщение должно быть вежливым, тактичным и т. д.) – не включаются Грайсом в число основополагающих, поскольку задачей сообщения считается эффективная передача информации. Показательно, что даже при столь утилитарной постановке задачи приходится рассматривать этическую норму как необходимое условие успешной коммуникации. Тем более эти требования значимы для сообщений, которые имеют другие функции: налаживания межличностных контактов, привлечения слушателей на свою сторону и т. д. В этих случаях постулаты вежливости неизбежно выступают на передний план. Другие же, например постулаты отношения, оттесняются на периферию. Так, во многих учебниках по рекламе рекомендуется воздерживаться не только от любых высказываний, оскорбляющих или задевающих адресата, но и от высказываний, которые могли бы вызвать у него нежелательные ассоциации. Например, слоган *Наше пиво – пиво, от которого не толстеют* был признан неудачным, поскольку напоминает о самом факте, что от пива толстеют. Таким образом, коммуникативная этика в широком смысле сопрягается с общей проблематикой лингвистической прагматики и должна рассматриваться в русле прагмалингвистических исследований. Акт языковой коммуникации рассматривается прагматикой с точки зрения достижения участниками коммуникации тех или иных целей. Высказывание рассматривается не изолированно, а в контексте этих целей; например, вопрос *Есть ли у Вас часы?* подразумевает просьбу сказать, который час. Поэтому ответ *Да, есть*

(без сообщения, который час) игнорирует контекст и тем самым нарушает требования речевого этикета. Или: *Что здесь происходит?* – вопрос (особенно в определенном контексте) может означать агрессивное недовольство происходящим и как таковой нарушать этикет. Специфика речевого этикета в том, что он характеризует как повседневную языковую практику, так и языковую норму. Действительно, элементы речевого этикета присутствуют в повседневной практике любого носителя языка (в том числе и слабо владеющего нормой), который легко опознает эти формулы в потоке речи и ожидает от собеседника их употребления в определенных ситуациях. Элементы речевого этикета усваиваются настолько глубоко, что они воспринимаются «наивным» языковым сознанием как часть повседневного, естественного и закономерного поведения людей. Незнание же требований речевого этикета и, как следствие, их невыполнение (например, обращение к взрослому незнакомому человеку на *ты*) воспринимается как желание оскорбить или как невоспитанность.

Несколько иначе риторическая этика воспринимается в споре как наиболее напряженной, динамичной и непредсказуемой, а потому интересной для исследования форме реализации аргументов. Основное необходимое условие спора – наличие несогласия сторон при абсолютном равенстве возможностей. Истинность и жизнеспособность той или иной аргументации проявляется в условиях столкновения мнений, в условиях критики оппонировавшей стороны. Согласно определению А.А. Ивина, «спор – это ситуация, когда аргументировано опровергается противоположное мнение» [2, с. 252]. В полилогическом пространстве спора всегда возможны различные взгляды на один и тот же предмет. Если нет противоположности, спор заменяется какой-либо другой формой аргументации.

Границы между корректными и некорректными приемами в споре в различных случаях могут быть диффузны, выбор той или иной тактики ведения спора зависят во многом от тактики оппонента. Несмотря на декларированные нормы этического соответствия, риторика обладает достаточно широким спектром – так сложилось исторически – некорректных приемов ведения спора. В условиях современной социально-политической нестабильности возникает имеющее право на существование предположение общественного заказа на коммуникативные технологии, направленные на победу в любом речевом акте несогласия. В поддержку этого предположения приведем пример методических рекомендаций, опубликованных на Интернет-сайте одного российского научно-исследовательского центра, занимающегося вопросами PR, предвыборных политтехнологий (намеренно не указываем адрес сайта, чтобы не компрометировать авторов данного Интернет-пособия):

«До сегодняшнего занятия вы обучались тактике и стратегии выступления в соло-режиме. То есть: в режиме наибольшего

благоприятствования, когда никто вас не дергал и не перебивал, а текст речи был тщательно выверен и в нем были отработаны в домашней обстановке все наиболее важные элементы.

Далее перед вами – следующий шаг. Теперь ваше выступление будет лишь частью общей дискуссии. И здесь каждый ее участник имеет право прервать вас, высмеять, оборвать на полуслове, обругать, передразнить и позволить себе иные штучки, сбивающие вас с толку. В этой новой ситуации вам пригодится все, что мы проходили: и подготовка текста речи, и акустические навыки, и методика вхождения в образ, и все остальное. Однако к этому необходимо добавить некоторые специфические приемы, характерные именно для риторики - науки побеждать в споре.

ЗАЩИТА СВОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. ГЛАВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. Не оправдываться, а обвинять!

Если ваша позиция в дискуссии подвергается атаке, то ни в коем случае нельзя строить контраргументы в духе подтверждения ее достоинств. Это самый невыгодный ход в споре. Что же делать? Обвинять! На любой каверзный вопрос давать молниеносный отпор: жестким замечанием (на любую тему, хоть о внешнем виде оппонента), вопросом (тоже любым, например: Какова сейчас зарплата у агента ЦРУ?), цитатой, анекдотом и любым другим оружием из риторического арсенала.

2. Не объяснять, а декларировать!

В дискуссиях на политическую тематику очень часто выступающему с какой-либо программой преобразований в России оратору задают вопросы, типа: «А каким образом Вы собираетесь это сделать?», «Откуда возьмете деньги?», «Не является ли Ваша программа блефом, столь характерным для любого предвыборного марафона?» и т. п. Неопытный оратор сразу же начинает судорожно объяснять, за счет чего может быть реализована его программа, залезая в такие дебри, что, чем больше он говорит, тем меньше ему верят слушатели.

Что следует делать в такой ситуации? Декларировать (то есть заявлять – без доказательств, без витиеватой аргументации) свое мнение по данному вопросу. Главное, поймите: дискуссия – не школьный урок, на котором вы должны блеснуть своей эрудицией. В живой полемике (в отличие от полемики в прессе) вы – хирурги, препарирующие коллективное сознание аудитории. Только вместо скальпеля у вас – слово.

3. Интерпретировать замечания противника наиболее выгодным образом.

Интерпретация (иначе: краткий пересказ и собственное истолкование чужой мысли) содержит в себе три основных правила: Первый – УПРОЩАТЬ. Какие бы заумные идеи или стоэтажный вал справочного материала ни обрушил на вас оппонент, сведите всю эту

галиматью к одной-двум примитивнейшим мыслям. Причем упростите все так, чтобы для публики фразы вашего оппонента засверкали своей невыносимой пошлостью и банальностью, чтобы аудитория сама бы догадалась, что ваш противник морочит ей голову.

4. Использовать контркодирование!

Если вы заметили, что оратор применяет кодовые или опорные фразы, то перехватывайте их и используйте против него. Пример:

- Мы должны грудью стать на защиту Отечества!
- Да вы продали Отечество! Продали Отечество и пропили.
- Лучшие умы Родины с нами!

– Вы сгубили лучшие умы Родины! Лучшие умы Родины были расстреляны вами и сгноены в застенках и концлагерях.

- Мы должны отомстить за поруганную честь нашей страны!

– Отомстить должны вам! За десятилетия издевательства над народом.

5. Завершать ударом!

Даже если в дискуссии в целом вас победили, всегда есть шанс отыграться, получив (или отобрав) право последнего слова. В нем необходимо провести краткий анализ чужого выступления и дать ему свою характеристику. Пример:

– Мой оппонент выступил достойно. Правда, он 11 раз ошибался в цитатах и не смог доказать ни одного своего умозаключения, но все равно его энергичность и скорость мышления вызывают уважение. Жаль, что та точка зрения, с которой он выступал, была высказана еще 2083 года назад, тогда же опровергнута и высмеяна и теперь отвергается всеми здравомыслящими людьми мира. Но мы должны похвалить выступающего за его стремление разобраться в сложных проблемах. Я уверен, со временем, когда у нашего оратора прибавится знаний и опыта, из него выйдет хороший специалист. Давайте ему поплодиреем!

По словам французского исследователя Ж.-П. Шанже, «...для ультралиберальных обществ, в которых господствует свободное предпринимательство и законы рынка, этика – забота второстепенная. Отсутствие моральных норм или норм, основанных на минимальных правилах «честной игры», открывает дорогу ничем не сдерживаемой борьбе за существование или, по крайней мере, борьбе за увеличение прибыли. Это – один из наиболее чистых проявлений того, что можно назвать «социал-дарвинизмом». Этика здесь нужна лишь для того, чтобы сдерживать наиболее нетерпимые отклонения. Результатом оказывается полное отрицание «моральных чувств» и «социальных обязательств» [3].

В условиях современного отечественного противостояния политических сил и социального дисбаланса наиболее распространенным приемом продолжают оставаться декларативные высказывания, истинность которых зачастую сомнительна и не поддержана фактическим материалом в контексте выступления:

«Зачем Ехануров противостоял вступлению в ВТО Украины и России?» – риторически спрашивал Янукович. Ответ дал он сам: «Они создали нестабильность с целью формирования внешней угрозы...» («Аргументы и факты», 19 мая 2006). Или: «...Так называемая оранжевая революция нарушила нормальный ход событий. 2005-й год обернулся потерями и разочарованиями. Новая власть полностью обанкротилась по всем направлениям государственной политики. Резко замедлились темпы экономического роста. Ухудшилась жизнь граждан. Украина превратилась в ненадежного и непредсказуемого партнера. Все обещания новой власти оказались обманом...» (Там же, статья «Районные мстители»).

На основе вышеизложенного переосмысливаются качественные характеристики современных политических дискурсов, где варьирование норм коммуникативной этики, а подчас и открытое ее игнорирование становятся для многих политиков и общественных деятелей залогом успешной коммуникации, повышения собственного рейтинга, укрепления необходимых позиций в социальной и политической сферах.

Литература

1. **Богданов В.В.** Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л., 1990. 2. **Ивин А.А.** Риторика: искусство убеждать. – М., 2002. 3. **Волков А.А.** Основы риторики. – М., 2003. 4. **Шанже Ж.-П.** Взгляд невролога на основания этики. Нейрофизиологические основы этического поведения: Курс лекций. – Университет Торонто, 1997.

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ЭТИКИ

Особенности современного политического коммуникативного пространства приводят к качественному переосмыслению этической составляющей риторики. Риторический этос представляется многоаспектным феноменом, отдельные стороны которого еще недостаточно исследованы.

Данная работа представляет попытку рассмотрения необходимых этических векторов коммуникативной деятельности, а также механизмов варьирования этических норм в современных политических дискурсах.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность, этическая норма, политический дискурс.

ПРОБЛЕМИ КОМУНІКАТИВНОЇ ЕТИКИ

Особливості сучасного політичного комунікативного простору зумовлюють якісне переосмислення етичної складової риторики. Риторичний етос представляється багатоаспектним феноменом, окремі сторони якого ще недостатньо досліджені.

Ця робота є спробою дослідження необхідних етичних векторів комунікативної діяльності, а також механізмів варіювання етичних норм у сучасних політичних дискурсах.

Ключові слова: комунікативна діяльність, етична норма, політичний дискурс.

THE PROBLEMS OF COMMUNICATIVE ETHICS

The peculiarities of modern political communicative space bring over to the new-quality understanding of ethics components of communication. Rhetorical ethos appears multidimensional phenomenon, the separate sides of which are explored unenough.

This work represents the attempt of consideration of necessary ethics vectors of communicative activity, and mechanisms of varying of ethics norms in modern political discourses.

Key words: communicative activity, ethical norm, political discourse.

УДК 811.161.1'373.44:659.1

Н.И. Неловкина

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Реклама как примета времени играет важную роль в современном обществе. Влияние данной сферы трудно переоценить, поскольку эффект от воздействия рекламной продукции явно ощущается и распространяется не только в экономической среде, но и в социальной, гуманитарной и других сферах человеческого бытия. Рекламный текст превращается в своего рода язык времени, в котором находят отражение тенденции практически всего современного языкового развития.

Стремительный рост рынка рекламы требует привлечения новых ресурсов выразительных средств – в условиях конкуренции, в борьбе за потребителя создатели рекламного продукта стремятся наиболее максимально полно и выразительно отобразить суть и характер рекламируемого объекта.

Практически с момента возникновения печатной рекламы идут поиски параметров оптимального рекламного текста, которые, как сегодня очевидно, должны определяться и с неперенным учетом экстралингвистической реальности, то есть тех требований, которые в принципе предъявляются к рекламе в современном обществе.

При всей несомненной специфике функционирования языка в СМИ, на наш взгляд, всё же нет достаточных оснований утверждать, что в других сферах – в бизнесе, политической, учебной, бытовой коммуникации – используются совершенно иные приемы и ресурсы речевого воздействия, нежели в печати, на радио и телевидении. Исследователи (А.Н. Баранов, П.Б. Паршин и др.), разрабатывавшие данную проблематику в своих работах, показали, что нет принципиальных отличий в механизме речевого воздействия при так называемом «равноправном сотрудничестве» и отношениях субординации [1, с. 126].

Согласно концепции коммуникативного воздействия А.Н. Баранова и П.Б. Паршина, реклама является разновидностью речевого воздействия, основная функция которого сводится к *процессу онтологизации знаний*.

Под коммуникативным воздействием понимается воздействие на знания, отношения и намерения адресата в нужном для адресанта направлении [2, с. 543]. Выделяют такие основные способы коммуникативного воздействия:

- воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение);
- воздействие на сознание через эмоциональную сферу;
- суггестия;
- влияние посредством вербальных или невербальных средств.

Следует отметить, что все перечисленные способы коммуникативного воздействия реализуются с помощью разнообразных стратегий. Причем качество рекламных сообщений в конкретных прагматических условиях зависит прежде всего от выбора стратегии коммуникативного воздействия.

Под стратегиями коммуникативного воздействия в рекламе понимаются приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении (как в его вербальной, так и в невербальной части) информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного для продвижения этого объекта на рынке [2, с. 544].

Одной из существенных особенностей рекламной информации в отличие от информации нерекламного характера является направленность на достижение коммерческих целей, а именно продвижение рекламируемого объекта на рынке. Посредством коммуникативного воздействия создатели рекламного продукта стремятся оказать влияние на целевую аудиторию, которое можно определить как манипулирование.

Манипулирование – это вид скрытого сознательного коммуникативного воздействия одного человека на другого (на его знания, отношения, намерения) с целью изменить их в нужном для манипулирующего направлении, причем, как правило, адресат

манипулятивной коммуникации при этом вводится в заблуждение [2, с. 551]. Основой процесса манипулирования является формирование искаженного представления о мире посредством применения определенного коммуникативного приема. В зависимости от разнообразия коммуникативных приемов определяют следующие разновидности манипулирования в рекламе:

- прямое либо скрытое сравнение с конкурентами (родовая стратегия);
- уникальное торговое предложение (стратегия преимущества);
- позиционирование торговой марки в ряду других марок (стратегия позиционирования);
- воздействие на целевую аудиторию посредством аксеологических установок (стратегия «имидж марки»);
- придание товару определенного психологического смысла (стратегия «резонанс»);
- создание ощущения эмоциональной причастности потребителя (аффективная стратегия).

Перечисленные разновидности манипулирования авторы В.Л. Полукаров, Е.Л. Головлева, Е.В. Добренькова и Е.М. Ефимова соотносят с многообразием рекламных стратегий.

Приемы манипуляции сознанием адресата речи как неотъемлемая часть логоса манипулятивной коммуникации обусловлены объективными свойствами языка как средства общения. При этом основной лингвистической предпосылкой воздействия языка на сознание является принципиальное несоответствие между бесконечным множеством факторов действительности и широкими, но не безграничными возможностями языка, то есть конечным количеством языковых единиц, используемых для описания окружающего мира [3, с. 93].

Проблема, поднимаемая в данной публикации, – использование архаизмов в рекламных текстах как одного из средств реализации манипулятивной коммуникативной стратегии – является перспективным направлением современной печатной рекламы.

Среди упомянутых стратегий рекламного воздействия особенно ярко отражают целевое применение архаичной лексики, по нашему мнению, такие, как манипулирование посредством применения аксеологических установок, а также создание ощущения эмоциональной причастности потребителя. Следовательно, можно допустить, что использование архаичной лексики в рекламных текстах осуществляется в рамках стратегий, которые ориентированы на эмоциональное восприятие продукта. Стратегия «имидж марки», стратегия «резонанс», а также аффективная стратегия в рамках указанных разновидностей манипулирования ярко выражены посредством применения устаревшей лексики в рекламных текстах, приведенных в данной публикации.

Печатная рекламная продукция, включающая устаревшую лексику, в настоящее время еще практически не получила описания в работах лингвистов, тем более – в аспекте ее участия в осуществлении манипулятивной коммуникативной стратегии. Это обуславливает актуальность данного исследования, целью которого является детальный анализ использованной в рекламных текстах устаревшей лексики с точки зрения выполняемых ею функций при осуществлении воздействия.

На первый взгляд, такой аспект исследования кажется несколько неожиданным, однако при более внимательном знакомстве с материалом исследования он представляется вполне правомерным.

Для конкретизации предмета исследования необходимо дать определение ключевому понятию «устаревшая лексика». Устаревшими называются слова, которые вышли из активного употребления, но сохранились в пассивной лексике. Устаревшие слова делятся на две группы: историзмы и архаизмы.

К историзмам относятся те устаревшие слова, которые вышли из употребления в связи с тем, что из жизни ушли обозначаемые ими предметы или явления [4, с. 93 – 94]. В отличие от историзмов архаизмы – это устаревшие названия современных предметов, явлений, вытесненные синонимами из состава активной лексики.

В лексике современного русского языка различаются следующие типы архаизмов:

- фонетические (*нумер* – *номер*);
- акцентологические (отличающиеся ударной позицией в слове);
- морфологические (*рояль* – в современном языке употребляется в мужском роде, в устаревшей лексике – в женском);
- словообразовательные (*нервический* – *нервный*);
- собственно лексические (*всуе* – «напрасно»);
- семантические (*наблюдать* в современном значении ‘соблюдать’) [4, с. 94 – 95].

В настоящее время авторы «воздействующих» текстов – как журналисты, так и рекламисты – уделяют особое внимание фактам, отражающим глубину «культурного слоя». Вероятно, одной из причин этого является стремление отечественного потребителя к восстановлению не только украинских, но и в целом славянских традиций в разных сферах общественной жизни: культуре, предпринимательстве, политике и т. д..

В языке стремление к возрождению нередко выражается в использовании так называемой актуализированной лексики, обозначающей политические, экономические и культурные реалии прошлого (к такого рода лексике принадлежат, к примеру, такие обозначения, как *дума* и *думцы*, *гимназия*, *лицей*, *кадеты*, *коммерсанты*, *биржа*, *дворянское собрание*, *гостинный двор* и проч.).

Упомянутые выразительные средства, по нашим наблюдениям, всё активнее включаются в массовую коммуникацию, в

профессиональную и бытовую речь с обложек глянцевого издания и еженедельной прессы, таким образом, создавая эффект крепких исторических традиций в данном виде печатной деятельности.

Востребованность устаревшей лексики в современных рекламных текстах вызывает повышенный интерес у потребителей и исследователей печатной рекламы. Использование историзмов и архаизмов позволяет добиться наиболее полной реализации манипулятивной коммуникативной стратегии продвижения товара, поскольку смысловая нагрузка не довлеет над сознанием потребителя, тем самым открывая доступ к эмоциональному восприятию адресата.

Основная функция использования устаревшей лексики – историзмов и архаизмов – заключается именно в подчеркивании «связи времен», акценте на влиянии, а то и взаимопроникновении культур. Возрождаются в том или ином объеме многие явления, характерные для имперского периода.

Приводимые далее в качестве примеров рекламные тексты и слоганы, как представляется, могут быть наиболее полно интерпретированы с привлечением материалов, включенных в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, в котором необыкновенно полно и глубоко зафиксированы исторические традиции русского народа, закрепившиеся в значении слов.

Лексикографический труд В.И. Даля содержит значительный пласт лексического материала, который практически не употребляется в современном русском языке.

В современных рекламных текстах обнаруживаются архаизмы разных типов, хотя, конечно, данные языковые единицы принадлежат к редко встречающимся элементам. Остановимся более подробно на анализе нагруженности архаической лексики в аспекте её участия в реализации функции манипулятивного воздействия на адресата.

В рекламных текстах, послуживших материалом для данной публикации, встречаются архаизмы разных типов: фонетические, семантические и собственно лексические. Детальный анализ функций архаической лексики, использованной в примерах рекламных текстов, начнем с группы собственно лексических архаизмов.

«Калита град» – название риелторской конторы [5, с. 31].

В данном случае исследовательского внимания заслуживают оба элемента рекламного текста, принадлежащие к архаичным лексическим единицам: «калита» и «град». В современных словарях [6, с. 102] слово «калита» отсутствует, слово «град» подается как стилистически ограниченное (с пометами «высокое», «поэтическое», «устаревшее»). Таким образом, для осмысления сути анализируемого названия обращение к словарю В.И. Даля необходимо. Слово «калита» истолковано в нем следующим образом: «Калита – сума, сумка, кisa, мешок, подвесной карман, торба» [II, 7, с. 78]. Слово «град» отнесено в этом словаре к общеупотребительной лексике – оно не сопровождается

никакими стилистическими пометами, поскольку в XIX веке использовалось (наряду с «город») ещё достаточно активно [1, 7, с. 348]. В современный период оба слова являются архаизмами: «град» фонетическим, а «калита» – собственно лексическим. «Калита – кожаная в Древней Руси сумка для денег; калиту носили на ремне пояса» [8, с. 534]. Заслуживает внимания и значение данного слова, употребляемого в качестве имени собственного: один из русских царей, Иван I Данилович (XIV в.), имел прозвище Иван Калита; вероятно, одной из причин появления такого прозвища стало то, что Иван I Данилович сумел добиться у Золотой Орды права сдачи монгольской дани на Руси [8, с. 477].

«Калита град», таким образом, может восприниматься современным адресатом как наименование с явно повышенной экспрессией, отсылающее к торговым операциям определенного рода – связанным с накоплением средств и, как следствие, обещающим хорошую прибыль.

Экспрессия приведенного текста достигается двумя основными приемами: во-первых, введением в актуальный (рекламный) контекст архаической лексики (двух разных по типу архаизмов: фонетического и собственно лексического); во-вторых, объединением в этом тексте слов с полярной стилистической окраской: устаревших «калита» и «град» и неологизма – недавно вошедшего в русский язык иноязычного понятия «риелтор». «Риелтор – преступник, занимающийся махинациями с покупкой квартир у одиноких пенсионеров, алкоголиков и т. п.» [9, с. 266].

Ещё одним примером современного рекламного текста, содержащего архаизмы, является слоган торговой марки кваса «Ярило»: «Этот квас затирался, когда белый свет начинался» [10, с. 23].

Данный рекламный текст содержит целый ряд элементов (слов и выражений), воспринимаемых сегодня как архаичные. Это, во-первых, имя собственное одного из языческих богов – Ярило, затем семантический архаизм «затирать» и одна из устойчивых фольклорных форм «белый свет» [11, с. 480]. В.И. Даль в своем словаре фиксирует такие значения глагола «затирать»: «приправлять, разводить, месить, разбалтывать, сдобить, растирая с приправой» [1, 7, с. 649]. «Ярило – божество пробуждающейся природы, покровитель растительного мира. Ярило отождествляли с Солнцем» [12, с. 211].

Таким образом, в приведенном современном рекламном тексте мы наблюдаем целую систему элементов с разной степенью архаичности, что, безусловно, повышает экспрессию рекламного дискурса, делая его более привлекательным для адресата. Данную систему составляют архаизмы, относящиеся к разным типам (фонетические, семантические и собственно лексические), системные связи между которыми выражены в контексте рекламной фразы.

Прием использования в рекламном тексте архаической лексики, как представляется, можно воспринимать в качестве одного из средств реализации манипулятивной коммуникативной стратегии, которую исследователи нередко определяют как стратегию «имидж марки»: «Эта стратегия рассчитана на психологическую дифференциацию людей. При ее использовании товар становится символом определенного психологического типа человека, реклама символически закрепляет за той или иной маркой определенный стиль поведения, манеру держать себя и одеваться, тип интерьера или природного окружения и прочее» [13, с. 76 – 77].

Продвижение товара с использованием подобной коммуникативной стратегии обращено к адресату с явными эстетическими качествами, ориентированному прежде всего на эмоциональное восприятие того или иного товара. Для подобной категории потребителей важен не столько продукт рекламы, сколько легенда его возникновения и продвижения на рынке.

Приведенные примеры рекламных текстов могут быть наиболее адекватно интерпретированы лишь при обращении к лексикографическим источникам, дающим представление о роли архаической ныне лексики в более ранние периоды существования русского языка. Одним из наиболее авторитетных источников является «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, зафиксировавший литературные нормы, действующие в русском языке II половины XIX века.

Применение манипулятивной стратегии коммуникативного воздействия «имидж марки» ориентировано на целевую аудиторию, с учетом представлений рекламистов о ценностях и идеалах данной группы. Для использования указанной стратегии требуется модель, отражающая наиболее желанные устремления данной целевой аудитории.

По нашему мнению, использование архаизмов в рекламных текстах как одно из средств реализации манипулятивной коммуникативной стратегии – проблема, не теряющая актуальности для современного исследователя, поскольку она отражает всё увеличивающееся разнообразие рекламной продукции, требующей, в свою очередь, привлечения все новых приемов воздействия на потребителя; одним из таких приёмов и являются рассмотренные стратегии коммуникативного воздействия, позволяющие достичь желаемого коммерческого эффекта с опорой на весьма выразительные лингвистические средства.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля как фундаментальный труд, в котором проанализированы пласты словесных средств русского языка не только с филологических, но и с исторических, а также культурологических позиций, является крайне важным источником интерпретации современных рекламных текстов.

Литература

1. **Баранов А.Н., Паршин П.Б.** Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. – М., 1986. – С. 100 – 142.
2. **Пирогова Ю.К.** Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов междунар. науч. конф. – М., 2001. – С. 543 – 553.
3. **Медведева Е.В.** Рекламная коммуникация. – М., 2004.
4. **Современный русский язык: теоретический курс по лексикологии** / Под ред. Л.А. Новиковой. – М., 1987.
5. **Экспресс-клуб.** – 2006. – №№ 1 – 12.
6. **Ушаков Д.Н.** Большой толковый словарь русского языка. – М., 2005.
7. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1956.
8. **Советский энциклопедический словарь.** – М., 1980.
9. **Вальтер Х., Вовк О., Зумп А., Конупкова Х., Кульпа А., Порос В.** Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. – М., 2004.
10. **Индустрия рекламы.** – 2005. – № 5.
11. **Фразеологический словарь русского языка** / Сост. М.И. Степанова. – СПб., 2003.
12. **Кононенко А.А., Кононенко С.А.** Словарь: Персонажи славянской мифологии. – К., 1993.
13. **Полукаров В.Л., Головлева Е.Л., Добренькова Е.В., Ефимова Е.М.** Рекламная коммуникация. – М., 2002.

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Данная статья посвящена проблеме использования устаревшей лексики в рекламном тексте как средства реализации манипулятивной коммуникативной стратегии. Определяются разновидности манипулирования в рекламе. Приведенные автором примеры рекламных текстов могут быть наиболее полно интерпретированы с привлечением материалов, включённых в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Ключевые слова: устаревшая лексика, историзмы, архаизмы, коммуникативные стратегии, манипулирование, лексикографический словарь В.И. Даля.

ЗАСТАРІЛА ЛЕКСИКА В РЕКЛАМНОМУ ТЕКСТІ ЯК ЗАСІБ РЕАЛІЗАЦІЇ МАНІПУЛЯТИВНОЇ КОМУНІКАТИВНОЇ СТРАТЕГІЇ

Ця стаття присвячена проблемі використання застарілої лексики в рекламному тексті як засобу реалізації маніпулятивної комунікативної стратегії. Визначаються різновиди маніпулювання в рекламі. Приклади рекламних текстів, що наводить автор, можуть бути найповніше

інтерпретовані з використанням матеріалів, що входять до складу «Тлумачного словника живої великоруської мови» В.І. Даля.

Ключові слова: застаріла лексика, історизми, архаїзми, комунікативні стратегії, маніпулювання, лексикографічний словник В.І. Даля.

THE UPDATED VOCABULARY IN THE ADVERTISING TEXTS AS THE MEANS OF REALIZATION OF MANIPULATIVE COMMUNICATIVE STRATEGY

The following article deals with the problem of usage of updated vocabulary in the advertising texts as the means of realization of manipulative communicative strategy. The varieties of manipulation are defined in the article. The examples of the advertising texts, given by the author, can be interpreted more widely only with the help of V.I. Dahl dictionary.

Key words: outdated vocabulary, historisms, archaisms, communicative strategies, manipulation, lexicographical dictionary of V.I. Dahl.

УДК 821. 161.1: 37

А.М. Аулов

**ЧИТАЙТЕ И ГОВОРИТЕ ЯРКО –
ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ПОДВИЖНЫМ ВИДЕНИЕМ
(к проблеме методики быстрого обучения
выразительному чтению)**

Одной из целей образования и воспитания является богатство духовного мира человека. А богатство души, верный признак культуры человека, – это разнообразие, многосторонность потребностей.

Неразвитость потребностей насильно влечет человека к бедам. Писатель М. Зощенко в автобиографической повести «Перед восходом солнца» (1943, 1972) вспоминал о своем детстве того периода, когда человек живет еще в сумерках сознания.

Лет в пять хотел покормить золотых рыбок крошками сухарей. Им «здорово плохо, что они не кушают. Еще бы, целые дни в воде» [2, с. 363]. Пробовал оказать помощь: вытащил из банки, положил на подоконник. Но рыбки и здесь «отказываются от еды» [Там же]. Снова бросил их в воду. Но там им еще хуже. Они «даже плавают теперь брюшком вверх. Должно быть, просятся из банки» [Там же]. Опять выловил рыбешек и положил их... в коробку из-под папирос.

Рыбки – околели.

Отсутствие в раннем детстве формируемой только культурой потребности – наслаждения от наблюдения за жизнью аквариумных обитателей и доставляющей радость заботы о них, проявляемой в воде, но только не вне ее – стало причиной такого печального случая, невольного преступления, всю жизнь тяготившего душу.

Какое же место занимают в жизни эмоции или чувства, т. е. эмоции, возникающие на основе социальных потребностей? Короткий ответ таков: без их силы потребности могут оказаться недостижимыми. Эмоции усиливают действия, поступки человека, направленные на достижение потребностей.

В этом смысле жизненный опыт многих людей, данные науки и художественной культуры содержат много примеров недостаточного развития сферы чувств: тип «лишнего человека» – умного, но холодного, как Онегин у Пушкина, или мечтательно любящего всех людей, но не любящего труд, поэтому не способного ни к какой практической деятельности и подлинной любви, как Обломов у Гончарова; герой, мечтающий освободить народ от несчастья, но не выдерживающий испытания любовью к женщине, конкретному человеку, – у Тургенева. Из-за неразвитости чувств, неимения полноты их силы начальные,

слабые эмоциональные всплески или рассудочные намерения человека кончаются ничем.

Чувство – самая важная черта литературы, искусства вообще, ставящая их на особое место среди остальных форм сознания. Существует специальная область преподавания литературы, которая развивает эмоциональные умения и навыки – выразительное чтение.

Как передаются чувства при помощи выразительного чтения? Сейчас установлено, что «изменения голоса представляют наиболее древний в эволюционном отношении механизм выражения эмоций» [5, с. 88].

Обратимся к связанному с «изменениями голоса» так называемому «видению», громадная роль которого в достижении выразительности чтения уже отмечена многими авторами. Так, в знаменитой книге К. Станиславского «Работа актера над собой. Дневник ученика» сказано, что «...видения создадут внутри нас соответствующее настроение. Оно окажет воздействие на вашу душу и вызовет соответствующее переживание» [7, с. 90]. «Именно они, – повторяет и развивает эту идею Я. Смоленский, – образные представления (видения), – ф у н д а м е н т , на котором зиждется мысль и высекается чувство» [6, с. 43].

Как же необходимо пользоваться «видением»? Вот совет мастера. Исполнитель, писал Д. Журавлев, «передавая то, что задано ему автором, должен постараться все, что происходит в рассказе, увидеть с той же яркостью, отчетливостью и выпуклостью, как если бы он сам был тому свидетель. Но увидеть с такой же яркостью, уметь накапливать эти видения необходимо в процессе работы над произведением. Тогда, читая произведение... нужно будет лишь вспомнить уже увиденное, запечатлевшееся и заразить своими видениями слушателя» [1, с. 50 – 51].

Однако такое указание похоже на догадку о его важности, но отнюдь не на понимание сути этого явления: пользование «видением» у обучаемых сводится к наитию, «искусству», тому, что еще не поддается ясному, четкому, определенному сознанию, руководимому волей. И этот факт не является упреком мастеру, т. к. момент искусства сохраняется и будет сохраняться во многих областях человеческой деятельности, в том числе в обучении.

Но мы должны стремиться к тому, чтобы момент искусства был минимальным. Ведь обучение отличается от стороны искусства тем, что неясного, нечеткого в нем остается минимум. И в общем ряду это более надежное средство для решения проблем, чем наитие. К тому же большой талант – такая редкость, а обществу необходимы умения и знания многих и многих людей. А если бы большинство людей все время творили, словно в первый раз, то человечество двигалось бы черепашьими шагами. Поэтому даже в художественной сфере, где искусство, или наитие, и природная талантливость занимают важное

место, есть значительная часть, которая обычно достигается обучением мастерству, «ремеслу» – передачей накопленных знаний, умений, способов, технологий, их применения. В отношении же «видения» – важнейшей стороны выразительного чтения – нет ясного понимания его сути. Основным взгляд здесь выработан Станиславским, считавшим, что «видения» освобождают подсознательные силы, которые и служат средством выразительности, эмоциональности. Смена «видений» приводит к смене эмоций. Воля человека сводится здесь не к господству над отдельным представлением, а к власти над чередой представлений при помощи «сверхзадачи». Человек способен заменить одно «видение» другим, но затем само видение диктует ему переживание, эмоцию, господствуя теперь уже над ним.

Так как наука дает человеку знание тех сил, которыми он может управлять или достигать своей цели, опираясь на них, то можно сказать, что выразительное чтение в части опоры на само представление не стало еще наукой, преподавание его в этом отношении находится еще на донаучном уровне.

Но возможно ли вообще с помощью воли управлять эмоциональной силой не внутри ряда «видений», а в отдельном представлении? В этой статье мы ставим цель – найти сущностную сторону, или важнейшее свойство отдельного «видения», которое позволит понять, ясно осознать его действительную роль в выразительном чтении, создании художественных эмоций. Методические задачи, поставленные в ней: выработка общих приемов пользования «видением» при обучении навыкам выразительного чтения художественных произведений, в основе которых лежат важнейшие эстетические категории.

Часть материала мы даем в популярной форме, доступной даже младшим школьникам. Популярность здесь – обыденные знания, «здравый смысл», или жизненный опыт, который послужит первичным средством объяснения и обеспечит привлекательность материала. Его содержание может быть использовано на практике учителями, студентами для разъяснения приемов выразительного чтения школьникам.

Популярность изложения поможет людям других профессий, далеким от проблем методики выразительного чтения, тем, кто под чьим-то руководством либо самостоятельно интересуется выразительностью речи вследствие тяготения к литературе, доставляющей им глубокое наслаждение и дающей массу образов для духовного обогащения – постижения высших социальных чувств, потребности развития собственного творческого воображения, способного косвенно помочь в их профессиональной деятельности, овладении эмоциональной стороной мысли, без чего ее содержание, как известно, будет неполным, бедным, следовательно, неточным. Последнее очень важно для деятельности в судах, области политики, сфере экономики, науки, образования и

управления. Поэтому статья предназначена широкому кругу читателей: преподавателям вузов, ведущим систематический курс выразительного чтения, учителям школ, студентам, школьникам, их родителям и всем интересующимся проблемой выразительности речи.

Материал изложен так, чтобы вовлечь обучаемых в творческое решение проблемы «в́идения»: мы раскрываем ее совместно с присутствующими в аудитории, пригласив их к совместному поиску ответов на трудный, но интересный вопрос. Поэтому значительное место отведено беседе.

Для ведущих занятие дан материал научного характера. При обучении детей младшего и среднего школьного возраста эта часть из-за ее недоступности, естественно, должна быть опущена.

Сначала в форме беседы поставим проблему.

– Количество часов, выделяемых на обучение выразительному чтению в педагогических вузах, ни в какое сравнение не идет со временем, затрачиваемым на это в театральных вузах. Конечно, в театральных вузах осваивается не только выразительность речи, но все же обучение ему занимает громадную часть из многих лет, выделенных на подготовку специалиста. Для будущих же педагогов – это всего лишь эпизод. Поэтому механическое копирование чужих образцов чтения или собственное наитие часто заменяет у них настоящие умения и навыки.

Проблема с особой остротой встает во время работы в школе, где необходимо обучить выразительности речи множество детей за очень короткий срок. Можно ли в условиях кричащего дефицита времени быстро научиться самому и научить других выразительному чтению? Вопрос кажется вообще неразрешимым, т. к. существующая методика содержит множество сложнейших приемов. Однако решение значительной части этого острого вопроса содержится в верном понимании «в́идения».

Первым приближением к ответу станет более точная постановка вопроса, включающая известные и неизвестные величины. Вот ее содержание.

– Мы часто встречаем такое явление: люди, которых специально обучают выразительному чтению, школьники, читают не выразительно, те же, кого специально этому не обучали, рассказывают очень ярко, эмоционально, «заражая», увлекая своим повествованием. Многие из вас сталкивались с такими случаями. Как вы думаете, кто эти люди?

Если ответа не последует, то наводящими вопросами подвести аудиторию к мысли, что по возрасту это дошкольники.

– Вот так! Этих малышей не обучали выразительному чтению, а они говорят более выразительно, чем специально обученные дети. Не парадокс ли это?

Но есть еще одна возрастная категория, которая так же ярко, эмоционально заразительно повествует о каких-то случаях в жизни. Каков возраст этих людей, к какому полу они принадлежат?

Как правило, обучаемые дают верный ответ: это люди старшего поколения, в подавляющем числе случаев – женщины.

– Что общего между детьми и многими женщинами старшего поколения?

Аудитория находит ответ: общим является эмоциональность этих типов людей.

– Значит ли это, что если ты не принадлежишь к дошкольникам или женщинам старшего поколения, то не можешь из-за «уже» или «еще» отсутствия природной особенности, повышенной эмоциональности, научиться выразительному чтению? А дефицит времени не позволит освоить в школе или педагогическом вузе множество его специальных приемов? Отсутствие природной эмоциональности можно частично компенсировать посредством волевой установки, которую мы должны давать себе: «волнуйся», «переживай, когда читаешь и говоришь!» Этот прием важен, но он относится также более к «искусству», наитию, чем к обучению, опирающемуся на сознание, способному ясно и четко указать, как пользоваться, управлять эмоциональностью через отдельное «видение».

Но обращающий на себя внимание тип людей, эмоциональных вследствие природных особенностей, дает и более полный ответ на вопрос о действительном свойстве «видения». Заметьте, человек, удивительно ярко рассказывавший о примечательном житейском происшествии, в момент повествования приобретает как бы «отсутствующий» взгляд. О чем это свидетельствует? В эмоциональной, выразительной речи важнейшее свойство «видения» – это описание предметов, явлений, которые извлекает из памяти человек и как бы «ставит» перед своими глазами.

Лучше сказать так: главное свойство «видения», важное для достижения выразительности речи, – «привязка» взгляда человека в его представлении, картине, к предмету. Эта «привязка» не является неподвижной, напротив, она «движется» по предмету или процессу, т. е. взаимодействию вещей. Такое перемещение взгляда, словно лучом лазера, уже задает эмоции. Эмоции будут различными в зависимости от различных вещей. Ведь для человека разные предметы имеют неодинаковое значение.

Известно, что предметы, способные удовлетворить потребность, являются определенной потребностью – «мотивацией» [5, с. 22]. Эмоции, согласно информационной теории П.Симонова, могут быть вызваны степенью сведений о возможных путях удовлетворения возникшей потребности [4, с. 37]. Например, недостаток информации о средствах, возможности удовлетворения потребности есть способ, который может вызвать страх или даже ужас, т. е. отрицательные эмоции, а осознание мотивации, или способности вещи удовлетворить потребность, – это «...механизм, генерирующий положительную эмоцию...» [5, с. 34].

Проиллюстрируем мысль о разных предметах, несущих различные эмоциональные значения. Вспомним в этой связи одну старую восточную притчу. По дороге, держась за веревку, шли друг за другом трое слепых, а шедший во главе зрячий человек говорил им о том, что попадалось по пути. Рядом оказался слон. Слепые люди не знали и не встречали ранее слона, и поводырь начал его им «показывать». Каждый из слепых ощупал то, что вдруг оказалось ему доступно. Один ощупал хобот, другой – живот, а третий – хвост добродушного животного. Слепые поделились своими образами слона. «Слон – это огромная толстая змея», – сказал первый. «Что ты! – возразил ему второй. – Слон – это большущий кожаный мешок!» – «Вы оба заблуждаетесь, – поспешил третий, – слон – это грубая лохматая веревка...» Зрячий подумал, что все они правы.

Как отреагировали бы дети, если бы вдруг им предложили, завязав глаза, побывать на месте этих слепых? Тот, который ощупал огромный живот и «понял», что перед ним очень большой кожаный мешок, скорее всего, как это присуще людям в детстве, неизменно восхитился бы – все большое и неопасное вызывает у малышей такую реакцию. Тот, который обнаружил вместо хвоста грубую лохматую веревку, реагировал бы ярко эмоционально, но трудно сказать, с каким оттенком. Возможно, положительным, если бы это был мальчик определенного воспитания, возможно, отрицательным, если это – девочка. Но определенно можно сказать только одно: это не была бы эмоция страха. А вот тот, который «обнаружил» вместо хобота огромную толстую змею, наверняка испытал бы сильнейший испуг – эмоцию отрицательную. Эти отличающиеся между собой реакции возникают потому, что воображение нарисовало различные предметы – «представления», способные удовлетворить их потребности или, наоборот, стать препятствием для ее удовлетворения, как хобот слона, ошибочно принятый за огромную змею, для потребности самосохранения. Итак, разные предметы в реальной жизни для человека имеют разное значение. И неважно, это вещи, предметы или – их образы, поступающие извне или изнутри. Эмоциональная реакция «может возникнуть как при поступлении информации из внешней среды, так и при извлечении следов ранее полученных впечатлений из памяти» [5, с. 76].

Но почему часто не в реальной жизни, вещественном бытовании этих предметов, а в представлении их, воображении, в одном случае – у дошкольников – рождаются связанные с предметами эмоции, а в другом – у школьников – нет?

Для ответа на этот вопрос внимательно всмотримся в приведенный пример со слонем. Представления и эмоции здесь возникали путем «ощупывания», поэтапного исследования. Следовательно, чтобы возникли какие-либо эмоции у всякого человека, требуется его поставить перед необходимостью «исследовать» эту вещь.

Это можно сделать не только «ощупыванием», как это делали слепые, но и «осмотром», применяя инструмент «видения», представления.

Дети дошкольного возраста проводят основное время в играх. Они мало отделяют мир игры, условной реальности, от мира действительно реального. В игре задействованы не только игрушки, но и представления. Хотя игрушки – это в значительной степени те же желанные детям представления, только уже воплощенные взрослыми либо самими детьми в куклах, пластмассовых или тряпичных, паровозиках и коробочках. Возрастная особенность мышления этих малышей – слабая граница между действительными и воображаемыми вещами – приводит к тому, что представления о предметах вызывают у них такую же реакцию эмоционального напряжения, как от натуральных вещей, вернее, близкую к этой реакции.

В школе у детей происходит разделение впечатлений на действительные и книжные. Укажем наиболее вероятную причину этого. Сейчас известно, что за произвольную память отвечает правое полушарие, за произвольную – левое [3, с. 411]. Дети до школы, до систематического обучения, осваивают мир, пользуясь произвольной памятью. Школа, целенаправленное обучение, на передний план выдвигает произвольную память, специальные ее приемы, в том числе опору на сознание, т. е. вербальность, вторую сигнальную систему. Следовательно, у школьников работает преимущественно левое полушарие, у дошкольников – правое.

В этом различии лежит ответ на вопрос: почему дошкольники более выразительно рассказывают, чем школьники говорят и читают. Используемое правое полушарие отвечает за «... произвольные и неосознаваемые формы ... психической деятельности» [3, с. 417]. Оно «оперирует чувственно непосредственными образами...» [5, с. 107], а конкретные чувственные образы по сравнению с отвлеченными понятиями имеют, как указывал еще И. Павлов, большую эмоциональность. Именно опора на произвольное запоминание, работу правого полушария, восприятие непосредственных чувственных образов определяет повышенную эмоциональность дошкольников. (Согласитесь, есть различие между восприятием конкретной змеи под ногами или даже на соответствующей картине, или в воображении, и посредством слова «змея», если только восприятие этого слова специально не организовано через особые приемы в тексте, например, эпитеты, ритм и т. д.?) Если это не всегда – точность, то, несомненно, – яркость в выразительности речи.

Как это знание может послужить нам в достижении высокой эмоциональности речи? Необходимо убрать с помощью своего сознания опосредование, т. е. отодвинуть словесную форму на второй план, по крайней мере, на какое-то время. Восприятие мира должно стать непосредственным, «детским», свежим. Для этого мы и предлагаем ввести в «видение» обязательный прием «скольжения взглядом по предмету». Неподвижное «видение» – наполним движением. Оно

позволит нам пережить, представить предмет так, как впервые воспринимает ребенок многие вещи в жизни – эмоционально напряженно.

Опишем приемы для выработки «скольжения взглядом по предмету» во время его «взидения». Например, упражнение под названием «Гора и камешек». На доске рисуем мелом гору в виде равнобедренного треугольника, рядом – очень маленький камень. Аудитории предлагаем привязать взгляд к левой стороне подошвы горы, основанию треугольника.

– «Привязали»? А теперь надо будет сказать: «Я шла по дороге и увидела большую гору». (Мальчики, мужчины, естественно, говорят: «Я шел по дороге и увидел большую гору».) При этом надо скользить взглядом по одной стороне горы, затем – по другой.

После этого ведущий урок или занятие произносит это предложение, но в быстром темпе. Аудитория реагирует на результат быстрого чтения смехом. Затем преподаватель спрашивает:

– Правильно я сказал? Получилась большая «гора»?

– Нет! Она у вас – маленькая! – обычно, продолжая смеяться, говорят и дети, и взрослые.

Комический эффект снимает напряжение, а преподаватель, сумевший вызвать смех у аудитории, обретает в своем лице свойства сильной мотивации, когда предлагает продолжить работу. Оживленные слушатели активно и массово начнут выполнять задания.

– В чем же была ошибка? Предложение было произнесено быстро, поэтому «гора» получилась не большой, а маленькой. Правильно же говорить необходимо так, чтобы большой предмет с помощью голоса был изображен большим, а небольшой – маленьким. Для этого ваш взгляд пусть скользит по предмету. Вы его обрисуете взглядом.

– Как же правильно сказать? Давайте попробуем еще раз! Я смотрю на «большую гору», – пытаюсь ее запомнить. Закрываю глаза, вспоминаю предмет.

Ведущий говорит без эмоций, например, часть предложения «Я шел по дороге и увидел...», затем со слова «большую» речь его становится зависимой от скольжения взглядом по левой стороне большой горы. Завершающее слово «гору» также попадает в зависимость от скольжения по правой стороне.

Вслед за этим упражнение повторяют учащиеся. Ведущий занятие исправляет ошибки. Самое грубое нарушение, которое встречается, такое: обучаемые не привязывают взгляд к подошве и не скользят по горе. Эти «начинающие художники» рисуют голосом не высокую гору, а «сопку».

Кроме того, есть еще одна типичная ошибка: привязка взгляда осуществляется, и она сопровождается в слове «большую» первые два слога, а перед последним обучаемые о ней забывают. Гора получается «со срезанной вершиной».

Подобная ошибка встречается, когда взгляд «ведет» фразу «и увидел большую», но перед словом «гору» исчезает. Изображенная вершина выходит перед нашими глазами «с обрывом», со срезанной правой стороной равнобедренного треугольника, т. е. в виде прямоугольного треугольника.

Озвучивание этих «картин» преподавателем обычно также вызывает смех учащихся, что по-прежнему хорошо помогает обучению. Однако ведущий занятие эти объяснения должен использовать не только для поддержания искусственно созданной мотивации, связанной с его личностью, но и для того, чтобы показать важнейшее следствие сопровождения соответствующих слов привязкой взгляда к очертаниям предмета:

– Следствие таково, что мы, изображая «большую гору», начинаем растягивать гласные. Получается так: «Ба – а – аль – шу – у – у – у – йу – у – у го – о – о – рру – у – у – у». Запомните: гласные – наши «линии», наши средства «рисунка». Растягиванием гласных, увеличением их количества мы рисуем в речи большие предметы.

Отсюда вытекает общее правило, которое необходимо запомнить для всех случаев, а не только для этого: большое изображается большим, маленькое – маленьким.

Вторую часть правила подтвердит работа над зарисовкой голосом «маленького камня». Для этого используем предложение: «Я шел по дороге и увидел камешек». Привязка взгляда к очертанию камня и быстрое скольжение по нему обеспечат необходимый результат.

Работа проводится по тем же этапам, что и при изображении голосом «большой горы». Только сначала вместо быстрого мы совершаем медленное скольжение взглядом, получая в итоге «громдный камень» или даже «скалу» вместо картины «камешка». Рожденная таким образом смеховая мотивация позволит возобновить внимание учащихся.

Так как «маленькое» передавать голосом не так просто, то для чистоты изображения требовалось бы подкрепить его дополнительным приемом. Однако из-за недостатка места мы скажем об этом в другой раз.

Для разнообразия во время повторной работы, при формировании навыка, можно предложить обучаемым упражнение под названием «Лев и мышка». Для этого на доске будет изображена огромная раскрытая «пасть льва с клыками», а рядом – «мышка». Предложение для первой картинки: «Пробираясь по зарослям густого леса, я услышал рык льва!» Для второй: «В поле мы увидели маленькую мышку!»

Это и предыдущее упражнения являются базовыми для усвоения умений и навыков выразительного чтения, являющихся общими для многих образов, в основе которых – важнейшие эстетические категории. «Гора» и «лев», например, модель для категорий «величественного», «героического», «трагического» и «ужасного», «камешек» и «мышка» – «низменного», «милого», «комического» (последнее всегда содержит оттенок мелкого, «низменного») и т. д.

Дальнейшую работу над навыком выразительного чтения посредством подвижного «видения» можно проводить уже непосредственно на литературных текстах: стихотворениях, прозаических или драматических отрывках героического или комического характера, соответствующим возрасту и программе обучения.

Наш многолетний опыт показывает, что подвижное «видение» в сочетании с некоторыми другими приемами позволяет преодолеть дефицит времени, который возникает, если следовать старой и громоздкой методике – огромному числу способов выразительного чтения. Конечно, мы не получим всего богатства яркой эмоциональной речи, но зато обретем самое важное – ее основу, опираясь на которую, можно вести работу по дальнейшему ее совершенствованию.

Литература

1. **Журавлев Д.** Уже будучи актером театра // Об искусстве чтеца: Сб. ст. – М., 1960. 2. **Зоценко М.** Перед восходом солнца // Зоценко М. Письма к писателю. Возвращенная молодость. Перед восходом солнца: Повести / Сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского. – М., 1989. 3. **Лурия А., Симерницкая Э.** О функциональном взаимодействии полушарий головного мозга в организации вербально-мнестических функций // Физиология человека. – 1975. – Т. 1. – № 3. 4. **Симонов П.** Что такое эмоция? – М., 1966. 5. **Симонов П.** Эмоциональный мозг. – М., 1981. 6. **Цит. по:** Майман Р., Дмитриева Е., Найденов Б. Выразительное чтение. Практикум. – М., 1980. 7. **Станиславский К.** Работа актера над собой. Дневник ученика. – М., 1951.

ЧИТАЙТЕ И ГОВОРИТЕ ЯРКО – ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ПОДВИЖНЫМ «ВИДЕНИЕМ» (к проблеме методики быстрого обучения выразительному чтению)

В статье изложен способ быстрого обучения выразительному чтению на основе методики использования подвижного «видения», в том числе при освоении основных эстетических категорий.

Ключевые слова: методика выразительного чтения, подвижное «видение».

**ЧИТАЙТЕ Й РОЗМОВЛЯЙТЕ ЯСКРАВО –
КОРИСТУЙТЕСЯ РУХОМИМ «БАЧЕННЯМ»**
(до проблеми методики швидкого навчання
виразного читання)

У статті викладено спосіб швидкого навчання виразного читання на основі методики використання рухомого «бачення», зокрема при освоєнні основних естетичних категорій.

Ключові слова: методика виразного читання, рухоме «бачення».

**READ AND SPEAK EXPRESSIVELY –
USE MOBILE «VISION»**

The article states a way of a quick teaching to read on the basis of the strategy of using mobile «vision», including the familiarization with the basic aesthetic categories.

Key words: methods of reciting, mobile «vision».

УДК 821. 161.1 – 1. 09 + 929 (Окуджава + Галич + Высоцкий)

В.И. Бахмач

**ВЕРБАЛЬНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ОБРАЗА
ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ СТИХОПЕСНЕ
(Б. ОКУДЖАВА, А. ГАЛИЧ, В. ВЫСОЦКИЙ)**

Русская авторская песня (или стихопесня) начала слагаться с конца 50-х годов XX века как многогранное социокультурное явление, вызванное спонтанным желанием масс творить вне официального искусства, которое подчинялось цензуре и навязываемой идеологической установке. Это было естественное желание рассказать «о времени и о себе». Пусть бесхитростно, пусть наивно, пусть даже не всегда высокохудожественно, но *барды* (так довольно скоро стали называть поющих поэтов) пели о себе и о своих проблемах, поскольку официально существующее искусство не освещало их. Со временем сложился фундамент, на котором быстро обосновалась неподцензурная, не признаваемая официальной критикой авторская песня – единство слова, напева и исполнительства. Никто тогда не предполагал, что в скором будущем стихопесня как одна их коммуникативных форм не только займет достойное место в истории культуры, но и окажет огромное влияние на поэзию, а также эстрадную, камерную и рок-песню в целом. Явились новые властители дум, о которых в начале XXI века известный

исследователь творчества бардов и составитель сборников поющих поэтов сказал: «Ныне они служат эталоном музыкально-поэтической эстетики бардовского движения. Принято считать, что их восемь: Михаил Анчаров, Юрий Визбор, Владимир Высоцкий, Александр Галич, Александр Городницкий, Юлий Ким, Новелла Матвеева и Булат Окуджава. <...> Все они принадлежат к первому поколению бардов – бардов-шестидесятников, и каждый из них по-своему первый» [1, с. 8].

Относительная свобода существования авторской песни (ее никто официально не запрещал, но никто и не популяризировал) позволила ей не только быть своеобразной альтернативой магистральной литературе, но и смело возродить традиции, не принятые или избегаемые официальным искусством. Среди них оказались и те, которые некогда освоила литература конца XIX – начала XX столетий, ибо она обнаружила смелое смешение течений, направлений и стилей, широкое обращение к национальному фольклору, а также следование значительным открытиям европейской литературы. К сожалению, после Октябрьской революции 1917 года традиции Серебряного века были позабыты и оставлены до лучших времен. Падение тоталитарного режима в 50-х годах привело к возрождению духовности и активному обращению к позабытым ценностям. И здесь именно авторская песня оказалась в авангарде. В целом считаем, что определение *стихопесня* больше отвечает природе классической авторской песни, так как подчеркивает в ней приоритет слова над напевом и не позволяет смешивать с эстрадной песней, в которой текст зачастую вторичен.

Обратимся к краткой истории темы Прекрасной Дамы в литературе и рассмотрим поэзию Окуджавы, Галича и Высоцкого сквозь призму отражения в ней женского образа. Выясним особенности его воплощения в поющемся слове как своеобразном продолжении сложившихся европейских традиций.

Впервые образ Прекрасной Дамы возник в куртуазной лирике Средневековья XI – XIII вв., когда ростки светской культуры сформировали некий морально-эстетический идеал, вызванный интересом к проблемам чувства и интимным вопросам личности. Под воздействием светских установок возникла придворная культура, где наряду с культом доблести и верного служения сюзерену господствовало поклонение женщине, берущее свое начало от экстатичного обожания Богородицы и расчетливого преклонения перед женой своего господина. Соединение заоблачного и земного позволяло поэтизировать сердечные переживания, делать их достоянием многих. Среди французских и немецких рыцарей, придворной челяди, а также школяров-латинистов появились поэты, которые прославляли личный свободный выбор и служение даме, создавая художественную теорию любви, где неизменными героями были робкий влюбленный, ревнивый муж либо злой враг и чаще всего идеализированная избранница. В целом любовная поэзия трубадуров, труверов, миннезингеров и вагантов представляла

несомненный шаг в плане реабилитации чувств и попыток психологического анализа, хотя в малой мере отражала истинные любовные отношения. Речь шла всего лишь о сердечном этикете. Однако выдвигаемый поэтами эстетический идеал, разнообразие жанров и затейливость форм, утонченность и напевность их исполнения были весьма плодотворными для дальнейшего развития европейской поэзии.

Впоследствии сицилийская школа поэтов и школа «сладостного нового стиля» в Италии XIII века деятельно продолжили традицию предшественников, заменив «служение» даме «поклонением» реальной женщине, что нашло наивысшее выражение в творчестве Данте Алигьери и Франческо Петрарки. Образы идеальных возлюбленных Беатриче и Лауры хотя и носили свято-земной характер, но были наполнены живостью и торжеством сокровенных чувств их создателей. Так реабилитация человеческих эмоций, а не религиозного экстаза навсегда определила развитие темы Прекрасной Дамы в европейской поэзии. Не обошла она стороной и русскую лирику Серебряного века.

В творчестве И. Анненского, А. Вертинского, А. Блока и других представителей эпохи мы не раз встречаем отклик на вечную тему, где Любовь превращается в своеобразную религию, а земные чувства переводятся в идеально-мистический план или отождествляются с масштабами мироздания. Достаточно рассмотреть в качестве иллюстрации шедевр Иннокентия Анненского «Среди миров»:

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело, –
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света [2, с. 122].

Стихотворение строится в лучших традициях «вежественной» (куртуазной) литературы. Характерно написание с большой буквы производных от местоимения «она» как выражение почтения и благоговения перед дамой. Имя Ее не разглашается, что также соответствует средневековой традиции. Отсутствие портретных деталей и каких-либо реальных черт предмета влечения подменяется указанием на его небесное обитание («звезды я повторяю имя»). Следуя традиции, лирический герой произведения открыто не выказывает сердечной привязанности, а через контрасты («томлюсь с другими») подводит к этому единственному выводу своего читателя. Истинная ценность и значение Ее становятся ясными из второй строфы. Здесь следует признание в том, что когда «сомненье тяжело», герой лишь «у Нее одной» молит ответа. Акт моления как страдания и надежды также свойственен этикету рейтарского служения-поклонения и не

противоречит заключительному апофеозу той, с кем «не надо света», ибо она – «звезда». В целом стихотворение И. Анненского овеяно духом высокого поклонения и изысканно по своей форме. Оно не только опирается на европейскую традицию, но и по-своему развивает ее, гармонично уравнивая два мира: его и Ее. Здесь нет иллюзорного обмана, элементов показной красоты и спешных заверений в чувствах. Есть лишь высокий и торжественный тон, рождаемый одиноким сердцем, ищущим свою опору в жизни. На слова стихотворения была написана музыка Александром Вертинским (по сути, родоначальником авторской песни), в исполнении которого оно с 1910-х годов приобрело популярность.

Кстати, в поэзии самого Вертинского можно наблюдать немало усилий в создании образа Прекрасной Дамы своего времени, в которой бы соединились черты прошлого и настоящего:

Я люблю Ваши пальцы старинные
Католических строгих мадонн,
Ваши волосы сказочно-длинные
И надменно-ленивый поклон.

(«Сероглазочка»)

Здесь явно чувствуется переключка со средневековой традицией, где дама уравнивается с мадонной, хотя наряду с этим прослеживается стремление воссоздать ее портретные черты:

А крылатые брови? А лоб Беатриче?
А весна в повороте лица?
О, как трудно любить в этом мире приличий,
О, как больно любить без конца!

(«Пани Ирена»)

Поэт откровенно признается, что свой эталон он черпал в творениях Данте. Однако в отличие от предшественника он констатирует, что его дамы – зачастую плод художественного вымысла:

Мне не нужна женщина. Мне нужна лишь тема,
Чтобы в сердце вспыхнувшем зазвучал напев.
Я могу из падали создавать поэмы,
Я люблю из горничных – делать королев.

(«Полукровка»)¹

Примечательно, что женские образы у Вертинского, с одной стороны, заземлены, а с другой – наполнены отсветом неземного, высокого, хотя поэт не скрывает, из какого сора способен творить мечту («нужна лишь тема»). Опыт великого Пьеро XX века впоследствии будет спонтанно продолжен классиками авторской песни.

Если говорить о поэзии Серебряного века в целом, то более всего средневековая традиция получила воплощение в лирической поэзии А. Блока. Его ранняя лирика вызвала к жизни образ Той, что явилась ему в окружении божественных святынь, колокольных переливов и ангельских хоров. Из стихотворения в стихотворение Вечная Жена,

Закатная Таинственная Дева и Хранительница долгожданным расплывчатым видением осияла и освящала смысл жизни, наполняя суетность мирских дел поэта непорочностью и светом. Самозабвенно и упоенно, а не по долгу горемычного рыцаря-вассала посвятил он этой теме 687 стихотворений в течение шести лет (с 1898 по 1904 год). Щедрые цветовые, звуковые и словесные гаммы были призваны создать храм Недостижимой, о которой Корней Чуковский восторженно заметит: «Ее образ вечно зыблется, клубится, двоится, на каждой странице иной: не то она звезда, не то женщина, не то икона, не то скала, озаренная солнцем» [3, с. 509]. И в этом нетрудно убедиться:

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.
(«Servus-reginae»)

Устал звучать, смолкает звездный хор.
Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе – спасенье!
(«Ищу спасенья»)

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоенье мечту обниму.

(«Ты горишь над высокой горою...»)²

Так Блоком были сотворены строки поэтической молитвы, произнесенные во славу той, что сулила своим приходом неземную благодать, заставляя забывать о земном. Это был порыв восторженного разума, готового добровольно, а не в угоду некой даме своего господина жить в иных измерениях, мечтать «о далеком с непонятной печалью» и платонически верно служить своему идеалу. Однако К. Чуковский, говоря о первой книге Блока, не скрывал иронии, что можно литературоведчески «прозорливо» причислить поэта к какой-нибудь поэтической школе (например, иенских романтиков) и тем самым убить в нем (вернее, в восприятии строк читателем) неповторимость и очарование: «Разве мы не стремимся увидеть в нем именно то, чего никто, кроме него, не имеет, то редкостное и странное нечто, которое носит наивное, всеми забытое, конфузное, скомпрометированное имя: душа» [3, с. 524]. Таким образом, Корней Иванович подавал будущим исследователям пример, как нужно обращаться с бесценной поэзией и ее создателем. Бесспорно, А. Блок следовал европейской традиции, но не с целью продолжить ряд рыцарского служения, а совершенно спонтанно и естественно, ибо другое самовыражение чувств на тот момент просто не

могло бы стать его душевным слепком. Скорей всего, то же самое случилось и с «поющими поэтами», когда настала пора вернуть женщине ее культовый статус, растроченный за годы революций, строительства нового общества, гражданской и мировых войн.

Одним из первых среди исполняющих свои стихи под собственный аккомпанемент стал Булат Окуджава. Именно он сумел создать гимн Женщине, отвыкшей за минувшие после Серебряного века годы от сердечных признаний и почитаний. Это была совсем другая «богиня» (начинавшаяся, как ни странно, с «комсомольской»)³, но все равно светлая и органически восходящая к тем, о которых некогда пели шевалье. Интимные интонации, задушевность, аристократизм, благородство лирических героев «песенок» Булата Шалвовича «О синих маяках», «Песенки о московском муравье», «Ваше величество женщина» и других контрастировали с женскими образами официального искусства. Музыкальной опорой для поющего поэта были традиции романса, однако без показных страстей и мучительных мелодрам. Тема Прекрасной Дамы решалась по-новому: она строилась на узнаваемых, но не банальных приметах и создавалась высоким, но не идиллическим строем:

Мы земных земней.
И вовсе
к черту сказки о богах!
Просто мы на крыльях носим
то, что носят на руках.

Просто нужно очень верить
этим синим маякам,
И тогда неожиданный берег
из тумана выйдет к вам [4, с. 20].

Более всего поражала легкость перехода от интимного «я» к не менее, как оказалось, лирическому «мы». Сочетание «прозы» («к черту сказки о богах!») и «высокой поэзии» («Просто мы на крыльях носим то, что носят на руках»; «нежданный берег из тумана выйдет к вам») являли собой духовную переключку с образцами и канонами Средневековья и Серебряного века, подтверждая жизненность и необходимость романтики во все времена. В стихопеснях Окуджавы не было пафоса и напыщенности далеких эпох, но они генетически относились к этому роду искусства, хотя и подтверждали, что «у каждой эпохи свои подрастают леса» [4, с. 121]. Лирическому герою «поющего поэта» уже не требовались иллюзии, навеянные «терпким вином» герою блоковской «Незнакомки». Его мир лежал вдали от храмов и ресторанов. Но манящий берег у них был неделимым – «очи синие бездонные» и «синие маяки». Вечная Женственность, о которой грезил символист, стала реалией для барда. Сакрально-мистический туман развеялся, но тайна от этого не исчезла. Драматический внутренний мир героя второй половины

XX века по-прежнему тяготел к поиску утонченной женственности. Это проявлялось в неизбежной вере в высокие достоинства «богини» с обветренными руками, в легком пальтишке и в стареньких туфельках. Поражала убежденность в земном происхождении избранницы («А она на нашей улице живет» [5, с. 91]) и ее небесной, вневременной миссии:

Кто вы такая? Откуда вы?!

Ах, я смешной человек...

Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век [4, с. 52].

Смысловая глубина, многозначность, философская обобщенность строк напоминали, что текучесть жизни не имеет пределов и строгих рамок. Утверждалась извечная готовность к встрече с той, что призвана спасти и украсить собой мир. А сам поэт возвышался уже тем, что, во-первых, отдавал женщине ее предназначение, а во-вторых, возвращал мужчине его веру.

Слушая произведения Булата Окуджавы, современники понимали, что в жизни есть место не только подвигу (это доказала минувшая война), но и большой негромкой любви. Испытавшим лихолетье явно не хватало тепла и веры. А так как вера церковная и вера в вождей отошли на задний план, то Окуджава провозгласил Новый Завет, по которому «простому муравью» (т. е. каждому смертному) необходимо «создать» себе служение, где властвует культ «богини» «по образу и духу своему» [4, с. 45]. Все оказалось предельно просто: красота и гармония любви вечны, нужно лишь их разглядеть в буднях и стать солдатом необычных мирных войск:

О великая вечная армия,
где не властны слова и рубли,
где все – рядовые: ведь маршалов нет у любви!
Пусть поход никогда ваш не кончится [4, с. 34].

Провозглашение почитания чувств и его носителей было услышано и подхвачено. В те же годы тема Прекрасной Дамы была продолжена признанным представителем авторской песни Александром Галичем. В отличие от лирической камерности Булата Шалвовича стихопесни Александра Аркадьевича были основаны на смелой публицистичности. В своем творчестве он следовал гуманистическим традициям русской литературы, среди которых – способность к сопереживанию и постоянное ощущение горечи от унижений находящихся в мире несправедливости. Его героини не заоблачные странницы, заблудившиеся в веках, а живущие сегодняшними проблемами современницы-печальницы, о которых известный историк литературы Леонид Генрихович Фризман сказал: «Они сильные, честные, гордые, сохранившие душевную чистоту в мире лжи и несправедливости» [6, с. 109]. Такие, подобно Лауренсии из драмы Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна», внушают своим мужчинам чувство

достоинства и чести. Об этом в «Песне о Прекрасной Даме» говорится так:

Не дарило нас время сладостью,
Раздавало горстями горькость,
Но великою вашей слабостью
Вы не жизнь нам спасли, а гордость!
Вам сторицей не будет воздано,
И пройдем мы по веку розно.
Ничего, что родились поздно вы, –
Воевать никогда не поздно! [7, с. 32]

Речь идет не о военной поре. Просто поэт верит, что только наделенные «великой слабостью» Прекрасные Дамы – соль родной земли, ибо они, когда бы ни родились, неизменно следуют за своими избранниками и не отворачиваются от любой беды. Если Окуджава наделял признаками «богинь» каждую, то Галич короновал далеко не всех. Он не скрывал, что суровые вихри жизни беспощадно вторгаются в женские судьбы, одних превращая в «бабье», а других так и не сумев одолеть. Об этом пропето в «Леночке», «Городском романсе», «Веселом разговоре», «Песне-балладе про генеральскую дочь» и других стихопеснях, но наиболее характерной представляется «Баллада о том, как одна принцесса раз в два месяца приходила поужинать в ресторан “Динамо”».

Автор предварял произведение эпиграфом из «Незнакомки» Александра Блока: «И медленно, пройдя меж пьяными, Всегда без спутников, одна...» Таким образом, он погружал слушателя-читателя в общекультурную память и формировал определенные ассоциативные механизмы, вводящие поэтическую культуру Серебряного века в контекст 60-х годов. Здесь эпиграф «помогал» расширить диапазон переживаний и углубить мысль. Поэт делился драматической историей о том, как некая дама приходила раз в два месяца в ресторан «Динамо», чтобы целый вечер в одиночестве есть бефстроганов и пить глоточками ситро с гордой осанкой «леди Гамильтон». Ее триумф состоял в том, что среди жующей и пьющей «благополучнейшей шушеры» она выглядела «дочкой короля». Как и блоковская незнакомка, лирическая героиня разительно отличалась от тех, кто привычно «насеял» ресторан. Об этом свидетельствует реакция завсегдатаев:

И все бухие пролетарии,
Все тунеядцы и жулье,
Как на комету в планетарии,
Глядели, суки, на нее... [7, с. 170]

Поэтом подбираются образы и выражения, вплоть до бранных, которые призваны передать непростые ощущения героини. Воссоздаваемую картину дополняют фигуры виртуоза трубача, прозванного незнакомку «принцессой с Нижней Масловки», жующе-пляшущего «бабья» и официанта-«шестерки». Не скрывается, что им

действует на нервы ее манера пить глоточками ситро, а не «рубать», как все, «водку под супец» и «шампанское под килечки». Их коробит ее «картинная» стать и «кольцо за два с полтиною» на узком пальце. Повидимому, в их глазах она выглядит столь убедительно гордо, что они готовы за это предать ее любой расправе:

Ах, эту б дочку короля
Шарахнуть бы «Авророю»! [7, с. 171]

В отличие от блоковской незнакомки, героиню Галича в ресторане замечают все, но никто даже не пытается понять. И здесь на первый план выходит личность рассказчика. Автор-повествователь представляет собой цельный и законченный образ, занимающий позицию всевидящего соглядатая и оценщика описываемых событий. Скользя от эстрады к столикам, он достоверно передает обстановку и реакцию на событие – явление «принцессы» гуляющему люду. Лишь он один знает, чего стоит неимущей «дочке короля» ее «королевский» ужин. Бедной «Золушке» идти пешком «далеко до Сокольников», так как «ей не хватит на такси!». Выступая в роли очевидца, поэт внушает восхищение перед несдающимся женским совершенством и силой духа:

... Держись, держись, держись, держись,
Крепись и чисти перышки,
Такая жизнь – плохая жизнь –
У современной Золушки!
Не ждет на улице ее
С каретой фея-крестная...
Жует бабье, сопит бабье,
Придумывает грозное!
А ей – не царство на веку –
Посулы да побасенки,
А там – вались по холодку,
Принцесса с Нижней Масловки! [7, с. 171–172]

Для него это не просто видение, как для героя А. Блока, а наделенное поэтическим содержанием реальное прекрасное, которое не способны увидеть оскудевшие в хмельном угаре современники. Увы, «тлетворный дух», о котором писал «младосимволист» в «Незнакомке», по-прежнему продолжал «править» всем... Именно эту линию развил в ранних стихопеснях Владимир Высоцкий. Он был много моложе своих собратьев по гитаре (на 14 лет младше Окуджавы и на 20 – Галича), поэтому смотрел на мир глазами иного поколения. Того, которое животрепещуще воспринимало социальные и духовные катастрофы, царившие в «постоттепельном» обществе. Однако и в его творчестве нашлось место образу Прекрасной Дамы.

Примечательно то, что на первом этапе творчества (1960–1964) Высоцкий обратился к изображению не столько Дамы, сколько антидамы. Пародийно-стилизационное начало ранних (т. наз. «блатных») стихопесен поэта вело к тому, что он «воспевал»/низвергал образ той,

которая далека от идеала, поскольку привыкла пренебрегать своим воздыхателем, готовым ради нее на любой поступок:

На тебя, траву, деньги с неба сыпались –
Крупными купюрами, «займом золотым», –
Но однажды – всыпались, и сколько мы ни рыпались –
Все прошло, исчезло, словно с яблонь белый дым.
(«Красное, зеленое»)

Ты не жди меня – ладно, бог с тобой, –
А что туго мне – ты не грусти.
Только помни – не дай бог тебе со мной
Снова встретиться на пути!
(«Бодайбо»)

Знаешь ты, что я души в тебе не чаю,
Для тебя готов я днем и ночью воровать, –
Но в последнее время что-то замечаю,
Что ты стала мне слишком часто изменять.
(«Что же ты, зараза, бровь себе подбрила...»)⁴

Роковые страсти в произведениях основаны на неверности, легкомысленности, глупости и взбалмошности кратковременных избранниц, в которых герои, тем не менее, больше жизни нуждаются. При этом поэт практически не создает внешность «подруги»/«друга», а скорее передает кипение эмоций, что, впрочем, некогда было одним из свойств куртуазной поэзии. Криминальный рыцарь Владимира Высоцкого готов бросить к ногам возлюбленной все, «завоеванное» им в «походах» иного времени. Одно лишь может его отвернуть от желанной подруги – полное равнодушие с ее стороны (например, «У тебя глаза – как нож»). Таким образом, поэт восстанавливал традицию, о которой Н.И. Копылова сказала так: «Давний традиционно-средневековый мотив подвига во имя женщины в русской поэзии получил выражение в переводных балладах Жуковского, затем был подвергнут отрицанию Лермонтовым (в измененном варианте – как опасном для жизни способе проверки жестокосердной женщиной истинности любви мужчины). В новом качестве мотив риска, как видим, с большим перерывом в литературной традиции возникает, пожалуй, лишь у Высоцкого, во всяком случае, именно у него он звучит так заметно. Риск только для того, чтобы доставить любимой радость тепла, а также испытать радость самому – бессознательную радость любящего, дарящего женщине свое ясное, открытое и заботливое чувство» [8, с. 323–324]. На наш взгляд, в ранних произведениях проявляется все же пародирование любовно-бытовых шаблонов, что наиболее воплотилось в стихопесне «Наводчица», но об этом мы писали ранее⁵. В целом же поэт хотел подчеркнуть, что в современных условиях любовные чувства претерпели

изменения, т. к. мир стал антимиром, но и в нем есть место любви, пусть искаженной, полунизменной, но не менее желанной.

В дальнейшем Высоцкий отойдет от образа антидамы и станет изображать лирических героинь, за которыми герою «не успеть». И, наконец, изобразит дам, обретших ореол святости и чистоты, при которых лирические герои станут верными служителями и рыцарями:

Не сравнил бы я любую с тобой –
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой, –
Как мадонной Рафаэлевой!

(«Дом хрустальный»)

И много будет странствий и скитаний:
Страна Любви – великая страна!
И с рыцарей своих – для испытаний –
Все строже станет спрашивать она:
Потребуется разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна...

(«Баллада о Любви»)

Но именно героини антимира оставят заметный след в авторской песне, поскольку они дополнили сложившуюся в прошлом традицию новым, соответствующим действительности звучанием.

Так что же внесли поющие поэты в образ Прекрасной Дамы? В изображении Б. Окуджавой своей «богини» едва ощутим отголосок средневекового рыцарского обожествления и ангелизации женщины, ее экстатичного отождествления с Богоматерью. Здесь больше превалирует полужызыческий культ дамы эпохи Серебряного века. У поэта «*величество женщина*» призвана направлять свет любви во «тьму» будней. Героини А. Галича уже отнюдь не небесны и не богоподобны. Они – принцессы и золушки – скорее всего, принадлежали миру сказки. Но не волшебной, сулящей чудесный финал выдержавшим испытания, а страшной бытовой, где царит антимир с искаженными формами и моделями поведения. Здесь нет места пониманию, благородству, красоте и правде. Вместо этого – горькие испытания, порочный круг лжи и зла. Но именно в этом антимире «печальницы» А. Галича несут в себе дар любви, боль за всех и скромное благородство души, напоминающее о крестном пути Богоматери. Героини В. Высоцкого явились носительницами искаженного чувства, где наряду с красотой и возвышенностью царят серость и обыденщина. Однако в дальнейшем поэт не скрывал, что все это минует и наступит время Прекрасных Дам.

Три барда, три самопевца сложили гимн Женщине, боготворя ее силу духа и готовность спасти мир, в коммуникативном виде искусства – стихопесне. Но один воспел встречу с видением, другой терзал сердце печалью за неспособность уберечь красоту, а третий противопоставлял призрачной мечте реалии антимира. Однако в целом каждый из поэтов

следовал бессмертным куртуазным традициям, творчески переосмысливая дар бесценного опыта. В дальнейшем это позволило авторской песне стать в авангарде художественного прозрения и внести свою лепту в осмысление вечной темы. Сейчас трудно представить себе литературу 60 – 70-х годов без стихопесни, которая несла сокровенные слова каждому – правдиво и доступно, исповедально и жестко. Тем языком, что в переломные эпохи составлял истинную поэзию!

Литература и примечания

1. **Шипов Р.** Поющие поэты // Бардовские песни. – М., 2006.
2. **Анненский И.** Избранные произведения. – Л., 1988.
3. **Чуковский К.** Собр. соч.: В 6 т. – М., 1969. – Т. 6. Статьи 1906–1968 годов.
4. **Окуджава Б.** Избранное. – Ростов-н/Д., 2000.
5. **Окуджава Б.Ш.** Песни Булата Окуджавы. – М., 1989.
6. **Фризман Л.Г.** С чем рифмуется слово «истина»: О поэзии А. Галича. – СПб., 1992.
7. **Галич А.** Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи. – Екатеринбург, 1998.
8. **Копылова Н.И.** Лирический герой и героини Высоцкого на rendez-vous // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. II. – М., 1998. – С. 321–331.

¹ Все произведения Александра Вертинского даны по кн.: Вертинский А.Н. Дорогой длиною. – М., 1991.

² Все строки А. Блока цитируются по кн.: Блок А. Стихотворения и поэмы. – М., 1978.

³ О феномене оксюморонной «комсомольской богини», которую не следует оценивать по историко-политическим меркам, убедительно рассуждает Владимир Иванович Новиков в статье, посвященной творчеству Б. Окуджавы. См.: Авторская песня. – М., 2002. – С. 30–32.

⁴ Все тексты В. Высоцкого даны по изданию: Высоцкий В. Сочинения: В 2 т. – Т. 1. Песни. – Екатеринбург, 1998.

⁵ См.: Бахмач В.И. Взгляд на «стихопесню» В.С. Высоцкого «Наводчица» // Вісник ЛНПУ. Серія «Філологічні науки». – 2006. – № 5. – С. 122–127.

ВЕРБАЛЬНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ОБРАЗА ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ СТИХОПЕСНЕ (Б. ОКУДЖАВА, А. ГАЛИЧ, В. ВЫСОЦКИЙ)

В статье речь идет об особенностях воплощения темы Прекрасной Дамы в авторской песне Б. Окуджавы, А. Галича, В. Высоцкого, ее перекличке с поэзией Серебряного века.

Ключевые слова: коммуникативный, авторская песня, «стихопесня», Прекрасная Дама, традиция.

**ВЕРБАЛЬНА ПРЕДСТАВЛЕНІСТЬ ОБРАЗУ ПРЕКРАСНОЇ
ДАМИ В КЛАСИЧНІЙ ВІРШОПІСНІ
(Б. ОКУДЖАВА, О. ГАЛИЧ, В. ВИСОЦЬКИЙ)**

У статті йдеться про особливості втілення теми Прекрасної Дами в авторській пісні Б. Окуджави, О. Галича, В. Висоцького, її переклик з поезією Срібного століття.

Ключові слова: комунікативний, авторська пісня, «віршопісня», Прекрасна Дама, традиція.

**VERBAL REPRESENTATION OF THE CHARACTER
CHARMING LADY IN THE CLASSICAL
«STIKHOPESNYA»
(B. OKUDZHAVA, A. GALITCH, V. VYSOTSKIY)**

The article deals with the peculiarities of the topic Charming Lady in the bard song of B. Okudzhava, A. Galitch, V. Vysotskiy and about its intertextual connections with poetry of the Silver age.

Key words: communicative, bard song, «stikhopesnya», Fair Lady, tradition.

УДК 800

А.Б. Бушев
(г. Тверь)

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ДЕБАТЫ В США КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Актуальность изучения предвыборных дебатов в США, как и в целом политической риторики, явственна в связи с институционализацией в нашем обществе публичных дискурсивных практик подобного типа. В целом предвыборная риторика, как и вопросы организации кампаний, финансирования, политической партийной деятельности, лоббизма, продолжает обсуждаться в связи с несовершенством существующих практик. Они привлекают внимание как на государственном, так и на научном и повседневном-социологическом уровне.

Предвыборный дискурс довольно широко изучается социологами, политологами, философами. Поддержка кандидата объясняется «заразительностью» его идеи и его личности. Политик оценивается и по индивидуальным свойствам, и как представитель определенной политической силы (*policy-maker*). Организация социальной реальности, исходя из первично данных, разделяемых всеми «значений», коллективно разделяемый опыт, снимающий субъективность видения и задающий общность восприятия и понимания мира у множества членов социума – интерсубъективность – представляют интерес для исследователей предвыборного дискурса. Нация как дискурсивное образование, ригидность в восприятии других наций и менталитетов, суверенность и самоценность культур и религий, согласие на мирное разногласие, позитивное отношение к межкультурным различиям – актуальные и проблемные в данного рода дискурсе вопросы интерсубъективности и межэтнической и межкультурной коммуникации.

Феноменологическая социология известна в ее оппонировании структурно-функциональной социологии: индивид не является пленником социальной структуры, социальная реальность постоянно воссоздается нами, зависима от нашего сознания и наших интерпретаций. Соответственно в фокус внимания социологии должна попасть человеческая субъективность. Однако взгляд на нее в позиции внешнего наблюдателя как минимум непродуктивен, не позволяет «пробиться» к ее истокам. Следовательно, необходимо погружение в мир, в котором живет человек, т. е. в мир жизни, или жизненный мир. Только в этом случае можно дать адекватное толкование, понять принципы конструирования (конституирования) мира и переистолковать,

т. е. изменить его, что требует выхода на исходные основания всякого возможного опыта – знания и требует, следовательно, освобождения нас от предвзятости видения, налагаемого реальной историей и культурой, в которой мы (некритически) социализированы. Сознание интенционально, оно всегда – о чем-то, оно вплетено в мир. Следовательно, любая адекватная своему предмету социологическая стратегия должна освободиться от предвзятостей видения и обнаружить исходное значимое для всякого субъекта, но независимое от него [1, с. 751].

На уровне политических масс исследовались такие вопросы, как **восприятие себя и других народов, установки, ценности, представления**, существующие в обществе. Представляет интерес формирование восприятия в условиях конфликта. Все многообразие действительности укладывается в рамки **полярных понятий** – «**победа или смерть**», «**свой – чужой**», «**мы – они**», «**хороший – плохой**». Существуют зеркальные образы, приписывающие искажение. R. White пишет о **дьявольском образе врага**.

Все это находит отражение в дискурсе СМИ. Ю.В. Рождественский [2, с. 277] писал о **риторической специфике конструирования социальных представлений в СМИ**: журнальная литература и массовая информация построены на просеивании фактов и ряде уловок, связанных с разрывом отношений («сам дурак», «мы с тобой чужие», конструирование подозрений, игра гиперболы и литоты, «навязанное следствие», «чтение в сердцах» и мн. др.). Эти виды словесности эристичны по природе. **Эристика** хранит в себе пафос убеждения при отсутствии строгих аргументов, тогда как диалектика требует строгой аргументации. Журнальная и массовая информация относятся к видам словесности, где эристика входит в конструкцию текста, являются одновременно по своему складу и ориентирующими для перехода к действию. Поэтому без знания законов построения этих текстов получатель безоружен перед эристикой. Риторическая подготовка заключается в воспитании не только хорошего оратора, но и сознательного слушателя. Широкая аудитория не должна быть лишена возможности оценить спекулятивность применяемых средств.

В предвыборном дискурсе проявляются **особенности политической системы США** – отсутствие единства внутри самих политических партий, отсутствие идеологических партий, двухпартийность, президентская республика, отсутствие четкой партийной иерархии и членства в партии, институт поддержки (в отличие от четко организованных и идеологически ориентированных партий Западной Европы), отсутствие программ (*no formally binding party program*), отсутствие необходимости идентификации с политической партией. Существует мнение, что тождественность политических программ (*overlapping of philosophy and programs*) и отсутствие четкой разницы между ними де и обеспечивают свободу выбора, политическую

стабильность и переход власти от партии к партии и большинству в Конгрессе, заставляет их бороться за большинство (*appeal for the votes*). Политическая система отражается в дискурсе, на ней собственно и основывается такой дискурс. Федерализм, разделение властей, система двух партий, попеременно находящихся у власти и мало отличающихся по идеологическим параметрам, система сдержек и противовесов (*limited government*) заложены еще отцами-основателями.

Обсуждая предвыборные дебаты, невозможно не принимать во внимание **особенности формирования американской нации** – ее молодость («*America is a nation with an abundance of geography but a shortage of history*»), опору на свои ресурсы («*self-reliance, self-sufficiency*»). Учитывать следует и **особенности национальной мифологии** – град на холме (*the land of bounty, the shining city on the Hill*), отцы-основатели, пионеры, освоение *Zanada* («*The story of the settlement of the far west is a story full of romanticism and daring*»), День благодарения, Гражданская война, Джефферсон, Рузвельт, М.-Л. Кинг, Кеннеди и т. д. Здесь проявляются и **черты национального характера** – открытость, дружелюбие, прагматизм. Формирование характера нации происходит раньше, чем национальное самосознание (рефлексия). В новой социологии изучается характер как индивида, так и через группу, при этом важен анализ ценностей. Учитываются и другие факторы идентичности: иммиграция, кризис идентичности и американский характер (*identity crisis*), базовые идеалы: свобода, понимаемая так, как она трактуется в Конституции, Билле о правах, в трудах отцов основателей, индивидуализм, священность и достоинство индивидуальной личности, так как она понималась Торо, Эмерсоном, Джеймсом и Дьюи, идеализация практического *can-do spirit*, добровольность *do-it-your self spirit*, психология богатства, прежде всего *природного* (*feel rich, the psychology of abundance*), мобильность, прагматизм, патриотизм (особенно связанный с крупными историческими событиями), вера в прогресс, вера в американскую мечту, высказанная в афористическом виде еще Адамсом: «*the dream of a land in which life should be better, richer, and fuller for every man with opportunities for each according to his abilities and achievement*». В быту все это часто резюмируют как обожествление труда и доллара: «*Preaching hard work and worshipping the dollar*».

Ценности американские и русские в социологическом плане были предметом компаративного анализа социологов. Достиженческая ценность (*achievement*), активность и работа, линия поведения (*moral orientation*), гуманитарность, эффективность и практичность, прагматизм, прогресс, групповая конформность, материальный комфорт, равенство, свобода, конформизм, научность и рациональность, национал-патриотизм, демократия, индивидуализм – таковы ценности, относимые к американской нации. Русские ценности приведены автором со ссылкой на труды проф. Лапина (в порядке важности): порядок, семья, общение

(друзья), свобода, независимость, благополучие, нравственность, жизнь, инициатива, работа, вольность, власть. «Ненаучное вычленение» ценностей дало повод для сарказма, обсуждений и размышлений, сравнений и т. д.

Постоянно отмечаются такие ценности, как активность, успех, понимаемый как материальное благополучие, equality, индивидуализм и индивидуальная ответственность, *self-reliance, efficiency and practicality, freedom and democracy, patriotism, mobility and change*. Характерно формирование национального менталитета в связи с фронтиром – любознательность, активность, сила характера, материализм, стремление к цели, отсутствие художественной рафинированности, грубая энергичность, индивидуализм, прагматизм.

Для предвыборных дебатов характерен **тематизм**. Позиция по обсуждаемым вопросам (*issues*) – часто нечетко высказанная, неясно понятая – играет свою роль. При этом не оспариваются сторонами базисные ценности – вера в частную собственность, бизнес, свободную конкуренцию, глобальную роль нации, прогресс. Традиционны также *free competition, equality of opportunity, hard work, individual freedom, creating something out of nothing*.

Кандидаты высказываются по вопросам государственной жилищной политики (*mortgage rates*), политики в области ценообразования, энергоресурсов, вопросам школьного образования, СМИ, индивидуальных свобод, финансирования кампаний, социальным проблемам, уровню жизни, ценностям среднего класса (*hard work, motivation to succeed, thrift, stable family life, racial, unemployment, poverty, marriage, separation of Church and State, school payer*). Глобализм, стратегическое партнерство с Россией, антитеррористическая коалиция, «ось зла» – таковы внешнеполитические темы дебатов. Традиционная экономическая тематика: роль правительства (спор о либерализме), торговля, наблюдаемое снижение ВВП, жизнь на внутренние займы, дефицит бюджета, кризис фермерства, предпринимательство, тред-юнионы, почасовая оплата, проблемы энергетики и экологии. В центре тематики – проблемы обороны, сокращение федерального бюджета, сокращение федерального дефицита, контроль политики в области вооружения, безработица, права женщин, помощь нуждающимся.

Высказываются кандидаты по проблемам, актуальным для внутренней и внешней политики и национального самосознания (ценности), таким, например, как христианская семья, проблемы закона и преступности, прав и свобод и их ограничения в связи с борьбой с терроризмом, международная коалиция и военные действия, права на покупку оружия, немотивированная преступность школьников: *the death penalty, gun control* и т. д.

Проблемы этнических меньшинств, квоты и *affirmative action*, испаноязычное население, пожилые, инвалиды, гомосексуалисты, иммигранты и прочие «недопривилегированные» категории – предмет

дебатов. Затрагиваются проблема равенства полов, религиозные нормы, например, молитва в школах.

Риторика воплощается в свободном споре в университетской аудитории, транслируемом на всю страну.

Настоящая статья ставит своей целью обсуждение вербальных стратегий дебатирования в предвыборных дебатах США четырехлетней давности.

На основе анализа публицистических материалов о дебатах нами выделены следующие **вербальные стратегии дебатирования. Это обвинения, часто беспочвенные, отрицание, косвенное и прямое обвинение, насмешка, нападки, инсинуации, сравнения, арсенал аргументации, в том числе морального и ценностного характера.**

Вот обвинения в связях с нефтяными корпорациями и обвинения в недооценке серьезности проблемы, которыми пикируются кандидаты:

*SANTA FE, N.M. – Bracing for their final debate, John Kerry (news - web sites) **accused President Bush of favoring «friends in the oil industry» over consumers strapped with rising fuel bills on Monday while Bush said his challenger so misunderstood the war on terror that he thought it could be reduced to «a nuisance» akin to prostitution or illegal gambling.***

Характерны выступления по вопросам внутренней и внешней политики – глобальным и, тем не менее, связанным с рядовым потребителем:

*Kerry focused on domestic issues – the subject of that debate – and **criticized Bush and the Republican-led Congress for not doing more to reduce U.S. dependance on imported oil.***

Нападкам подвергаются позиции республиканцев и демократов.

*Bush mixed domestic policy with national security, **criticizing Kerry as a tax-and-spend liberal while questioning anew the Democrat's fitness to lead the war against terror.***

Характерно высмеивание оппонента:

*At a rally in Hobbs, N.M., the Republican incumbent **ridiculed Kerry for saying in an interview in The New York Times Magazine, «We have to get back to the place we were, where terrorists are not the focus of our lives but they're a nuisance».** In the interview published Sunday, Kerry compared the anti-terror battle to efforts by law enforcement to root out prostitution or illegal gambling, knowing such an activity could never be ended but could be reduced to where «it isn't threatening people's lives every day».*

Решительно несогласие, привлечение внимания к своей точке зрения через несогласие с оппонентом – одна из возможных тактик.

*«**I couldn't disagree more**», – **Bush said.** «Our goal is not to reduce terror to some acceptable level of nuisance. Our goal is to defeat terror by staying on the offensive».*

Характерно обыгрывание промахов соперника, цитирование и привлечение внимания к вербальным промахам:

The Bush campaign also takes on the «nuisance» comment in a new television ad.

В ход идут негативные оценки соперника:

And Vice President Dick Cheney, campaigning in Medford, N.J., called Kerry's remarks «naive and dangerous».

Не удастся избежать обвинений в передергивании:

Phil Singer, a Kerry-Edwards spokesman, said the Republicans took Kerry's single sentence out of context. «Considering that George Bush doesn't think we can win the war on terror, let Osama bin Laden escape and rushed into Iraq with no plan to win the peace, it's no surprise that his campaign is distorting every word John Kerry has ever said», he said.

Характерны сложные, «национальные» аллюзии:

The Kerry campaign circulated another terrorism-as-a-nuisance quote, a 2-year-old comment from retired Gen. Brent Scowcroft, who was national security adviser for Bush's father. «There is going to be no peace treaty on the battleship Missouri in the war on terrorism, but we can break its back so that it is a horrible nuisance and not a paralyzing influence on our societies», Scowcroft told the U.S. Institute of Peace.

Забота о простом рядовом среднем классе – превалирующий аргумент дебатов:

Kerry, in Santa Fe, said record oil prices, which have propelled gasoline to over \$2 a gallon in many places, «means a lot more profit for this president's friends in the oil industry. But for most middle class Americans, the Bush tax increase is a tax increase that they can't afford».

Постоянно производится рекрутирование сторонников:

He complained that Congress was ending «another session without passing a good energy bill for America». Administration-backed legislation, which includes a variety of tax and other incentives to encourage more domestic energy production, has been blocked by a largely Democratic coalition of opponents.

Применяются обвинения в цинизме, политической близорукости и проч. эристические ходы (эристика – искусство спора без четкой аргументации):

«John Kerry's obstruction of a national energy policy makes his current political opportunism completely hypocritical», – said Bush campaign spokesman Steve Schmidt.

Программа кандидата постоянно «обкатывается» на публике:

Kerry has proposed a trust fund for developing clean fuels, incentives for making buildings more energy-efficient and an upgrade of the nation's electricity grids.

Характерно использование фактора регионализма:

Kerry said he came to New Mexico «to get some clean New Mexico air, get some of that good mountain inspiration» for Wednesday's debate. The visit also could help build support in a state where a poll taken after the first

debate showed him virtually tied with Bush. In 2000, Democrat Al Gore narrowly won New Mexico.

В матрице американской культурной идентичности известны регионализм, культурная идентичность каждого из главных четырех регионов США – the Northeast, the South, the West, the Midwest, пуританизм Новой Англии, образование, история новой Англии (Филадельфия, бостонское чаепитие) или Калифорния, Юг с его рабством и южной жизнью, столь отчетливо показанный Фолкнером, Робертом Пенном Уоренном и Томасом Вульфom, известны фермерство и изоляционизм Среднего Запада, промышленные Питсбург и Чикаго у Драйзера, легенда Форда и Детройт и т. д.

Вопросы внутренней политики превалируют в предвыборном дискурсе:

*Across the state in Hobbs, **Bush criticized Kerry's record on taxes, health care and other domestic issues.***

Насмешки могут носить личный характер:

*The president also **mocked Kerry's stance on a Bush-backed forest law that makes it easier for timber companies to cut wood from national forests. Bush argues that thinning forests helps prevent devastating fires. «My opponent was against it. Now, he says he likes parts of the law», – Bush said. «I guess it's not only the wildfires that shift in the wind». Kerry favors focusing thinning operations on the parts of fire-prone forests that pose the most immediate threat to communities. He criticizes Bush's broader approach as a boon to big timber companies.***

Постоянно «обыгрывается» тематика войны с терроризмом.

Имперская риторика в ходу. Постулируется глобальная роль супердержавы, которая озаряет светом демократии мир людям – имперская идея Америки – «Империя», «После империи».

При этом представляют интерес базисные смыслы-отношения к самым существенным вопросам бытия – ценности. Они воплощаются в концептах, типах дискурса, личностях (В.И. Карасик).

Понимание при кросс-культурной коммуникации интерпретируется как вопрос о конфликте ценностей. Естественным образом возникающая ситуация непонимания между представителями разных культур – национальных, религиозных, профессиональных или организационных – основывается на различиях в матрицах соотнесенности коммуникантов с социальными образованиями, с которыми они себя отождествляют. Ставя вопрос об оптимизации понимания, необходимо, помимо чисто переводческих вопросов, учитывать и проблемы различия символических средств, поведения и ролевых моделей, ценностей, присущих разным сообществам. Истоки коммуникативной идентичности следует искать в организации сообществ, которые являются средой для социальной жизни человека. [3]. Коммуникация служит задаче поддержания сообщества на уровне

максимальной информационной и смысловой открытости для входящих в него людей.

Сложная взаимосвязь и взаимообусловленная совокупность в основном эмоциональных (**национальный характер**) и более рациональных (**национальное сознание**) элементов как раз и представляет собой психический склад нации. Д.В. Ольшанский [4, с. 302] определяет национальное сознание так: «Национальное сознание – в целом, совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития национально-этнической группы. Это включает в себя отношение группы к различным ценностям общества, отражает процесс ее исторического развития, былые достижения и ставящиеся перед будущим задачи». **Национальное самосознание** – ядро национального сознания – включает осознанное отношение нации к ее материальным и духовным ценностям, способности к творчеству ради их умножения, осознание необходимости своего сплочения ради осуществления национальных интересов и успешного взаимодействия с другими национально-этническими группами. Сложна структура национального самосознания. В нем теоретики психологии (этнопсихологии, социальной, политической психологии) выделяют менее артикулированные, эмпирические элементы (обыденное сознание) и теоретический компонент в виде рациональной надстройки над первым – идеологии нации. Везде речь идет о **ценностях, обычаях, традициях, стереотипах, потребностях**. Д.В. Ольшанский [4] дает такое определение теоретическому национальному сознанию: «Теоретическое национальное сознание представляет собой кристаллизованное, научно оформленное и четко социально и политически ориентированное обобщение избранных элементов массового обыденного национального сознания, осуществляемого с определенных социально-политических позиций. Это идеология национально-этнической группы, обычно включающая в себя обобщенно-положительную самооценку прошедшей истории, сегодняшнего положения и совокупность целей развития нации, программы их достижения на уровне всей общности и основных составляющих ее отрядов, а также уже кристаллизованные нормы, ценности и образцы поведения, обязательные для каждого индивида – лояльного представителя данной национально-этнической общности».

Стало очевидным, что сделанная Евроатлантическим блоком ставка в евразийской экспансии на ислам обернулась бумерангом, и сегодня ведется война против «террористов». При этом утверждается, что освобождение иракского народа от диктатора – путь к свободе и демократии. Это лейтмотив многих выступлений официальных лиц коалиции.

WASHINGTON, Nov. 6, 2003 – «You're now deployed at the central front on *the war on terror*. And every day you're helping win the war on terror. You've *toppled a cruel dictator*; you've helped *to liberate almost 25 million people*; you've *captured or killed thousands of terrorists and stopped dozens of planned attacks against the United States and our friends and allies*. «*The world is safer and freedom is more secure* because of our military. And *I know that America and our friends will prevail*. «*Your efforts are helping to build a secure and stable Iraq, to spread freedom in the Middle East, and to make the world more peaceful for future generations*».

Типичный, стереотипный дискурс строится вокруг концепта терроризма, характеризуется набором штампов, слабой аргументированностью, постоянной риторикой оппозиции «свой – чужой». В суждениях о ценностях нас привлекают оппозиции, эвфемизации, круг концептов, типы дискурса, типы коммуникаторов, роль стереотипии (клише, штампы) и оценочности (аксиологическая лексика). Еще раз оценим круг риторических аргументов: цивилизованный мир, освободиться от террористов, освободить арабские страны от агрессии, незаконные режимы, угрожающие миру террористы – паразиты и т.д. При этом и религиозное может рассматриваться как ценностный аргумент убедительности.

The civilized world faces unprecedented dangers.We captured, arrested and rid the world of thousands of **terrorists** and **freed a country from brutal oppression.**The last time we met in this chamber, **the mothers and daughters of Afghanistan were captives** in their own homes, forbidden from working or going to school. **Today women are free.**The men and women of our armed forces **have delivered a message now clear to every enemy of the United States:** Even 7000 miles away, across oceans and continents, on mountaintops and in caves, **you will not escape the justice of this nation.**

Фраза «Наше дело правое. Мы победим» (**Our cause is just, and it continues**) рождает аллюзию с пафосом другой речи, сказанной по другому поводу. Ведется постоянное запугивание противника.

Необходим аналитический инструментарий, через призму которого можно было бы рассматривать сказанное выше. Выделенные в тексте жирным шрифтом и подчеркиванием номинативные словосочетания четко задают стереотип отношения к сторонам операции, а все другие глагольные словосочетания представляют собой стандарт речений в этой и подобной ситуациях.

Проблема национально-культурной специфики языкового сознания, его постижения является чрезвычайно интересной, важной и сложной, мотивируется все возрастающим интересом исследователей менталитета и текста, понимания специфики межкультурной коммуникации. Выход за вербальные рамки в более широкую область представлений – ценностей, стереотипов обыденного, этнического, религиозного сознания – с риторической точки зрения характеризуется

вполне оправданными ходами. Когнитивная база лингвокультурного сообщества нуждается в дальнейшем описании.

Выскажем существенное методическое замечание: логично использовать многочисленные сайты в сети Интернет, посвященные дискуссиям по issues – скажем, violence on TV, crime rate, capital punishment. Дискуссии по социальным вопросам и вопросам права в виртуальном формате позволяют подготовиться к ним в реальном.

Литература

1. **Абушенко В.Л.** Феноменологическая социология // Новейший философский словарь. – Мн., 1999. – С. 751
2. **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. – М., 1997.
3. **Ярмахов Б.Б.** Межкультурная коммуникация: аспект социальной идентичности // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. – Пятигорск, 2002. – С. 183–186.
4. **Ольшанский Д.В.** Основы политической психологии. – Екатеринбург, 2001.

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ДЕБАТЫ В США КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена концептуально-риторическому анализу предвыборных дебатов. Автором проанализированы вербальные стратегии и тактики дебатирования.

Ключевые слова: предвыборные дебаты, вербальные стратегии и тактики дебатирования, риторика, политический дискурс.

ПЕРЕДВИБОРЧІ ДЕБАТИ В США ЯК РИТОРИЧНИЙ ФЕНОМЕН

Стаття присвячена концептуально-риторичному аналізу передвиборчих дебатів. Автор проаналізував вербальні стратегії й тактики дебатування.

Ключові слова: передвиборчі дебати, вербальні стратегії й тактики дебатування, риторика, політичний дискурс.

ELECTIONEERING DISCOURSE IN THE USA AS A PHENOMENON OF RHETORIC

The article is dedicated to the conceptual rhetorical analysis of electioneering campaigns discourse in the USA. The article reveals verbal tactics and strategies of this type of discourse.

Key words: election debates, verbal strategies and tactics of debating, rhetoric, political discourse.

А.К. Гадамский
(г. Симферополь)

**КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(аннотированная библиография)**

Термин «теолингвистика» в современном его значении начал функционировать в науке с 1981 года [22, с. 1]. В настоящее время он зафиксирован в «The Cambridge Encyclopedia of Language», ее немецком аналоге «Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache» и ряде других источников [13, с. 412; 17, с. 1; 20, с. 53].

В Польше возможность его употребления обсуждена и одобрена на заседании Комиссии Религиозного Языка при Совете по Польскому Языку Польской Академии Наук [21, с. 23–30].

С 2004 года он начал функционировать в украинской русистике, обратили на него внимание казанские языковеды [14, с. 178].

В ранее опубликованных работах нами уже была представлена краткая история теолингвистики [7, с. 16–26], определено место теолингвистики в кругу других «лингвистик» [3, с. 63–69], обозначены основные направления, которыми занимается эта область языкознания [4, с. 24–41], описаны ее семантико-прагматические проблемы [6, с. 33–38], собрана русская и польская терминология теолингвистики [5, с. 147–157], описаны единицы теолингвистики [2, с. 11–20], а также отношения теолингвистики и грамматики [1, с. 15–25], теолингвистики и аксиологии [18, с. 155–165].

Нами также был составлен список литературы по теолингвистике, включающий работы, изданные на английском, немецком, польском, русском языках. В списке есть также источники на чешском, украинском, сербском и болгарском языках. Но их анализу на данном этапе уделяется меньшее внимание. На сегодняшний день (14.02.07) он включает в себя порядка 1200 источников: основных – 774 позиции; дополнительных – 500 позиций.

Целью настоящей работы является:

- 1) систематизация библиографии теолингвистики в соответствии с направлениями исследований;
- 2) анализ основного списка литературы по теолингвистике;
- 3) анализ русскоязычных библиографических источников, входящих в состав основного списка.

В основной список в первую очередь включались работы по следующим проблемам:

- 1) теория теолингвистики;
- 2) религиозный, сакральный, профетический и т. д. языки;

- 3) религиозная (библейская) стилистика;
- 4) жанры религиозного языка (проповедь, молитва, исповедь, пасторские листы и др.);
- 5) религиозная коммуникация;
- 6) фонетика (фонетические особенности, орфоэпия, акцентология) религиозного языка;
- 7) лексикология (этимология, лексика, фразеология, семантика, ономастика, лексикография) религиозного языка;
- 8) грамматика религиозного языка;
- 9) проблема перевода религиозных текстов;
- 10) религиозная терминология;
- 11) анализ религиозного текста;
- 12) религиозная лингводидактика;
- 13) языковая картина мира;
- 14) язык ценностей и аксиология;
- 15) язык магии, язык заговоров и т. д.

В дополнительный список были включены публикации, посвященные проблемам, с которыми теолингвистика тесно связана:

- 1) религии мира;
- 2) философия религии;
- 3) история религии;
- 4) социология религии;
- 5) феноменология религии;
- 6) психология религии;
- 7) теология, богословие;
- 8) литература и религиозные труды;
- 9) этика, эстетика, мораль и т. д.

Анализ основного списка работ, изданных на немецком, польском, чешском, русском, украинском, сербском и болгарском языках

Нами была также предпринята попытка систематизации списка теолингвистических публикаций по темам и годам издания и обращено внимание на годы, когда наиболее активно издавались работы по теолингвистике.

Первое увеличение количества работ наблюдается в 20-е годы XX века (13 работ). Затем начинается некоторый спад. Объяснено это может быть, на наш взгляд, сталинскими репрессиями 30-х годов (8 работ) и II мировой войной, начавшейся в конце 30-х и закончившейся в середине 40-х годов (6 работ).

Следующий всплеск интереса к проблеме «язык и религия» наблюдается в 50-х годах (15 работ). Очевидно, свою положительную роль сыграла хрущевская «оттепель».

Статистика следующих лет выглядит таким образом:

- 1) 60-е годы – 64 работы (наибольшее количество работ вышло в свет в 1963 и 1969 годах);

- 2) 70-е годы – 115 работ (наибольшее количество работ вышло в свет в 1971, 1975, 1976, 1978, 1979 годах);
- 3) 80-е годы – 209 работ (наибольшее количество работ вышло в свет в 1983, 1984, 1986, 1988 годах);
- 4) 90-е годы – 408 работ (наибольшее количество работ вышло в свет с 1992 по 1999 годы);
- 5) 2000-е годы – 308 работ.

Более подробную качественную характеристику польских и немецких работ дают исследователи А. Грейле, Э. Кухарска-Драйсс и М. Макуховска в работе «Новейшие исследования по сакральному языку в немецко-польском сопоставлении. Достижения – тенденции – задачи», которая вышла в свет в 2005 году в журнале «*Heiliger Dienst*» [19, с. 73–91]. Они также обращают внимание на тот факт, что, невзирая на различия в культуре и религиях Польши и Германии (в Польше 95 % верующих являются католиками, в то время как в Германии представлены католическая и евангелистская церкви), в их научных исследованиях много общего. Авторы этой статьи, характеризуя основные направления теолингвистических исследований, пишут о событиях, происходящих в научной жизни (конференции по проблеме «язык и религия», издания и т. п.), рассказывают об организациях, объединяющих языковедов, теологов и других ученых. Если же говорить о тех, кто занимается этими проблемами, то следует заметить, «что в Германии религиозным языком занимаются теологи, ориентированные на лингвистику, а в Польше – лингвисты, ориентированные на теологию (не только ученые с именем, но и молодые научные кадры)» [19, с. 73].

В настоящее время языковедами Польши готовится к изданию в серии «теолингвистика» список литературы по проблеме «язык и религия», в который должны войти источники, опубликованные начиная с 1975 года. По данным Комиссии Религиозного Языка, его авторы до недавнего времени располагали приблизительно 1200 источниками. В основном это работы на польском языке. Подготовкой этой публикации занимается полонистка из Опольского университета М. Макуховска [19, с. 76].

В следующей части работы попытаемся проследить, как теолингвистическая ситуация выглядела и выглядит на территории бывшего Советского Союза в русском языкознании.

Анализ основного списка работ, изданных на русском языке

В отличие от Польши и Германии на территории бывшего Советского Союза и в самой России проживали и проживают представители различных национальностей, вероисповеданий (христиане, мусульмане, буддисты, иудеи и многие другие), культур, говорящие на разных языках. Другими словами, ситуация может быть охарактеризована как полинациональная, поликонфессиональная, поликультурная и полиязычная.

Поэтому работы русских языковедов теолингвистического характера несколько отличаются от тех, которые были изданы в Германии и Польше. Так, если мы употребляем термин «теолингвистика», следуя западной традиции, то православные казанские русисты считают, что в их случае лучше употреблять термин «христианская лингвистика» [14, с. 178], хотя наряду с ним употребляют термин «теологическая герменевтика» [Там же], тем самым подчеркивая связь христианской лингвистики с теолингвистикой. Если же все-таки следовать традиции казанских филологов, то вполне логично было бы говорить о лингвистике христианской, буддистской, лингвистике иудаистской, лингвистике исламской и т. д. как разделах теолингвистики. А внутри каждой из них можно было бы выделить еще какое-то количество более мелких подразделений. И в этом прослеживается определенная логика. Тем более что это соответствует критериям определения религиозного языка: польские филологи Я. Пузынина и И. Баерова, давая определение религиозному языку, приводят примеры из разных религий и на разных языках [15, с. 19–20]. И думается, что развитие исламского, буддистского, христианского и других направлений теолингвистики еще ждет своего решения.

На территории бывшего Советского Союза до конца 90-х годов XX века исследования по названной проблеме проводились как служителями церкви, так и языковедами. Работы служителей церкви не были доступны широкому кругу читателей.

В языкознании же разработкой проблем теолингвистики как теолингвистики не занимались, а проблемой «язык и религия» занимались достаточно активно, но в несколько завуалированной, эвфемизированной форме. Трудно себе представить преподавание в вузах таких курсов, как «Введение в славянскую филологию», «Введение в языкознание», «Старославянский язык», «История древнерусского языка», «История русского литературного языка», «Лексикология», «История языкознания», «История лингвистических учений», «Лингвокультурология», «Научный атеизм», «Религиоведение» и других без обсуждения вопросов, затрагивающих проблемы религиозного языка, языка религии, пророческого языка, языка богослужения. Изучение этих дисциплин, естественно, предполагало изучение соответствующей научной, научно-методической, учебной литературы, использование определенной терминологии. Поэтому вопросы теолингвистики обсуждались как в аудитории, так и в научной литературе, но официально они не рассматривались как проблемы теолингвистики.

Материалом исследования, прежде всего, служили русский, древнерусский, старославянский, древнегреческий языки, латынь. Поэтому работы издавались преимущественно на русском языке и с привлечением, в первую очередь, русскоязычных православных источников. Это объясняется тем, что до конца 90-х годов XX века наблюдалась тенденция к росту числа населения бывшего Советского

Союза, официально признававшего себя русскими по национальности, и как следствие этого русскоязычными, христианами и православными. Этому способствовали как политика еще царской России, так и политика Советского Союза, которые формировали соответствующую ментальность: советский = русский = христианин (как синоним 'православный').

С другой стороны, следует обратить внимание на тот факт, что такая религия, как ислам, которая представлена достаточно большим числом верующих на территории бывшего Советского Союза, старается сохранять классический арабский язык как язык культа, невзирая на то, что он практически непонятен многим верующим, и запрещает анализ языка религиозных книг и их перевод на другие языки. Это само по себе уже как бы исключает возможность светских лингвистических наблюдений над языком ислама. Хотя они, безусловно, проводились и проводятся: достаточно напомнить о фонетических открытиях арабов-мусульман, послуживших одним из катализаторов для развития светского языкознания [8–10; 12; 13, с. 132–137].

В конце 90-х годов XX века вывела на официальный светский уровень проблему «язык и религия», по нашему мнению, белорусский языковед Н.Б. Мечковская. Ее пособие «Язык и религия» [11], изданное в 1998 году, в этом смысле является революционным. Во-первых, этим пособием, автор доказала, что проблема «язык и религия» изучалась лингвистами даже в самые атеистические периоды советской истории. Об этом свидетельствует список литературы к пособию, в котором очень много классических, известных лингвистических, а не теологических источников и многочисленные ссылки на них. И, во-вторых, автор пособия рассматривает эти вопросы не только на примере православия, но и других религий, использует литературу, написанную на разных языках. Нельзя не сказать о работах по лингвокультурологии В.А. Масловой, которая также говорит о проблеме «язык и религия» как об одном из направлений лингвокультурологии [10]. Однако термин «теолингвистика» названными исследовательницами не употребляется. Употребляться активно он начал с 2004 года языковедами Украины и Польши (германистами, полонистами и русистами).

На сегодняшний день наш список русскоязычных источников включает приблизительно 214 изданий, что составляет немногим менее одной третьей части от общего числа работ основного списка.

Работы на русском языке начинают публиковаться более активно, начиная со второй половины 80-х годов: в 1987 году – 8 работ; в 1988 году – 11 работ; в 1991 – 1992 годах – по 11 работ; в 1993 – 1994 годах – по 15 работ, в 1997 году – 24 работы.

Статистика по десятилетиям выглядит следующим образом:

- 1) 60-е годы – 9 работ (наибольшее количество работ вышло в свет в 1963, 1966, 1967 годах);

- 2) 70-е годы – 16 работ (ежегодно издавалось примерно одинаковое количество работ);
- 3) 80-е годы – 47 работ (наибольшее количество работ вышло в свет в 1987, 1988 годах);
- 4) 90-е годы – 105 работ (наибольшее количество работ вышло в свет с 1991 по 1997 год);
- 5) 2000-е годы – 62 работы (более всего в 2006 году).

Как показывает анализ списка, наиболее активно в русской теолингвистике разрабатываются вопросы религиозного языка (43 работы); религиозного стиля (13 работ); религиозной фразеологии (18 работ); языка мифа, заговора, заклинания (15 работ); религиозной ономастики (15 работ), религиозной лексики (11 работ). Достаточно много работ посвящено церковным календарям (18 работ). Следует отметить, что в списке работ по этой проблеме есть только работы на русском языке.

Что касается работ на русском языке, посвященных речевым жанрам религиозного языка, то в русском языкознании больше всего внимания уделяется анализу языка проповеди, молитвы, церковных календарей, языка ритуала, обряда, магии, заговора и меньше, в отличие от польских работ, языку религиозных песнопений и гимнов, языку пророчеств. Объясняется это, по нашему мнению, отличиями католицизма и православия, печать которых несут на себе русский и польский языки. Так, публикации на польском языке – это работы, посвященные прежде всего языку католической церкви, в то время как работы, написанные на русском языке, посвящены языку православной церкви. В этом, пожалуй, и проявляется конфессиональная специфика языков.

Итоги проделанной работы отражены в таблице 1, которая содержит сведения о количестве публикаций по указанной теме и об основных языках, на которых эти работы были опубликованы. Одновременно таблица представляет структуру теолингвистики – перечень направлений, по которым проводятся исследования.

Таблица 1

№ п/п	Раздел теолингвистики	Количество работ в списке (на русском языке)	Годы издания (от... до...)	Языки публикаций
1.	Теолингвистика. Общие положения	27/7	1963 – 2006	немецкий польский русский
2.	Религиозный (сакральный) язык.	194/43	1885 – 2005	немецкий польский

	Общие положения			русский
3.	Религиозный (библейский, конфессиональный, литургический и др.) стиль	44/13	1963 – 2006	польский русский украинский чешский
4.	Фонетика религиозного языка (акцентология, орфоэпия)	3/0	1906 – 2006	польский русский
5.	Лексикология религиозного языка			
5.1.	религиозная фразеология	59/18	1961– 2004	польский русский
5.2	религиозная лексика	37/11	1929– 2005	польский русский
5.3	религиозная ономастика (теонимика), агиография	21/15	1552 – 2004	польский русский
5.4	семантика религиозного языка	30/4	1969 – 2002	польский русский
5.5.	религиозная лексикография			
5.5. а	теория религиозной лексикографии	4/1	1984 – 2002	польский
5.5. б	лингвистические словари религиозного языка	20/12	1847 – 2002	немецкий польский русский
5.5. в	словари теологические, религиозоведческие	16/8	1958 – 96	немецкий польский русский
5.5. г	религиозные энциклопедии	12/2	1873 – 2006	немецкий польский русский
5.5. д	культурологические словари	10/4	1980 – 2001	польский русский
5.5. е	словари символов	7/0	1974 – 1998	английский немецкий польский русский

6.	Религиозная языковая картина мира	30/5	1966 – 2004	английский польский русский
7.	Религиозная терминология	12/3	1927 – 2006	немецкий польский русский
8.	Грамматика религиозного языка	3/3		
9.	Анализ языка религиозных текстов (текстология, герменевтика)	21/11	1971 – 2003	немецкий польский русский
10.	Прагматика. Религиозная коммуникация. Речевые акты. Разновидности религиозного языка Речевые жанры			
10. а	анализ языка молитвы	14/5	1962 – 2004	немецкий польский русский
10. б	анализ языка религиозных песнопений и гимнов	12/1	1932 – 1994	немецкий польский
10. в	анализ языка пасторских посланий	4/0	1902 – 2003	польский
10. г	анализ языка парафиальных объявлений	1/0	2004	польский
10. д	анализ языка пророчества	2/0	2002 – 2004	польский
10. е	анализ языка исповеди	6/6		
10. ж	язык откровения	1/0	2003	польский
10. з	анализ языка религиозных календарей	18/18	1975 – 2006	русский

10. и	гомилетика, религиозная риторика, проповедничество, анализ языка проповеди	73/6	1848 – 2005	немецкий польский русский
10. к	анализ языка ритуала, обряда, магии, заговора	32/16	1891 – 2001	польский русский
11.	Проблема перевода религиозных текстов	25/5	1978 – 2005	польский русский
12.	Религиозная лингводидактика (произношение, правописание, культура речи)	12/3	1906 – 2006	немецкий польский русский
13.	Аксиологические проблемы языкознания	41/5	1948 – 2005	немецкий польский русский
	Итого	755/214		

В заключение следует заметить, что настоящий список – это не завершенное «произведение». Он постоянно изменяется и дополняется и будет изменяться и дополняться по мере выхода в свет новых источников и поступления информации о неизвестных нам ранее источниках.

Литература

1. **Гадомский А. К.** Теолингвистика и грамматика // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия «Филология», Т. 19(58). – № 4. – Симферополь: ТНУ, 2006. – С. 15 – 25.
2. **Гадомский А.К.** К вопросу о единицах теолингвистики // Восточнославянская филология: Сборник научных работ. – Вып. 11. Часть 1. «Языкознание». – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2006. – С. 11–20.
3. **Гадомский А.К.** К проблеме определения теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия «Филологические науки». – Т. 17 (56). – № 1. – Симферополь: ТНУ, 2004. – С. 63–69.
4. **Гадомский А.К.** Некоторые направления исследований теолингвистики // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. – Вип. 7. Серія: Філологічні науки: Зб. наук. пр. [Норми та парадокси свідомості й мислення, їх відображення в мовній картині світу]. – Луганськ: Альма-матер, 2006. – С. 24–41.
5. **Гадомский А.К.** Русско-польская терминология теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия «Филология». – Т. 19 (58). – № 1. –

Симферополь: ТНУ. – С. 147–157. 6. **Гадомский А.К.** Семантико-прагматические проблемы теолингвистики // Вісник Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. – 2004. – № 12 (80). – С. 33–38. 7. **Гадомский А.К.** Теолингвистика: история вопроса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Симферополь: ТНУ, 2005. – Т. 18 (57), № 1. – С. 16–26. 8. **Звегинцев В.А.** История арабского языкознания. Краткий очерк. – М., 1958. 9. **Кондрашов Н.А.** История лингвистических учений. – М., 1979. 10. **Маслова В.А.** Введение в лингвокультурологию. Учеб. пособие. – М., 1997. 11. **Мечковская Н.Б.** Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М., 1998. 12. **Томсен В.** История языковедения до конца XIX века. (Краткий обзор основных моментов). – М., 1938. 13. **Топоров В.Н.** Indo-Iranica: К связи грамматического и мифоритуального // Переднеазиатский сборник. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. – М., 1986. – С. 122–137. 14. **Чевела О.В.** Использование методов теологической герменевтики при интерпретации сакрального текста // Материалы V научно-практической конференции «Богословие и гуманитарные науки: традиции и новая парадигма», 7 – 8.11. 2005. – «Православный Собеседник». – Казань, 2006. – Вып. 1(11). – Ч. 1. – С. 178. 15. **Wajerowa I., Puzynina J.**, 2000, hasło: *język religijny. Aspekt filologiczny*, [w:] *Encyklopedia katolicka*, Lublin, t.VIII, s. 19-20. 16. **Crystal D.**, Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Röhrich, Campus, Frankfurt a. M.-New York 1995 [оригинал: D. Crystal, The Cambridge Encyclopedia of Language, Cambridge University Press, Cambridge-New York-Melbourne 1987], s. 412. 17. **Dirven, Inchaurrealde, Schulze, Nerlich, Todd** (<http://www.psyc.leeds.ac.uk/research/metaphor/MetBib/keywords.htm>, s. 1.; 15.03.02.). 18. **Gadomski A., Gadomska H.**, 2005, *Language as a medium for values and an attitude-shaping factor in the modern times*, [w:] *Ethical and Spiritual Values and Sources of European integration. Moral Education and Civil Society*. 5th March 2005, the Palace of Culture and Science in Warsaw, Poland, Warsaw, s. 155 – 165. 19. **Greule A., E. Kucharska-Dreiß, M. Makuchowska**, 2005, *Neure Forschungen zur Sakralsprache im deutsch-polnische Vergleich. Erträge – Tendenzen – Aufgaben*, [w:] *Heiliger Dienst*, Z.2, s. 73 – 91. 20. **Herbermann C-P., B. Groschel, U. H. Wassner**, *Sprache & Sprechen. Fachsystematik der Allgemeinen Sprachwissenschaft und Sprachensystematik. Mit ausführlichen Terminologie- und Namenregistern*, Harrassowitz, Wiesbaden 1997, s. 53. 21. **Kucharska-Dreiss E.**, 2004, *Teolingwistyka – próba popularyzacji terminu*, [w:] *Język religijny dawniej i dziś*, red. S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań, s. 23 – 30. 22. **Noppen J-P. van** (red.), *Theolinguistics* (= Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie Nr. 8). VUB, Brussels 1981, s. 1.

**КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(аннотированная библиография)**

Настоящая статья представляет собой попытку систематизации и анализа английской, болгарской, немецкой, польской, русской, сербской, чешской, украинской библиографии теолингвистики.

Ключевые слова: теолингвистика, библиография теолингвистики.

**КОМУНІКАТИВНО-КОГНІТИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ
ТЕОЛОГІЧНОГО ДІСКУРСУ
(анотована бібліографія)**

Ця стаття є собою спробою систематизації та аналізу англійської, болгарської, німецької, польської, російської, сербської, чеської, української бібліографії теолінгвістики.

Ключові слова: теолінгвістика, бібліографія теолінгвістики.

**COMMUNICATIVE AND COGNITIVE POTENTIAL
OF THEOLOGICAL DISCOURSE
(annotated bibliography)**

Present clause represents attempt of ordering and the analysis of the English, Bulgarian, German, Polish, Russian, Serbian, Czech, Ukrainian bibliography of theolinguistics

Key words: theolinguistics, bibliography of theolinguistics.

УДК 81. 161. 1' 42

Е.И. Горошко
(г. Харьков)

**ДИГИТАЛЬНЫЙ ЖАНР:
НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ**

В последнее время коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой, которая способствовала как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых, свойственных только этой информационной среде жанров и появлению теории виртуального жанроведения, в задачи

которой входит описание и структурирование всего многообразия дигитальных или Интернет-жанров¹ и способов их классификации.

Проблема дигитальных жанров может стать одной из проблемных областей, на мой взгляд, нового лингвистического направления, анализирующего речевые практики Интернет-коммуникации и электронного общения, которое я бы назвала *лингвистикой Интернета* [2].

Постепенно формируется и концептуальный теоретический аппарат, и особенности методологии изучения функционирования языка в Интернете, в т. ч. и теории виртуального жанроведения. Проведенный нами в предыдущих работах анализ этой темы [3–5] показывает, что на настоящий момент уже уместно говорить о возникновении жанровой экологии Интернета – новой проблемной области в жанроведении, изучающей систему и структуру виртуальных жанров [20; 21; 25; 26].

Однако прежде чем перейти к анализу дигитальных жанров, мы бы хотели немного остановиться на современной теории жанров, используемой в лингвистике, т. к. любое новое направление обычно не возникает из небытия, а в большинстве случаев использует уже накопленный теоретический опыт, в нашем случае в изучении «бумажных» жанров. Более того, ряд ученых указывает, что «с появлением компьютера и Интернета, а также соответствующих жанров проблема найти общие критерии выявления и описания жанров ещё более усложнилась» [12, с. 377]. Также остаются открытыми вопросы о соотношении бумажных и дигитальных жанров, насколько технически опосредованная среда влияет на возникновение новых жанров и на видоизменение старых «бумажных», которые переносятся в электронную коммуникацию. Остаются до конца не решенными вопросы о построении системы классификационных критериев для описания всего жанрового разнообразия Сети, отсутствует четкое и непротиворечивое определение того, что собственно являет собой *дигитальный жанр*.

Обзор как западных, так и постсоветских литературных источников (см. библиографию) позволяет утверждать, что эти исследования в настоящий момент развиваются по трем проблемным областям в зависимости от функции жанра, его эволюции и соотношения жанра и философско-культурной парадигмы (обширнее представленной в постсоветских исследованиях электронной коммуникации) [1; 8; 9].

Если мы коснемся проблемной области, связанной с функционированием дигитального жанра, то здесь можно говорить о таких направлениях, как:

- описание социальных и организационных функций жанров, т. е. определение их роли и места в дискурсивном сообществе, жанровый репертуар и система жанров в целом;
- изучение функций жанра с точки зрения пользовательского интерфейса [15, с. 12].

Следующая проблемная область связана с эволюцией жанров:

- изучение способности приспособления «бумажных» жанров к новой электронной среде с постоянно увеличивающимися возможностями гипермедиа;

- особенности гибридизация жанров и возникновение абсолютно новых форм дигитальных жанров [10; 26].

В постсоветском языкознании в последнее время также развивается подход к видению дигитального жанра как лингво-философской категории и рассмотрение его как модифицированного речевого жанра. При этом теория речевых жанров берется за основу интерпретации Интернет-дискурса [8, с. 293–318]. Параллельно осуществляется изучение дигитального жанра с позиций когнитивно-прагматических основ создания виртуальной личности [Там же].

Итак, что же добавило появление Интернета, и в связи с этим возникновение коммуникативного пространства Сети (или, попросту говоря, *веба*) в теорию современного жанроведения? И почему уместно говорить уже о виртуальном жанроведении как отдельной области в теории жанров? И можно ли предполагать, что появление новых и явно выделяющихся жанров служит определенным знаком, свидетельствующим о возникновении нового коммуникативного сообщества с новыми коммуникативными практиками?

На мой взгляд, проблему дигитального жанра уместно рассматривать, вначале исходя из понятия *виртуальное коммуникативное пространство*, или *веб-среда*.

Фриц Махлап ещё в 60-х годах прошлого века сказал, что «среда – это сообщение» [28]. Что же привнесли и привносят технологии веба в коммуникативное пространство Сети? И какие уникальные черты появляются у жанров в этой среде, как они видоизменяются, сохраняются и как создаются новые жанры? На мой взгляд, все эти вопросы и составляют одну из проблемных областей виртуального жанроведения.

Наиболее значимыми факторами, влияющими на дигитальный жанр в вебе, стали *гипертекстуальность* и *интерактивность* среды. Влияют на жанр и технические возможности Интернета в передаче и обновлении информации, и возможности в создании креолизованных текстов (аудиовизуальных текстовых элементов), которые «предоставляет» также только эта среда.

Так, возможности гипертекстовых технологий и существование нелинейных и линейных текстов приводит к тому, что возникает сильная зависимость жанра от способа прочтения гипертекста, т. е. жанр может напрямую быть связан с фактором *читателя текста*. Если мы имеем дело с линейным прочтением гипертекста, то тут различия между бумажным и дигитальным жанром сводятся к минимуму. Если прочтение текста осуществляется нелинейно и читатель переходит от одной гиперссылки к другой, а затем возвращается к исходному тексту, то такая гипертекстовая навигация может привести к тому, что я бы определила

как *полижанровость гипертекста* – совокупность всех жанров текстов, образующих гипертекстовый сегмент в сети. Способы прочтения гипертекста некоторыми западными исследователями подразделяются на два типа: *навигационный* и *обычный* (линейный) [24]. Однако эта полижанровость будет зависеть ещё и от характера содержащихся в тексте гиперссылок (внутренних или внешних). Если в тексте навигация осуществляется только по внутренним гиперссылкам, то влияние на жанр такое же, как и в случае линейного прочтения текста. Ряд ученых говорит о целесообразности введения в теорию виртуальных жанров понятий *просто читатель* и *читатель–навигатор* [14]. Таким образом, все документы веба могут быть упорядочены в зависимости от *способа прочтения текста читателем* и *характера гиперссылок*. При этом позиции *читатель–навигатор* могут в вебе постоянно меняться. Итак, к факторам, влияющим на жанр, коммуникативная среда веба добавляет два дополнительных параметра: *характер гиперссылки* и *характер прочтения гипертекста*. Можно предположить, что свойства среды влияют как на цели, так и на формы дигитальных жанров, и это необходимо учитывать при построении их классификации [Там же]. Однако высказанное мнение некоторыми исследователями оспаривается. Так, Йетс с соавторами считает, что «жанры взаимодействуют со средой, и в результате этого взаимодействия формируется коммуникативная цель» [34, с. 100].

Интенсивность использования мультимедиа в текстах веба также может быть связана с дигитальным жанром и влиять на его форму и функционирование. Современные Интернет-технологии позволяют включать в текст звук, видеоизображение, анимацию. Всё большее влияние и актуальность в вебе приобретает графическая сторона текстового дизайна – цветовая палитра и элементы форматирования. И здесь интенсивность использования мультимедийных элементов в тексте не может не влиять на жанр: мультимедиа могут поддерживать текст, быть в него интегрированными или полностью его заменять [12, с. 385; 32, с. 144].

Электронная среда предоставляет и совсем иные возможности поддержки связи между автором текста и его аудиторией, что также может влиять на характеристики дигитальных жанров, приводя к их новым или гибридным формам. Так, интерактивное общение в форуме или создание своего веблога или персональной веб-страницы, где существует возможность давать комментарий к тексту, делать записи в гостевых книгах и участвовать в различных онлайн-опросах и конференциях, а ещё и обсудить что-либо в чате, приводит как к гибридизации жанров, так и к усилению степени полижанровости всего веба в целом.

Отдельным вопросом, который только сейчас начинают изучать, является функционирование жанра в виртуальных и игровых мирах, а также в образовании (дистанционное обучение через Интернет) [12,

с. 384; 18]. Здесь фактор интерактивности играет первостепенную роль по степени влияния на цифровой жанр, однако на постсоветском академическом пространстве этот вопрос практически не изучается.

Интерактивность среды и цифровые технологии веба предоставляют также её пользователям возможность менять внешний облик текста, его содержание и тематическую направленность, что может влиять, естественно, и на структуру цифрового жанра. Например, если мы обратимся к анализу жанра электронного письма, или электронной почты, то функция «цитатности», вставленная в почтовые серверы Интернета, будет сильно влиять на этот жанр и служить дифференциальным признаком при разграничении жанров обычного и электронного почтовых посланий.

Также на цифровой жанр сильно влияет временной параметр передачи информации, или *синхронность/асинхронность* коммуникации. По этому признаку С. Херринг, например, упорядочивает все цифровые жанры по определенной шкале, где один жанр постепенно сменяет другой по степени своей «синхронизации». На этой шкале в позиции наиболее асинхронного жанра находится *веб-страница*, а с другой стороны синхронности (самым синхронным жанром), очевидно, должен находиться *чат* [26, с. 10]. Однако к шкале синхронности/асинхронности коммуникации может быть добавлен ряд признаков, которые «переводят» шкалу из одномерного пространства в многомерное [5, с. 327]. Так, признак *обновляемости информации в Интернете*, а точнее, частоты её обновления приводит к тому, что жанр сетевого дневника обновляется чаще персональной страницы, информация в чате обновляется практически мгновенно, а к жанру электронной почты характеристика «обновляемость информации» вообще не относится. Быстрота обновления информации приводит к различным типам блогов, что может повлиять на степень гибридности этого жанра, приводя к её усилению.

На характеристики цифровых жанров влияет адресат электронного текста, т. е. аудитория, для которой предназначен тот или иной текст, обслуживаемый определенным жанром. В чате происходит полиадресное общение, электронная почта может быть рассчитана как на одного адресата, так и на определенный круг лиц (список рассылки), в формате «один автор общается со всеми» или «с избранным кругом желающих» создаются персональные страницы и пишутся живые дневники.

На характеристики цифрового жанра сильно влияет и фигура автора текста: особенности его языковой личности (например, статусное положение, биосоциальные характеристики (возраст, гендер, родной язык)), множественность и единственность авторства электронного текста, коммуникативные цели, которые автор намеревается реализовать в электронной среде, и прочее. Так, для жанра персональной страницы крайне важно, кто является её владельцем – частное лицо, политик,

ученый, или персональная страница является корпоративный сайт большого коммерческого банка. Этот параметр оказывает сильное влияние на жанр персональной страницы, помогая их последующей дифференциации на личные, академические или корпоративные веб-страницы [13; 29].

На цифровой жанр может оказывать влияние и такой экстралингвистический фактор, как, например, *география Интернета*. Так, проведенное нами исследование персональных страниц политиков в различных странах выявило интересную картину: там, где наиболее продвинуты цифровые технологии, и пользование Интернетом не является уделом только среднего класса и выше (например, в США), мультимедийность текста увеличивается. На страницах появляется больше слайдов, анимационных элементов, разнообразнее цветовая палитра. В странах с менее развитыми Интернет-технологиями структура персональной страницы проще и влияние мультимедийных технологий не столь заметно. Всё это не может не сказаться на оформлении сайта, на способах представления на нем информации и, в конечном счете, на степени видоизменений в структуре цифрового жанра [23].

Стараясь описать всё многообразие коммуникативных практик веба, С. Херринг предложила вообще отказаться от понятия *жанра* или *формата коммуникации* и обратиться к аспектному подходу, уже достаточно хорошо разработанному в библиотековедении и информатике [25]. По мнению Херринг, подход к Интернет-коммуникации с позиций теории жанров обладает рядом ограничений. Он упрощает всё коммуникативное богатство Сети, сводя его к определенным уровням абстрагирования. Его также сложно применять к новым, возникающим коммуникативным практикам, например клиентским серверам, функционирование которых ограничивается определенными предметными доменами (образовательными, правительственными, институциональными и пр.). Херринг также считает, что виртуальному жанроведению недостает также тщательного лингвистического анализа материала. Она указывает: чтобы описать все коммуникативное богатство речевых и неречевых практик веба, требуется несколько иной подход и выход за рамки теории жанров. Исследовательница вводит понятие «структурный анализ аспектов коммуникации» (facets), опираясь на признаковый подход Мишель Коло и Нэнси Бельмор [16; 5], а также дискурсивного подхода Делла Хаймса [27]. Всё множество аспектов С. Херринг подразделяет на две группы, обозначенные ею как «среда» и «ситуация». К аспектам среды относятся такие параметры: *синхронность и направленность коммуникации* (дву- и односторонняя), *устойчивость транскрипта*, *размер буфера сообщения*, *коммуникативные каналы*, *анонимность* или *приватность сообщений*, *возможности фильтрации и цитирования*, *формат сообщения*. К ситуативным аспектам, по мнению Херринг, могут быть отнесены 8 кластеров:

- *структура участия* (обмен информацией происходит по схеме: один на один, один – всем, все – всем; частная/публичная; степень анонимности/псевдоанонимности; размер группы, количество активных участников, количество, частота и баланс участия);

- *характеристики коммуникантов* (социобиографические данные (возраст, профессия, гендер); знание языка, компьютерных технологий и общения в Сети; опыт коммуникативной работы с группой, адресатом или по определенной теме; ролевое и статусное положение онлайн-персоны виртуальной личности; фоновые социокультурные знания и нормы взаимодействия; отношения, установки, мотивация);

- *цели* (групповые, например: профессиональные, социальные, фантазийные, ролевые, эстетические, экспериментальные);

- *тема обсуждений*;

- *тональность* (серьезная/игривая, формальная/неформальная, дружеская/враждебная, совместная творческая, саркастичная);

- *вид деятельности* (дебаты, поиск работы, обмен информацией, решение проблем, театральное представление, игра, флирт, виртуальный секс);

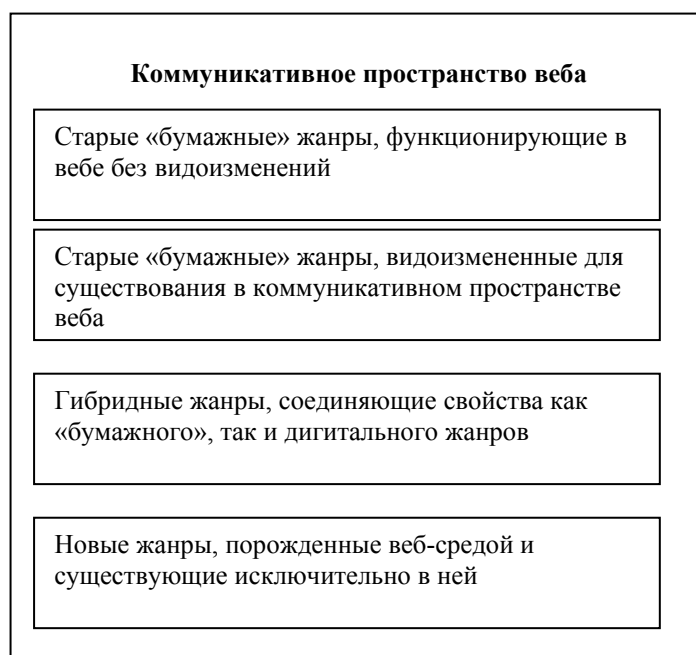
- *нормы* (организационные, социально допустимые, языковые);

- *код* (языковой, шрифт, система письма) [25].

Описанный аспектный подход был успешно применен автором к анализу блогов, позволив описать всё богатство способов общения в блогах и выделить их наиболее устойчивые формы.

Итак, классификация дигитальных жанров может строиться на различных схемах и принципах. Но среда в список уже устоявшихся факторов, влияющих на традиционный бумажный жанр, привносит новые. К ним относится усиление влияния технологического фактора, что сказывается на формате электронной коммуникации и всей системе дигитальных жанров в целом. Гипертекстовые и мультимедийные технологии также оказывают самое непосредственное влияние на жанр. Если постараться каким-либо образом упорядочить систему дигитальных жанров, то я бы сделала это в виде многослойной пирамиды, в основе которой лежат «бумажные» жанры и признаки, их определяющие, затем все варианты их видоизменений, вызванные веб-технологиями, а затем чисто дигитальные жанры и признаки, вызвавшие их появление.

Графически изображение множества жанров в коммуникативном пространстве Сети может быть примерно представлено в следующем виде:

Существуют и другие способы классификации жанров. В этом плане интересно исследование, проведенное Кевином Кроустоном и Марией Уильямс по классификации документов веба и определению их жанров. Сформировав случайную выборку, состоящую из 1000 образцов, авторы попытались упорядочить страницы веба по жанрам, опираясь на определенные структурные характеристики, на основании которых попавшаяся страница сетевого документа могла быть отнесена к тому или иному жанру. Учитывался также язык, на котором был выполнен веб-документ, его доменное расширение, гиперссылки (внешние и внутренние). Исследование показало, что примерно 60 % выборки составили «бумажные» жанры, 30 % – «бумажные» жанры, которые адаптировались к функционированию в веб-среде, и по 5 % выборки заняли жанры или абсолютно новые, или не поддающиеся классификации. Также ученые указывают, что в вебе встречалось много текстов комбинированных жанров, т. е. когда в текст, выполненный в одном жанре, вставлялся текст, выполненный в другом. Авторы приходят к следующим выводам:

во-первых, жанры в вебе могут быть выстроены в определенную иерархическую структуру;

во-вторых, есть ряд характеристик, который актуален для «бумажных» жанров и теряет свое значение для дигитальных (например, внешний вид документа);

в-третьих, необходимо разработать отдельно жанровую систему для многостраничных веб-документов [17].

Данное исследование интересно и по практическим советам в области веб-дизайна. Например, Кроустон и Уильямс считают, что веб-документ скорее должен быть построен по подобию статьи из книги, чем отдельной страницы. Они также полагают, что веб-дизайнерам следует экспериментировать с новыми жанрами, чтобы повысить эффективность восприятия информации и уровень интерактивности документа в целом, и тут технологический фактор влияния среды должен учитываться максимально при попытке усовершенствования жанра или отказа от той или иной жанровой формы. При этом дизайнеры должны учитывать фактор целевой аудитории, для которой разрабатывается та или иная жанровая форма документа, т.к. в вебе существует значительная опасность того, что новый жанр может быть не воспринят и отвергнут пользователями веба [17, с. 211].

Существуют и несколько иные классификации дигитальных жанров. В исследовании, проведенном М. Шеферд и С. Ваттерс, все дигитальные жанры подразделялись на основе их связи с «бумажным» прототипом: выделялись абсолютно новые и модифицированные бумажные варианты. В свою очередь, новые дигитальные жанры были подразделены в зависимости от времени образования жанра на *спонтанные* и *формирующиеся постепенно*. А модифицированные жанры или включали точные электронные копии «бумажных», или представляли одну из их *разновидностей* [31], которая со временем адаптировалась к условиям веб-среды. Шеферд и Ваттерс также указывают, что дигитальный жанр зависит полностью от медийных возможностей среды, которая влияет на динамику эволюционирования жанра, а также способствует стихийному возникновению новых, например, *часто задаваемых вопросов «FAQ»* или последних новостей *«hot list»*. На основе изучения формы, содержания и коммуникативной функции веб-текста авторы смогли упорядочить в рамках 6 жанров 96 случайно отобранных веб-сайтов. Эти жанры включили *персональную страницу, брошюру, ресурс, каталог, поисковую систему и игру*. На основании проведенного исследования авторы пришли к таким выводам:

- Все дигитальные жанры могут быть сведены к небольшому количеству классов.
- Добрую половину веба занимает деловая информация и бизнес-сайты.
- Функциональность является неотъемлемой характеристикой дигитального жанра, которая быстро эволюционирует из-за постоянно возрастающих возможностей Сети, однако её устойчивость наряду с формой жанра и содержанием в пределах отдельного дигитального жанра также важна для его структуры [Там же].

Существуют и ещё более абстрактные классификации жанров. При этом уровень абстракции пропорционален набору конституционных жанровых признаков. Одной из самых абстрактных, при этом очень удобной для образовательных целей в Интернете, является

классификация, предложенная Дэвидом Кристалом. Ученый выделяет на 2001 год пять жанров, называя их при этом *ситуации использования Интернета (broad Internet-using situations): электронная почта; синхронные и асинхронные чаты, включая BBS; виртуальные миры (MOOs, MUDs, MUCKs, MUSEs и т. д.); ВЕБ-тексты, к которым относятся электронные тексты с гипер- и линейной структурой (например, тексты в формате pdf)* [18].

При анализе дигитальных жанров заслуживает внимания и идея Т. Эриксона о подходе к компьютерно-опосредованной коммуникации как к экологии РЖ [20–22]. Поведение такой экологической системы может быть рассмотрено по трем параметрам – *глобальный пул*, под которым Эриксон понимает привлечение всех участников к общению (*global pull*), *циркулирование тем*, или *тематическое движение*, которое включает все темы общения и переходы участников от теме к теме (как бы движение участников по темам общения) (*topical pull*), и *речевой стимул* (степень энергии, которой обладает общение (его притягательность), т. е. вся сумма усилий, необходимых участникам для беседы) (*conversational impetus*). По мнению Эриксона, такой подход к Интернет-коммуникации позволяет охватить всё разнообразие коммуникации, происходящее в Сети. У Эриксона основную задачу в этой исследовательской области составляет проблема описания всего многообразие коммуникативных практик в вебе [21]. Решить её можно, исходя из изучения мотивации пользователей Сети, т. е. описания того, что мотивирует людей в поиске нужного им коммуникативного жанра для общения в электронной среде. На мой взгляд, в модели подхода к дигитальному жанру, предложенной Эриксоном, налицо антропоцентрический подход к построению модели Интернет-коммуникации, который только в последние несколько лет начинает развиваться в западном жанроведении.

В целом проведенный анализ современного состояния проблемы виртуальных жанров показал, что данная область достаточно динамично развивается, причем как в теоретическом, так и в практическом плане. Это направление отличает высокая степень междисциплинарности проводимых исследований, т. к. зачастую привлекается исследовательский инструментарий из различных дисциплинарных областей: лингвистики, информатики, коммуникативистики.

Одним из главных вопросов теории виртуальных жанров является проблема четкого определения жанра, если это возможно в рамках междисциплинарной парадигмы, и построение непротиворечивой классификации жанров. Отсутствует и достаточно четкое определение медийной среды. Дигитальный жанр не может быть описан без учета сферы его функционирования и возникновения, а также среды, которая оказывает одно из первостепенных влияний на все его характеристики. Некоторые исследователи указывают и на проблемы разграничения (границы) между жанром и средой его функционирования, и

дифференциации признаков, лежащих в основе этого разграничения. Ставится под сомнение, нужно ли это разграничение вообще [14]. Среда является не только коммуникативным каналом, но всё больше и больше выступает как переносчик смыслов, определяя некоторые грани социальной практики и взаимодействий людей в Сети [14, с. 7].

Анализ работ в области жанрообразующих признаков показал, что можно говорить о признаках, конституционных для дигитального жанра, и факультативных. При этом для описания жанров, их упорядочения и возможностей практического применения теории виртуального жанроведения необходимо учитывать ряд факторов: *контекст, паттерны коммуникации, ситуативность, динамизм изменения среды*, приводящий к эволюции или трансформации жанра, а также *содержание, форму и функциональность* самих виртуальных жанров. При этом эволюционирование как самих виртуальных жанров, так и описывающей их теории находится под непосредственным «диктатом» среды и возможностей медийных технологий нашего времени.

Отдельного внимания заслуживает и проблема «обратной связи» между «бумажным» и дигитальным жанрами: как виртуальный жанр влияет на функционирование обычных жанров в бумажном пространстве и влияет ли? К сожалению, работ по этой проблеме нами найдено не было, хотя гипотетически такое влияние прослеживается. Например, сейчас некоторые ПР и рекламные документы копируют свои виртуальные аналоги. Я встречала рекламные проспекты в виде сайтов или персональных страниц и рекламные брошюры, исполненные в формате электронного форума.

Влияет и теоретическая позиция ученых, занимающихся виртуальным жанроведением, и лингвистическая традиция, доминирующая в научном дискурсе, и некоторые другие факторы.

В целом, все подходы в виртуальном жанроведении могут быть упорядочены по *ведущему фактору*, т. е. по тому параметру, который ученый считает ведущим в образовании и функционировании жанра: человеческий (Эриксон), медийный (Кристал, Макаров), дискурсивный (основополагающей является предопределяющая идея «речевого сообщества») (Орликовски, Йетс), структурный (Херринг) и др.

Однако почти все исследователи виртуальных жанров практически сходятся в одном: появление нового жанра является одним из сигналов возникновения нового речевого сообщества с новой коммуникативной практикой.

Подводя итоги проведенному теоретическому обзору в области виртуальных жанров, я хочу подчеркнуть, что сделано ещё немного по сравнению с конвенциональной теорией жанров. Но следует учитывать, что данная область ещё относительно молода...

Здесь также правомерно задать вопросы: что виртуальное жанроведение меняет в устоявшемся учении о жанрах, что привносит

нового и каково практическое использование теории виртуальных жанров?

Литература и примечания

1. **Галкин Д.** Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. – Вып. 1–2. – 2000.
2. **Горошко Е. И.** Лингвистика Интернета: новое научное направления в лингвистике или как получить этот статус? (в печати). – 2007.
3. **Горошко Е. И.** Интернет-коммуникации в гендерном измерении // Вестник пермского университета. Вып. 3: «Язык – культура – цивилизация». – Пермь, 2006 (а).
4. **Горошко Е. И.** Интернет-коммуникация: проблема жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. – Орел, 2006 (б).
5. **Горошко Е. И., Саенко Н. А.** Жанровая экология Интернета // Наукові записки Луганського національного університету. Вип. 6. – Т. 3. – Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. пр. [Норми та парадокси свідомості й мислення]/ Луган. нац. пед. ун-т імені Тараса Шевченка. – Луганськ, 2006.
6. **Денисов А. В.** Веб-сайт как жанр Интернет-коммуникаций (на материале региональных телекомпаний) // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск: Красноярский ГУБ, 2004.
7. **Иванов Л. Ю.** Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи. – М., 2003.
8. **Компанцева Л. Ф.** Философия сети Интернет: школа Бернарда Лонергана и славянский опыт. – Луганск, 2006.
9. **Компанцева Л. Ф.** Проблема виртуального жанра // Ученые записки Таврического Национального Университета им. В.И. Вернадского. Серия «Філологія». – Симферополь. – 2005. – Т. 18 (57). – № 2.
10. **Макаров М. Л.** Жанры в электронной коммуникации quo vadis? // Жанры речи. – Вып. 4. – Саратов, 2005.
11. **Щипицина Л. Ю.** Дигитальные жанры: проблема дифференциации и критерии описания // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: Сб. науч. ст. – Ч. 1. – СПб, 2006.
12. **Arnold, J., Miller H.** Gender and Web Home Pages. Available on: <http://ess.ntu.ac.uk/miller/cyberpsych/cal99.html>. – 1999.
13. **Askehave, In., Nielsen, A.E.** What are the Characteristics of Digital Genres? – Genre Theory from a Multi-modal Perspective // Proceedings of the 38th Hawaii International Conferences on System Sciences –2005.
14. **Breure, L.** Development of the Genre Concept. Available on: <http://www.cs.uu.nl/people/leen/GenreDev/GenreDevelopment.html>. – 2001.
15. **Collot, M., Belmore, N.,** Electronic Language: A New Variety of English // Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspective. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1996.
16. **Crowston, K., Williams, M.** Reproduced and Emergent Genres of Communication on the World Wide Web // The Information Society. – vol.6. – 2000.
17. **Crystal, D.,** Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
18. **Dillon, A., Gushrowski, B. A.** Genre and the Web: is the Personal Home Page the First Uniquely Digital Genre? // Journal of the American Society for Information Science. – 2000. – Vol. 51, No 2.
19. **Erickson, T.** Social

Interaction on the Net: Virtual Community as Participatory Genre // Proceedings of the 30th Hawaii International Conferences on System Sciences. – 1997. 20. **Erickson, T.** Making Sense of Computer-Mediated Communication (CMC): Conversations as genres, CMC Systems as Genre Ecologies // Proceedings of the 33rd Hawaii International Conferences on System Sciences. – 2000. 21. **Erickson, T.** Rhyme and Punishment: The Creation and Enforcement of Conventions in an On-Line Participatory Limerick Genre. Available on: <http://www.visi.com/snowfall/limerick.html>. – 2005. 22. **Goroshko, O. I., Pavlova, L. V.** Netting Gender on the Political Web. – 2007. (In press). 23. **Finnemann, N. O.** Hypertext and the Representational Capacities of the Binary Alphabet. Available on: <http://www.hum.au.dk/ckultur/f/pages/publications/nof/hypertext.htm>. – 1999. 24. **Herring, S.** A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // *Language@internet*. Available on: <http://languageatinternet.de/articles/761>. – 2006. 25. **Herring, S. C., Scheidt, L. A., Bonus, S., Wright, E.,** Bridging the Gap: A Genre Analysis of Weblogs // Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences. – 2004. 26. **Hymes, D.** Foundations in Sociolinguistics: An ethnographic approach. – Philadelphia University of Pennsylvania Press, 1974. 27. **Machlup, F.** The Production and Distribution of Knowledge in the United States. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1962. 28. **Miller, H., Arnold, J.,** Self in web home pages: Gender, identity and power in cyberspace // Towards Cyber Psychology: Mind, Cognitions and Society in the Internet Age, Amsterdam: IOS Press, 2003. 29. **Orlikowski, W. J., Yates, J.,** Genre repertoire: The Structuring of Communicative Practices in Organizations // Administrative Sciences Quarterly. – 2000. – Vol. 33. 30. **Shepard, M., Watters, C. R.** The Evolution of Cybergenres // Proceedings of the 31st Annual Hawaii International Conference on System Sciences – 1998. 31. **Schmitz, U.** Schriftliche Texte in Multimedialen Knotexten // Weingarten, R. (Hrsg.) Sprachwandel durch Computer. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. 32. **Stein, D.** The Website as a Domain-Specific Genre // *Language@internet*. Available on: <http://languageatinternet.de/articles/LangInternetSpecialVolume1/374>. – 2006. 33. **Yates, J., Orlikowski, W. J., Okamura, K.** Explicit and Implicit Structuring of Genres in Electronic Communication: Reinforcement and Change of Social Interaction // Organization Science. – Vol. 10, No 1. – 1999.

¹ В современном научном дискурсе для описания жанров Интернет-коммуникации используются как взаимозаменяемые синонимы такие термины, как: *электронный жанр, гипержанр, виртуальный жанр, цифровой жанр, цифровой жанр и медийный жанр*. Последнее словосочетание употребляется как к описанию жанров в коммуникативном пространстве Интернета, так и в современных СМИ. В рамках этой статьи определения *цифровой жанр, электронный жанр,*

виртуальный жанр и *Интернет-жанр* являются синонимическими понятиями.

ДИГИТАЛЬНЫЙ ЖАНР: НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена анализу современного состояния виртуального жанроведения в лингвистике и теории коммуникации. Приводятся данные сопоставительного анализа, проведенного по материалам русскоязычной и англоязычной Интернет-коммуникации.

Основной итог исследования: по сравнению с конвенциональной теорией жанров парадигма виртуального жанроведения ещё не сложилась окончательно и цифровой жанр всё ещё остается малоструктурированным исследовательским объектом. Однако можно утверждать, что появление нового жанра является сигналом к возникновению нового речевого сообщества с новой коммуникативной практикой.

Ключевые слова: цифровой жанр, Интернет-коммуникация, лингвистика Интернета, виртуальное жанроведение.

ДИГИТАЛЬНИЙ ЖАНР: НОВІ ТЕОРЕТИЧНІ ПІДХОДИ ДО АНАЛІЗУ ПРОБЛЕМИ

У статті описано аналіз сучасного стану теорії віртуальних жанрів і теоретичне й практичне використання віртуальних жанрів у лінгвістиці й теорії комунікації. Наведено дані порівняльного аналізу, проведеного за матеріалами російськомовної й англійськомовної Інтернет-комунікації.

Основний підсумок дослідження: порівняно з конвенціональною теорією жанрів парадигма віртуальних жанрів ще не склалася остаточно, і віртуальний жанр ще залишається малоструктурованим дослідницьким об'єктом. Проте поява нового жанру є сигналом до виникнення нового мовного співтовариства з новою комунікативною практикою.

Ключові слова: цифровой жанр, Інтернет-комунікація, лінгвістика Інтернету, теорія віртуальних жанрів.

DIGITAL GENRE: NEW APPROACHES TOWARDS THE PROBLEMATIC AREA

The paper describes the current state of digital genre theory and practice in linguistics and theory of communication. The data of comparative analysis of digital genres research on the RuNet and EngNet are provided.

Main results are the following: the concept of digital genre theory hasn't been formed yet. It presents practically no-go area for home linguistics and Internet Studies. The appearing of new digital genre indicates about the

arising of new communicative community with new communicative practice on the Net.

Key words: Digital genre, Internet-communication, Internet-linguistics, virtual genres theory.

УДК 659.3:[81243:008]

Н.І. Зражевська
(м. Черкаси)

КОНТРКУЛЬТУРА В КОНТЕКСТІ ІНФОРМАЦІЙНОГО СУСПІЛЬСТВА

Проблема руху контркультури в інформаційному суспільстві майже не досліджувалася сучасними культурологами в аспекті поширення впливу медіа. Контркультуру переважно розглядали як наслідок зміни застарілих норм, як результат глобалізму, як опір буржуазним цінностям, як радикалізм молоді тощо (див., наприклад, такі праці: Л.Г. Ионин. Социология культуры (М., 1996); Т.Б. Щепанская. Система: тексты и традиции субкультуры (М., 2004); Г. Кнабе. Проблема контркультуры // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима (М., 1993); И. Голомшток. Тоталитарное искусство (М., 1994); В. Романов. Исповедь научного работника, или Утешение методологией. Три подхода к изучению культуры (М., 1997)).

Гіпотеза полягає у твердженні, що розповсюдження контркультури в інформаційному суспільстві безпосередньо пов'язане із впливом засобів масової комунікації на формування сучасної культури. Тому контркультурою можна назвати не лише радикальні молодіжні течії, а й тих громадян, які свідомо позбавляються у своїх домівках телевізорів, комп'ютерів чи, наприклад, обирають природній спосіб життя, позбавлений цивілізаційних благ. Особливої критики зазнають медіа, що уніфікують інформацію, створюючи «одновимірне мислення», «культурні продукти», «символічні цінності», «симулякри» та інші явища, яким намагаються чинити опір різноманітні субкультури.

Роль засобів масової інформації в маніпулюванні громадською думкою виявляється настільки вагомою, що вже навіть пересічний громадянин про це знає. ЗМІ, навмисно фабрикуючи повідомлення, що спотворюють реальну соціальну дійсність, без сумніву, намагаються маніпулювати масовою свідомістю. Те, що сучасні ЗМІ намагаються повністю контролювати розповсюдження інформації, яка визначає наші уявлення, установки, а зрештою й нашу поведінку, викликає протест серед багатьох діячів контркультури.

Відомо, що маніпуляції розумом людини є засобом її поневолення. Це один зі способів, за допомогою яких правлячі еліти намагаються підпорядкувати маси своїм цілям. Використовуючи міфи, що підтримують існуючий лад, маніпулятори забезпечують широку підтримку такого соціального устрою, який насправді не відповідає дійсним інтересам більшості.

Досягнення соціального контролю відбувається й у напрямку формування типу культури з низькими смаками, поверховими естетичними й духовними цінностями, за допомогою еkleктичних і фрагментарних знань без занурення в глибини сутності й змісту. Тому сьогодні рух контркультури намагаються також якомога швидше адаптувати до існуючої культурної ідеології, зробити ще одним фрагментом загальної масової культури.

Оскільки будь-які субкультури, контркультурні рухи потребують, так само, як і масова культура, засобів її розповсюдження, ЗМІ активно використовують різноманітні способи маніпуляції тими культурними явищами, що покликані зруйнувати маніпулятивний вплив.

Способів маніпуляції багато, але абсолютно очевидно, що головним є контроль на всіх рівнях над інформаційним апаратом і апаратом формування ідей. Тут діє просте правило ринкової економіки: володіти й керувати засобами масової інформації, як і всіма іншими видами власності, можуть лише ті, у чиїх руках капітал. Радіо- й телекомпанії, газети, журнали, видавництва належать конкретним корпораціям. Ми бачимо, що в ЗМІ постійно точиться «війна компроматів». Тільки наївні люди можуть вважати, що це продукти «свободи преси». Інформаційні монополії обмежують інформаційний вибір у всіх сферах діяльності. Вони пропонують лише одну версію дійсності – власну.

Контркультура виникає як протест проти інформаційної монополії, проти нав'язаних ЗМІ стереотипів у всіх сферах соціального і культурного життя. Поняття контркультури пов'язують із молодіжним рухом 60-х років, що досяг своєї кульмінації під час «травневої революції» 1968 р. в Парижі. Термін ввів у культурологічний обіг американський соціолог Т. Роззак, він вживається «...як позначення певної частини культурних явищ, що є протилежними офіційній культурі не з погляду реалізації гуманістично-моральних ідеалів, а як їх інше відображення.

Саме тому контркультура протистоїть культурі не як негативне чи вороже явище, а просто як інше. Але це інше потім може увійти в культуру, стати культурою» [2, с. 27]. Рух контркультури підірвав раціональне мислення, піднявши на рівень вищої цінності психологічне задоволення від легкої праці, невибагливого існування й відкритих стосунків з іншими людьми, природою й самим собою. Справжнє життя для такої ідеології не в економіці, а в гармонійних взаєминах між людьми.

Життєздатність, яку люди втратили наприкінці періоду раціоналізму, породила явище контркультури, і яких би вона форм не набувала – «діти квітів», культура наркотиків, «комуни», певні культи, – вона знаходить сенс у безпосередньому задоволенні, у вільному прояві поривів, у нерациональному чи ірраціональному типі поведінки, у турботі швидше про особистісні, ніж про виробничі потреби.

Насправді поняття «контркультура» деякі дослідники тлумачать досить широко: по суті, остання не є єдиним цілим, мова повинна йти скоріше про безліч «контркультур», тобто різних маргінальних рухів, протилежних основним, «легітимним» моделям поведінки у суспільстві.

Починаючи з руху контркультури 60-х років, коли контркультурні рухи стали відігравати помітну роль на Заході, відбулася рішуча зміна ставлення до них. Якщо припустити, що різноманітні контркультури охоплюють значну частину сьогоденного суспільства, то це дає підставу визначити його як суспільство «контркультур». Таким чином, можна зробити висновок, що в суспільстві кінця ХХ століття немає єдиної культури, існує безліч різних культур, що вказує на фрагментарну структуру сучасного суспільства. Маргінальні субкультури виходять на перше місце; виникає парадоксальна ситуація: меншини, будь то національні, сексуальні, релігійні, у своїй сукупності виявляються в більшості.

Деякі дослідники вважають, що «...подібна ситуація вказує на те, що світ стає ближчим до людини, – їй вже більше не треба підлаштовувати свою індивідуальність під загальну ідею, вона може повноцінно жити особистим життям, вибираючи власний фрагмент культурного простору, не оглядаючись на загальноприйняті стереотипи. Власне кажучи, світ є фрагментарним з погляду стороннього спостерігача, але з погляду того, хто безпосередньо включений у цей фрагмент, світ має досить цілісний вигляд, адже, найчастіше з усього різноманіття реальності людині доступний лише її світ, її фрагмент, її «контркультура», за межі якої їй не вирватися не тому, що це в принципі неможливо, а через те, що за межами свого світу для неї немає нічого важливого і значущого...» Слушна й думка професора Маффезолі: «...можна сказати, хоча б у гіпотетичній манері, що homo economicus, спрямований у майбутнє, до панування над природою, і homo politicus, що зачарований владою і голосуючий за чи проти неї, могли б поступитися місцем тому, кого можна назвати homo aestheticus, який цікавиться насамперед тим, як відчуті певні емоції в межах належності до тих чи інших малих груп» [1, с. 31].

Зазначимо, що провідні теоретики постструктуралізму Ж. Делез і Ф. Гваттарі, які досліджували специфіку проявів маргінального [3], також дійшли висновку, що в сучасному суспільстві існує тенденція поділу великих соціальних спільнот з традиційними й визначеними культурними стереотипами на малі групи зі своєю локальною культурою й маргінальними інтенціями. Подібні мікрогрупи французькі мислителі

назвали «племенами», що володіють власною «племінною психологією» й у цілому створюють «племінну культуру», інтегруються на рівні «групової солідарності». Зазначений Делезом і Гваттарі «новий трайбалізм» є ще одним підтвердженням реальності процесів культурної фрагментації в постіндустріальному суспільстві. Оскільки це суспільство своєю ідеологією пов'язане з процесами глобалізації, то виявляється цікавим, що велика кількість маргінальних рухів має саме антиглобалістський характер.

На зміну індустріальному капіталізму прийшов інформаційний мережевий глобалізований капіталізм. Інформація й знання набули пріоритетного значення в суспільстві. Новітні інформаційні та комунікаційні технології неймовірно розширили інтерактивні та індивідуалізовані властивості засобів масової комунікації. Проте науково-технічний прогрес не вирішив соціальні протиріччя. Більш того, він їх ще більше поглибив. Комп'ютеризовані комунікації перетворилися на могутній засіб посилення глобалізацій цих процесів. Новий світ комунікацій, пов'язаний з розвитком мультимедіа, став знаряддям влади, джерелом надприбутків транснаціональних корпорацій, символом надсучасності. Глобалізація пов'язана з можливістю зловживання владою. Інформаційна монополія може породити нову форму насильства, яка полягає у вишуканих формах маніпуляції свідомістю за допомогою ЗМІ.

Незважаючи на наявність конкурентної боротьби за аудиторію між основними телевізійними компаніями, умови, що визначають рамки пропонованих каналами програм, однакові. Ведучи жваву конкурентну боротьбу за завоювання якомога більшого числа глядачів, усі телекомпанії пропонують схожі за формою й змістом програми. Міфи створюються для того, щоб тримати людей у покорі. Коли їх вдається непомітно донести до свідомості мас, як це робиться за допомогою культурно-інформаційного апарату, міфи набувають величезної сили, бо більшість людей не підозрюють про маніпуляцію. Спеціальні методи передачі інформації роблять процес управління ще ефективнішим. Об'єктивні умови проведення масових маніпуляцій суспільною свідомістю як у політичних (передвиборчі кампанії), так і в фінансово-економічних цілях (яскравий приклад реклама фінансових пірамід) можна оцінити як достатньо високі.

Сьогодні дроблення або локалізація інформації є домінуючим методом її розповсюдження. З упродовженням в інформаційну систему нової інформаційної техніки фрагментація набуває ще одного значення. Потік незв'язаної інформації прискорюється настільки, що це викликає скарги на інформаційне перевантаження. Насправді кількість значущої інформації не збільшується. Подібно до того, як реклама заважає зосередитися й позбавляє інформацію цінності, нова й ефективна техніка обробки інформації дає змогу заповнити ефір потоками неякісної інформації (інформаційним шумом), що ще більше ускладнює для

індивіда й без того складні пошуки сенсу. Негайність передачі інформації пов'язана з методом фрагментації, і це сприяє посиленню маніпулятивних можливостей інформаційної системи. Швидкість передачі інформації навряд чи можна вважати позитивним явищем.

Зміст і форма засобів масової інформації забезпечують міфи найпотужнішою підтримкою. Кінцевою метою цього процесу є приведення індивіда до стану інертності, оскільки пасивність гарантує збереження статус-кво. В умовах ринкової економіки пасивність має як фізичне, так і інтелектуальне вимірювання, й обидва вони майстерно експлуатуються апаратом маніпулювання свідомістю.

Телебачення є лише найефективнішим засобом, що викликає стан пасивності індивіда. Саме з метою зниження соціально-політичної активності «крутяться» нескінченні латиноамериканські серіали, для молоді – усілякі бойовики й телешоу на кшталт «Кохання з першого погляду». Можна упевнено сказати, що для досягнення стану пасивності використовується не тільки телебачення. До появи телебачення існувало й існує багато засобів, що впливають на свідомість. Радіо, кіно, масові видовищні види спорту й велика кількість більш-менш значних шоу й проектів використовуються для послаблення здатності людей до протидії. Хоча більшість подібних розваг не вимагають від індивіда участі, принаймні у фізичному сенсі, але й в основних видах розважального мистецтва (радіо, телебачення, кіно) не міститься нічого, що могло б вивести його зі стану розумового заціпеніння. Звичайно, зрідка з'являються передачі, що будять свідомість і концентрують увагу на важливих проблемах. Але вони не можуть приховати головної мети ЗМІ – пропагування примирення з соціальною та економічною дійсністю.

Тому рух контркультури у своєму змісті нонконформістський, він покликаний підірвати авторитет масової культури, що створюється за допомогою ЗМІ, і нейтралізувати її результат – маніпулятивний вплив на людей.

Проте «віртуальний світ» глобальної влади повсюдно витісняє зі сфери прийняття рішень локальні співтовариства, позбавляє їх самотності й внутрішньої цінності.

Інформаційному капіталізму необхідно приховати проблеми, які він не спроможний вирішити: бідність, нерівність, безробіття. Він не в змозі надати більшості мешканців земної кулі можливість використання благ технологічного прогресу. Поступово в глобальному масштабі починає складатися дворівневе інформаційне суспільство. Вищий ступінь займає панівна високоорганізована меншина – багаті країни. На нижчому щаблі знаходяться малорозвинені країни, у яких живе велика частина людства. Таким чином, виникають «чорні дірки» інформаційного капіталізму, у яких акумулюється руйнівна енергія протесту.

Тому розвиток сучасних форм тоталітаризму супроводжувався й супроводжується появою нових «антиавторитарних» соціальних рухів.

«Нові ліві», «ситуаціоністи», представники контркультури, автономісти, сквотери, радикальні екологісти, альтернативісти, бітники, хіппі – усі ці близькі за духом об'єднання бунтівної молоді висунули нові соціальні програми перетворення світу. Ідеологія цих рухів неймовірно багата й різноманітна. Вона вміщує постмодернізм, анархізм, містичні форми радикального екологізму, луддизму, персоналізму, радикального фемінізму та інші, іноді навіть далекі від політики, учення. Саме ці рухи наприкінці ХХ століття стали кристалізуючими центрами формування всесвітньої антиглобалістської інформаційної мережі.

Однією з основних вимог антиглобалізму (і як його частини – контркультури) є здійснення права на комунікацію. На думку представників цих поглядів, необхідна загальна інформатизація світової спільноти. Комп'ютеризація повинна супроводжуватися демократизацією інформаційних систем. Усі члени суспільства повинні мати рівні можливості щодо доступу до ЗМК, до отримання й виробництва інформації. Вимоги антиглобалізму збіглися зі сподіваннями західної інтелігенції. Представники міжнародного Руху на захист культурного середовища та експерти Ради Європи дійшли аналогічних висновків. На відміну від них представники сучасних «антиавторитарних» рухів уже перейшли до здійснення своєї програми. У межах «глобального села» вони створюють свій інтернаціональний «віртуальний світ», світ спілкування й діалогу. Планета оповита мережею альтернативних засобів комп'ютерної комунікації. Існує безліч альтернативних відеостудій, Інтернет-кафе, інформаційних інтерактивних клубів і центрів. Але все це лише створює ілюзію вибору. Насправді потік інформації підпорядковується жорстким правилам його подання.

Контркультура чинить опір репресивній дійсності й створює все нові й нові форми, змістовно заперечуючи цінності масової культури. І питання полягає в тому, наскільки цей рух може бути продуктивним у виробленні таких альтернативних цінностей, які б функціонували на користь духовному та інтелектуальному розвитку суспільства.

Література

1. **Атчикова М. С.** Средства массовой коммуникации в системе современной информационной культуры: Дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-н/Д., 2002.
2. **Губерський Л.** та ін. Культура. Ідеологія. Особистість. – К., 2002.
3. **Делез Ж. Гваттари Ф.** Капіталізм і шизофренія: Анти-Едип. – Цит. за елект. досьє: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>.
4. **Козловски П.** Культура постмодерна. – М., 1997.
5. **Этциони А.** Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.

КОНТРАКУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается проблема влияния средств массовой информации на движение контркультуры. Раскрываются механизмы социализации субкультуры с помощью масс-медиа.

Ключевые слова: информационное общество, масс-медиа, контркультура.

КОНТРАКУЛЬТУРА В КОНТЕКСТІ ІНФОРМАЦІЙНОГО СУСПІЛЬСТВА

У статті розглядається проблема впливу засобів масової інформації на рух контркультури. Розкриваються механізми соціалізації субкультури за допомогою мас-медіа.

Ключові слова: інформаційне суспільство, мас-медіа, контркультура.

COUNTERCULTURE IN THE CONTECT OF INFORMATIONAL SOCIETY

In article the problem of influence of mass media on movement of a counterculture is considered. The author investigates mechanisms of socialization of subculture by means of mass-media.

Key words: informational society, mass media, counterculture.

УДК 811.111'06'27:004.9

Р.К. Махачашвілі
(м. Запоріжжя)

ЛІНГВАЛЬНЕ ПОЗИЦІОНУВАННЯ ЛЮДИНИ В ІНТЕРНЕТ-ПРОСТОРИ (на матеріалі інновацій англійської мови)

Широкомасштабне впровадження новітніх технологій, становлення та розгалуження сфер «віртуальної реальності» призводить до виникнення якісно нових модусів людського існування. На очах сучасного покоління відбувається зсув «епіцентру» життя світового суспільства з реального світу в реальність умовну, «віртуальну», створену за допомогою комп'ютерної техніки. Це, за зауваженнями дослідників, сприяє процесам «глобалізації» та всесвітньої інтеграції [1–3].

Цілком логічним, на нашу думку, є припущення, що в техногенній реальності, так само, як і за її межами, Людина представляє собою фундаментальний параметр антропних засад існування. Тим більше таке твердження є справедливим для віртуального простору, оскільки він є продуктом людського розуму. Техногенна реальність являє собою штучний антропний простір, який складається з поєднання необмеженої кількості індивідуальних самостей, мовна свідомість яких є саме тою ферментуючою засадою, на якій безпосередньо базується актуалізація віртуального буття. Отже, людина в техносфері є не просто «користувачем», вона є центром нового, лінгвоекзистенційного континууму.

Екзистенційна категорія «*перевтілення*» (своєрідним проявом якого ми вважаємо розташування людської особистості в координатах штучної комп'ютерної дійсності), за твердженням дослідників, має принципову значущість для людського світовідношення. Ця категорія задає якісно своєрідну «позиціональність» способу існування. Так, Х. Плесснер небезпідставно пов'язує розколотість людського існування з «розривом природи» людини [5, с. 126], який спричинено різким переходом від буття всередині власної плоті до буття поза останньою (порівняймо: «техногенне буття, буття у віртуальному просторі»). Окреслена розколотість дістає вияв і в способах, за допомогою яких людина прагне її компенсувати. Такі амбівалентні способи людського самоствердження кваліфікуються як «основні антропологічні закони» [6–8].

Об'єктивні закони антропного буття, вочевидь, можуть бути застосовані та адекватним чином виконуються не лише в межах «реального» світу, а й у домені «комп'ютерної реальності», яка, у свою чергу, першочинно вибудовується та відтворюється на засадах антропоцентричності, які поступово трансформуються в принципи так званої «антропосферичності». Під останніми ми пропонуємо розуміти узагальнені паттерни «філогенетичного» освоєння штучного екзистенційного середовища і чинного розвитку останнього згідно зі структурами «первинної» (докомп'ютерної) екзистенції. Отже, метою цієї статті є розгляд лінгвальних параметрів актуалізації статусного позиціонування людини в межах техногенного континууму.

Кіберпростір представляє собою продукт людського розуму. Разом з тим, структура техногенної дійсності здебільшого відтворює відповідні елементи структури реального (некомп'ютерного) буття. Саме тому в межах техногенного континууму Людина представляє собою центральний конститuent техносфери сучасного буття. Проте, цілком логічно припустити, що позиція Людини у віртуальній дійсності дещо відмінна від її статусу в реальному світі. Відповідно параметри когезії антропного середовища в межах техногенного континууму набувають якісного переосмислення.

Так, наприклад, до таких належить ціла низка лексичних новотворів, які позначають нову «Інтернет-генерацію»: *N-Gen* або *Gen N* (*Net Generation*), *Generation I* (*information / Internet*), *Generation D* (*digital*) – «перше покоління дітлахів, які вирости в Мережі», *Gen WWW*, *dot-com generation* *MillGen* – «покоління американців, які народилися після 1981 року» (тобто ті, кому у 2001 році виповнилось 20 років і від кого залежатиме доля техногенного суспільства в новому тисячолітті). Як бачимо, інтегративним компонентом наведених вище одиниць (як у лінгвальному, так і в екстралінгвальному аспекті) є залученість до новітніх комунікаційних засобів.

У свою чергу, категорію спорідненості певною мірою нівельовано в межах Інтернет-суспільства. Тому поняття, пов'язані з цією категорією, можуть бути протиставлені термінам віку користувачів Мережі. Вартими уваги, у зв'язку з цим, на нашу думку, є такі новоутворення, як: *screenager* (телескопічне злиття лексем «screen» та «teenager») – «підліток, який народився та виріс у комп'ютерну епоху», *disk dancers* – «діти, які надмірно захоплюються мережевими іграми», *script kiddies* – «неосвічені та невмілі «хакери», які намагаються дістатися до ядра комп'ютерних програм, залучаючи програмне забезпечення, що ці програми руйнує», *kiddiot* (телескопічне поєднання лексем «kid» та «idiot») – «молодий, лютий «хакер», який є недостатньо досвідченим або вправним для того, щоб створювати «зламні» програми, і тому має користуватись доробком інших». Потребує уваги той факт, що майже з усіх наведених одиниць чітко простежуються дві смислові домінанти:

1) молодий вік «референтів» (до складу всіх зазначених одиниць у певній формі залучено сему «дитина, підліток»);

2) брак професійного / життєвого (у даному випадку – «комп'ютерного») досвіду (наданий параметр може вважатись логічним наслідком першої поняттєвої домінанти).

З огляду на вищесказане, маємо зауважити, що наданий фрагмент категорійної схеми системи комп'ютерної термінолексики є носієм певної «футуристичної» (тобто «майбутнісної») динаміки в поняттєвому аспекті (від молодого – до дорослого, від неосвіченості – до досвіду).

Необхідно зауважити, що система соціальних зв'язків «людина – техносфера» набуває, за результатами наших спостережень, лексико-семантичними засобами закріпленого дуалістичного характеру. З одного боку, активна інкорпорація новітніх технологій до соціального життя, лояльність до поступу науково-технічного прогресу. А з іншого – різко негативне, вороже та вкрай обачливе ставлення до комп'ютеризації та всього, що може бути пов'язане з цифровою мережею. Зауважимо, що суб'єкт такого відношення зазвичай визначається як *Internot*. Адже, на нашу думку, діалектична природа комп'ютерної дійсності виявляється саме в тому, що заперечення зв'язків з техносферою, власне, і складає особливий тип такого зв'язку.

Як уже зазначалось у наших попередніх розвідках, категорії Простору та Часу є основоположними параметрами комп'ютерної реальності. З огляду на це маємо денотувати, що знання є категорією перцепції цих параметрів людським розумом, а отже, може сприйматись як один з параметрів позиціонування Людини в межах даної дійсності. Таким чином, ретельне дослідження лексичної парадигми, що співвідноситься з поняттям «користувач комп'ютерної Мережі» дозволить нам відстежити, так би мовити, «статус» знання в соціосистемі віртуальної дійсності.

Основну масу осіб, які безпосередньо використовують комп'ютери у своїй діяльності, можна умовно поділити на два великі класи: ті, хто знає, як впливати безпосередньо на «природу» віртуального буття і ті, хто не знає, як змінювати його об'єктивні показники, і тому використовують мережу виключно з прикладною метою (інакше кажучи: спеціалісти-фахівці та ті, кого умовно можна позначити терміном «користувачі»).

Наголосимо, що одним з наріжних понять, які визначають еволюцію концепції Знання в комп'ютеризованій дійсності, може вважатись так званий «інформаційний харчовий ланцюжок» («*information food chain*»).

Необхідно зауважити, що надане новоутворення має лише метафоричний асоціативний зв'язок з біологічною термінологічною парадигмою. Воно сигніфікує процес переродження Інформації з первинного стану (*raw data / bits*) до *assimilated data*, що, власне, і складає в термінах комп'ютерної сфери знання як таке. Більше того, представлене фразеологічне новоутворення застосовується для позначення процесу перетворення «комп'ютерного» новачка на експерта [8, с. 4]. У свою чергу, світ спеціалістів з виробництва комп'ютерної техніки отримав десигнацію *computerdom* (тут ми знову стикаємось з випадком телескопії, аналогічним тому, що був розглянутий вище).

Слід відзначити наявну тенденцію до концентрації лексичних одиниць, що позначають професіоналів галузі новітніх цифрових технологій навколо понять, смисловою домінантою яких є концепція Знання. Так, найбільш широкого розповсюдження, за даними наших спостережень, набули такі словотвірні елементи, як *-guru*, *-geek* та *-savvy*. Вони являються основою для таких новоутворень, як *cyber-guru*, *cyber-geek* (*technogeek*) або *computer-savvy* (*net-savvy*).

Видатні, визнані авторитети в галузі новітніх технологій, які складають так звану «кібереліту» (*cyberelite*), позначаються поняттями *cyber-guru* або *cyberati* (*digerati*). Необхідно звернути увагу, що остання словотвірна модель набула надзвичайної популярності в сучасній англійській мові. Суть її полягає в зрощенні відповідного словотвірного елемента зі словом «*literati*», що останнім часом функціонує в значенні «висококваліфікована людина, професіонал».

Взагалі, особи, які володіють навичками роботи з комп'ютерною технікою, останнім часом стали номенуватись термінами *cybersavvy*, *computersavvy*, *net-savvy*, які концентруються навколо нового словотвірного елемента *-savvy*, вживаного в значенні «компетентний, той, хто володіє необхідними знаннями». Зауважимо, що лексична одиниця *savvy* потрапила до англійської мови як перекручення французького глаголу «*savoir*» – знати [9, с. 1267]. Як бачимо, одне й теж поняття комп'ютерного «профі» сприяє виникненню цілої низки синонімічних словотвірних елементів.

Подібний випадок синонімії споглядаємо при номінації комп'ютерного користувача (*cyberuser*), до нестями захопленого своїм персональним комп'ютером. З одного боку, для позначення особи, насправді завзятої, в англійській мові став функціонувати елемент – *junkie*. Таким чином, за аналогією з преіснуючими зразками, виникли неологізми *computer-junkie*, *cyber-junkie*, *data-junkie*.

А з іншого боку, в середовищі «комп'ютерної» лексики виникають нові елементи, покликані репрезентувати явище «хворобливої адикції» до «розумної машини». Прикладом може слугувати синонімічна міні-парадигма новоутворень, що містять високопродуктивний у сфері комп'ютерної лексики елемент *-head*: *wirehead*, *Nethead*, *digithead*, *chiphead*, *etc*. Виділяють також особливу категорію «комп'ютерних зануд», які не цікавляться нічим, окрім ПК: *cybergeek*, *techno-geek*, *computer nerd*.

Однак різниця між новачком та професіоналом на певному етапі «комп'ютерного філогенезу» може бути репрезентована дещо амбівалентними лінгвальними засобами. Лексема *knewbie*, на нашу думку, може слугувати наочною ілюстрацією наведеної тези. Наданий неологізм втілює загальне визначення техно-професіоналу, однак, у свою чергу, є омофоном іншого новоутворення – *newbie*, яке застосовується для позначення «комп'ютерного початківця».

Варто наголосити, що перший з наведених термінів (*knewbie*) синтезує в собі (як на поняттєвому, так і на формальному рівні) дві діаметрально протилежні категорії «користувачів» комп'ютерної мережі (і, як наслідок, типів Знання). Отже, у такий спосіб актуалізовано передумову для переосмислення усталеної стратифікації.

З вищезазначеного стає очевидним, що в безпосередніх мовних репрезентаціях термінологічної парадигми, яка співвідноситься з поняттєвою дихотомією фахівець / нефахівець у комп'ютерній сфері, компонент наявності або відсутності знання актуалізується як на глибинному (поняттєвому), так і на експліцитному (словотвірному) рівнях.

Більше того, необхідно зауважити, що мовна актуалізація концепції «ЗНАННЯ» в межах комп'ютерної антропосфери відбувається такими основними способами:

1) шляхом прямої (безпосередньої) вербалізації (тобто залучення до складу відповідної одиниці лексем або фрагментів лексем, що повністю співвідносяться з поняттям / концептом «знання», є його номінацією: *chief knowledge officer, knowledge engineer, newbie, cyber-savvy, Net-savvy*);

2) за рахунок «вторинної семантизації» (тобто такого поступового переосмислення загальноживаних мовних одиниць у межах технопростору, у результаті якого до семантичної структури наданих одиниць «імплантується» архісема «фахівець сфери новітніх технологій»: *geek, nerd, avatar, freak etc.*).

У той самий час референти «НЕзнання» в межах комп'ютерної системи підлягають подальшій градації. Зокрема, їх можна розподілити на такі групи:

а) ті, хто використовує Мережу виключно з метою винайти інформацію (позначаються одиницею *read-only users*);

б) такі, хто не є знайомими з усім спектром можливостей Всесвітньої комп'ютерної мережі (так звані «*shiftless*»);

в) «комп'ютерні непрофі» – особи, які використовують Мережу інтуїтивно, не маючи достатніх навичок, щоб маніпулювати комп'ютерною дійсністю (для позначення цієї групи використовується лексема «*luser*», що її було утворено за аналогією з загальноживаною одиницею «*looser*»).

Зауважимо, що, на перший погляд, представлену одиницю утворено шляхом нерівнозначного телескопічного зрощення двох лексем «*looser*» та «*user*». Однак, можливо, більш доцільно в наведеному випадку вести мову про застосування самобутнього словотвірного механізму «омофонічної» та частково «омографічної» аналогії, що є досить розповсюдженим у межах корпусу комп'ютерної термінологіки.

Нерідко в межах комп'ютерної дійсності трапляються зразки вдалої «мімікрії» відсутності досвіду під наявність знань. Таким чином, користувач, який постійно має звертатись до чужих HTML-ресурсів, для того, щоб виглядати більш компетентно, сигніфікується одиницею «*paster-boy*», а, в свою чергу, користувач, який претендує на глибокі знання в комп'ютерній галузі, але не має навіть базових навичок, репрезентується як «позер» (*poser*).

Варто зауважити, що в обох наведених випадках до поняттєвого плану репрезентованих одиниць залучено (у модифікованій формі) фрагмент постмодерністської концепції «маски», який, у свою чергу, виявляється одним з провідних чинників у процесі формування біхевіористичного паттерну представників віртуального суспільства [10, с. 124]. А отже, маємо зазначити, що в такий спосіб відбувається інкорпорація додаткових вимірів і, як наслідок, ускладнення «шарової ієрархії лінгво-екзистенційної ідентифікації індивіда» в межах техносфери.

Маємо наголосити, що безпосередньо поняття «знання» в цьому контексті набуває досить незвичного смислового навантаження, а його опозиція до НЕзнання носить досить специфічний характер. Говорячи про комп'ютерних непрофесіоналів, необхідно мати на увазі, що цих персон не ізольовано від процесу технічної революції, навпаки, вони досить успішно застосовують її здобутки на повсякденному рівні. Отже, умовно їх можна віднести до домену «знаючих». Однак рівень їх проникнення в сутність функціонування кіберпростору наближається до нуля.

Парадоксальність ситуації полягає в наступному: за ствердженням деяких сучасних соціологів, провідна функція феномену НЕзнання в житті людства полягає у своєрідному захисті навколишнього середовища [11; 12]. Таким чином, маємо дістати висновку, що «пересічні користувачі» комп'ютерного простору можуть внести набагато більший доробок у подальший розвиток техносфери, ніж ті, хто на даному етапі знаходяться на вищому стратифікаційному рівні («фахівці»), у силу апріорної схильності людської натури до «вертикального» напрямку розвитку та саморозвитку, а також з огляду на відсутність руйнівного компоненту в їх діяльності.

Як і в кожному суспільстві, у «віртуальному» світі найгостріше стоїть питання злочинів (звісно, «віртуальних») – *cybercrime*, *Internet-crime*. Окрему категорію технологічних злочинів складає так званий «кібертероризм» – *cyberterrorism* або *cybotage* – підготування та проведення терактів за допомогою сучасних технологій. Важливо звернути увагу на те, що гострої актуальності таке явище набуває після жаклих подій вересня 2001 року в Нью-Йорку. Особа, яка здійснює такі теракти, позначається відповідно *cyberterrorist* або *cybersaboteur*.

Але найбільше добропорядні користувачі страждають усе-таки не від терористів, а від комп'ютерних шахраїв (*cybercrook*) та комп'ютерних злодіїв (*cyberthief*), які викрадають програми. Визначну категорію «кіберзлочинців», які формують «маргінальний» шар комп'ютерного суспільства [13; 14], складають хакери (*hackers*), які можуть проникати майже до будь-якої комп'ютерної системи з метою викрадення інформації. Найбільш майстерні з них отримали назву *superhackers* або *überhackers*. Необхідно звернути увагу на те, що префікс *über-*, який було запозичено з німецької, де він має значення «над», на даному етапі функціонує в англійській мові паралельно з префіксом *super-* як тотожний йому.

Окрім того, одиниця *hacker* може бути врахована як досить продуктивний словотвірний елемент. Так, на його основі виникла номінація електронного приладу, створеного для захисту від стороннього втручання в комп'ютерну систему: *hacker-watch*. А комп'ютери, захищені від подібного втручання, відтепер одержали означення *hackerproof*.

На поняттєвому рівні середовище «техногенних злочинців» також підлягає своєрідному розгалуженню. Лексико-поняттєве протиставлення відбувається за двома основними напрямками:

1) тяжіння до «позитивного» полюсу – діяльність, що має на меті не руйнування техносфери, а експериментальне дослідження її параметрів та ознак (*white-hat hacker, ethical hacker*);

2) тяжіння до підкреслено девіантної, асоціальної поведінки в межах Інтернет-спільноти (*malicious hacker, dark-side hacker*).

Зауважимо, що з наведеною антропонімічною парадигмою також співвідноситься й онтологічне субутворення в межах технопростору – так звана «темна мережа» (*darknet*).

Необхідно підкреслити наявну тенденцію до експлуатації «лицарської» метафоріки (*white-hat, dark-side*), при чому не лише первинної, а й належним чином переосмисленої крізь образно-концептуальну призму культової фантастичної епопеї «Зоряні війни». Звернімо увагу також на специфічне застосування концептуальної опозиції «Світло – Темрява» (функціонування якої, вочевидь, відбувається в термінах опозиції «Добро – Зло»).

Таким чином, маємо зробити висновок, що сфера новітніх комп'ютерних технологій на сучасному етапі є невичерпним джерелом збагачення терміносистеми сучасної англійської мови. Процес цей відбувається як за рахунок «техноспрямованої» переорієнтації загальноживаних мовних одиниць, так і шляхом створення цілком нових, притаманних лише цій сфері словотвірних елементів. Крім того, функціонування «віртуального» суспільства постійно поповнюється новими аспектами, запозиченими з буття «реального», що не просто тягне за собою розвиток лексичного складу сучасної англійської мови, а й зумовлює необхідність подальшого дослідження параметрів соціоцентричної типологізації новоутворених одиниць за відповідними галузями.

Література

1. **Грицанов А.А.** Виртуальная реальность // Энциклопедия постмодернизма. – Мн., 2001.
2. **Носов Н.А.** Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития. – М., 1996.
3. **Тапскотт Д.** Электронно-цифровое общество. – М., 1999.
4. **Плесснер Х.** Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. – М., 1989.
5. **Александров И.А.** Человек в антропном мире. – М., 1999.
6. **Флеер А.Я.** Культура // Культурология. XX век. – СПб., 1998.
7. **Taylor C.** Phylosofical Antropology // Encyclopaedia Bratannica. – 2002.
8. **Heim M.** The Metaphysics of Virtual Reality. – LA, 1993.
9. **Webster's** Third New International Dictionary. – Danbury, Ct., 1993.
10. **Каракко П.С.** Виртуальная реальность // Постмодернизм: Энциклопедия / Отв. ред. А.И. Мерцалова. – Мн., 2001.
11. **Диброва К.Ю.** Лингвистические аспекты языковой относительности // Вопр. языкознания. – 1996. – № 10.

12. **Nardi B.A.** Information Ecologies: Using Technology with Heart. – Cambridge, 1999. 13. **LiCalzi P.** Researchers Classify Cyberstalkers Based on Interviews // The New York Times. – 2003. – Oct. 13. 14. **Wagner D.** Software Security // Austin-American Statesman. – 2003. – Sept. 4.

**ЛИНГВАЛЬНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА
В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ
(на материале инноваций английского языка)**

Статья посвящена инновационной лингвальной манифестации параметров антропных статусов в рамках Интернет-континуума. В частности, рассматриваются проблемы языковой актуализации экзистенциального позиционирования в техногенном пространстве.

Проблематика статьи фокусируется на аспектах лингво-социальной стратификации с учётом возрастных и гносеологических параметров.

Ключевые слова: лингвальная инновация, техносфера, онтологический статус человека, лингвоэкзистенциальное позиционирование.

**ЛІНГВАЛЬНЕ ПОЗИЦІОНУВАННЯ ЛЮДИНИ
В ІНТЕРНЕТ-ПРОСТОРИ
(на матеріалі інновацій англійської мови)**

Стаття присвячена інноваційній лінгвальній маніфестації параметрів антропних статусів у межах Інтернет-континууму. Зокрема, розглядаються проблеми мовної актуалізації екзистенційного позиціонування в техногенному просторі.

Проблематику статті зосереджено на аспектах лінгвосоціальної стратифікації з огляду на вікові та гносеологічні параметри.

Ключові слова: лінгвальна інновація, техносфера, онтологічний статус людини, лінгвоекзистенційне позиціонування.

**LINGUAL POSITIONING OF THE HUMAN IN TERMS
OF INTERNET CONTINUUM
(on the basis of English language innovations)**

The article deals with innovative lingual manifestation of human status parameters within the Internet reality. Namely, the current issues of existential positioning lingual actualization in terms of computer-generated reality are tackled.

The aspects of lingo-social stratification according to temporal and gnoseological parameters are the primary focus-point of the article.

Key words: lingual innovation, technosphere, ontological human status, linguoexistential human ranking.

А.Н. Саенко
(г. Харьков)

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФОРМ РЕЧИ В КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Развитие Интернета создало такие условия коммуникации, которые до сих пор не были возможны, и привело к возникновению ее нового типа – компьютерной (computer-mediated communication). Одной из языковых особенностей компьютерной коммуникации является смешение признаков устной и письменной форм речи на всех языковых уровнях, что дает основание говорить о возникновении новой, гибридной формы речи, обслуживающей компьютерную коммуникацию [21, с. 32].

Целью данной статьи стал анализ признаков устной и письменной форм речи и зависимость проявления таких признаков в различных формах компьютерной коммуникации.

Для достижения указанной цели мы обратились к анализу существующих классификаций форм электронной коммуникации и описанию признаков устной и письменной речи, характерных для разновидностей электронной коммуникации.

Компьютерная коммуникация – это коммуникативное действие, связанное с обменом информацией и общением между людьми посредством компьютера [6]. Конститутивными признаками компьютерной коммуникации являются [1; 6; 13; 18; 23; 30]:

– использование электронного сигнала как канала для коммуникации и опосредованность (общение с помощью технических средств);

– виртуальность и высокая степень проницаемости;

– образование в Интернете коммуникативных областей (чата, форумов или гостевых книг), в которых какой-либо предварительный статус субъектов зачастую отсутствует;

– интенсификация трех измерений коммуникации, а именно: количества (сохранение относительно большого объема информации в относительно малом физическом объеме), времени (информация в Интернете может актуализироваться ежечасно и ежеминутно), пространства (гипертекстовая структура веб-страниц);

– быстрый поиск и вывод на экран нужной части информации по ее формальным признакам;

– интерактивность Интернета как средства массовой коммуникации;

– возможность нелинейного поиска информации, обусловленная гипермедийным способом ее представления;

– наличие контроля над поиском и получением информации, позволяющее пользователям занимать активную позицию в коммуникационном процессе;

– широкий выбор средств, используемых для представления информации.

Компьютерная коммуникация осуществляется в разных формах, при выделении которых исследователи основываются на ряде экстралингвистических признаков [6; 9; 15; 22; 24]:

– синхронность/асинхронность коммуникации;

– частота обновления информации;

– модель коммуникации по числу участников (отправителей и получателей информации);

– уровень использования возможностей мультимедийной среды (аудио-визуальной информации, ее гипертекстовой структуры и пр.).

Указанные признаки могут быть представлены в виде непрерывных линий (континуумов), изображающих интенсификацию каждого признака [9].

На сегодняшний день различают следующие основные формы компьютерной коммуникации:

– электронная почта (асинхронная коммуникация, число отправителей – один, число получателей – один);

– электронная почта по спискам рассылки (асинхронная коммуникация, число отправителей – один, число получателей – все абоненты списка);

– netnews – новости (асинхронная коммуникация, число отправителей – один, число получателей – неопределенное множество);

– BBS (Bulletin Board System) – электронные доски объявлений (асинхронная коммуникация, отправитель – многие, получатель – многие);

– компьютерные конференции, представляющие собой дистантное общение с помощью компьютера по какой-либо проблеме. Специфика компьютерной конференции состоит в неограниченном количестве участников, возможности ознакомиться со всеми выступлениями, получить текст в сжатом виде;

– talk – программа, устанавливающая прямую связь с другим компьютером в Интернете и позволяющая осуществлять интерактивную коммуникацию с другими пользователями (синхронная коммуникация, отправитель – один, получатель – один);

– IRC (Internet Relay Chat) – чат (синхронная коммуникация, отправитель – многие, получатель – многие). Участники общения набирают текст на клавиатуре, и этот текст моментально передается на дисплей компьютера всех участников коммуникации;

– форумы и гостевые книги (асинхронная коммуникация, неопределенное множество участников);

– веб-тексты, к которым относятся электронные тексты с гиперструктурой и линейной структурой (например, тексты в формате pdf), размещенные на веб-сайтах;

– ICQ – компьютерная программа и сетевой протокол, реализующий мгновенную отправку и получение текстовых сообщений; программа, предназначенная для межличностного и группового общения. Поиск адресатов по задаваемому набору признаков позволяет найти любого пользователя, подключенного к этой программе. Данная программа предоставляет возможность установки различных режимов доступа пользователей – чата или электронной почты [6; 15; 22; 24].

Таким образом, можно сделать вывод, что определяющее воздействие на возникновение и развитие форм компьютерной коммуникации оказывает технологический фактор.

Анализ элементов устной и письменной речи, проявляющихся при компьютерной коммуникации, предполагает четкое понимание того, какие признаки являются характерными для той или иной формы речи.

Различия между письменной и устной формами речи определяются, в первую очередь, способом кодирования (соответственно графическим vs. акустическим кодом) и – как следствие, – характером адресата (отсутствующий vs. присутствующий), а также механизмом порождения и восприятия речи.

Различие графического и акустического кода находит свое отражение в различных видах норм: в письменной речи это орфографические, пунктуационные и каллиграфические требования, а в речи устной – орфоэпические.

Кроме того, код определяет выразительные возможности речи. При устном общении главную роль в создании выразительности играют средства звуковой выразительности, жесты, мимика [26]. Выразительность письменной формы речи создается, в том числе, благодаря использованию паралингвистических средств письменного текста, к которым относятся графическая сегментация текста и его расположение на бумаге, длина строки, пробелы, шрифтовые выделения, цвет, типографские знаки, графические символы, цифры, вспомогательные знаки (например: №, %, +, –), средства иконического языка (рисунок, фотография, карикатура, таблица, схема, чертеж и др.) [3].

Принято также считать, что устная речь диалогична и ориентирована на конкретного адресата в конкретной ситуации, а письменная – принципиально монологична, причем текст при письменной коммуникации продуцируется чаще всего без учета ситуации [4, с. 22].

На наш взгляд, утверждение о том, что при письменной коммуникации не принимается во внимание фактор адресата и коммуникативной ситуации, требует уточнения. В рамках антропоцентричной парадигмы в лингвистике адресованность,

характеризующая направленность текста на адресата [5; 11], рассматривается как категория текста, т. е. как его типологический признак [5; 12; 16]. Скорее всего, можно говорить о том, что по причине опосредованности письменной коммуникации продуцент не имеет возможности получить реакцию адресата, а следовательно, убедиться в эффективности коммуникации непосредственно в момент речепроизводства. Мы предлагаем обозначить данное отличие как скорость реакции адресата на сообщение. Таким образом, устное общение характеризуется высокой скоростью реакции на сообщение, а письменное – низкой.

Что касается механизмов порождения и восприятия письменной или устной формы речи, то письменная речь отличается подготовленностью, при создании письменных текстов существует возможность редактирования, а их восприятие является асинхронным. Устная речь порождается в большинстве случаев спонтанно, а воспринимается синхронно [4; 22; 32].

Зачастую именно спонтанность или подготовленность речи определяет ее грамматические и лексические особенности. Отсутствие заданной синтаксической структуры высказывания при спонтанной устной речи [7] приводит к тому, что устная речь характеризуется более простыми синтаксическими структурами, чем письменная речь, повторами, неполными предложениями, речевыми сбоями [4; 10; 22]. Кроме того, в условиях дефицита времени при спонтанном устном общении при неразработанности активного словаря, т. е. недостаточной сформированности механизма подбора адекватных слов, и некоторой сложности речевого задания в неподготовленной речи возникают оговорки, замены, исправления [7]. Говорящий стремится оперировать меньшим количеством слов, чем пишущий, поэтому устную форму речи отличает более низкий индекс лексического разнообразия. Устная и неподготовленная речь характеризуются менее высокими показателями данного индекса (0,5 и 0,52 соответственно), чем письменная и подготовленная (0,7 и 0,68 соответственно) [7; 20].

Таким образом, различия между устной и письменной речью можно суммировать следующим образом:

- акустический код в устной речи, графический – в письменной;
- орфоэпические нормы в устной речи, орфографические, пунктуационные и каллиграфические требования – в письменной;
- присутствующий адресат при устном общении, отсутствующий – при письменном;
- устное общение организуется в виде монолога, диалога или полилога, письменное – в форме монолога;
- устная речь в большинстве случаев спонтанна, письменная речь является подготовленной;
- восприятие при устном общении является синхронным, при письменном – асинхронным;

– скорость реакции адресата на сообщение при устном общении выше, чем при письменном;

– паралингвистическими средствами создания выразительности являются: в устной речи – просодика, мимика, жесты, в письменной – пунктуация, типографические средства, средства иконического языка;

– лексико-грамматическими особенностями устной речи являются простые синтаксические структуры, повторы, эллипсисы, короткие предложения, нечеткая сегментация, невысокий индекс лексического разнообразия и др., письменной – книжная лексика, сложные развернутые предложения, страдательные конструкции, четкая сегментация, высокий индекс лексического разнообразия и др.

Однако при изучении всего многообразия устных и письменных текстов исследователи сталкиваются с множеством форм, которым присущи черты как устной, так и письменной коммуникации. Действительно, устная речь не всегда спонтанна, а письменное общение по многим своим свойствам может приближаться к устной форме речи [7; 25; 28]. Например, публичное выступление зачастую является подготовленным, а общение посредством «чатов» – диалога в интерактивном режиме путем набора текста с клавиатуры компьютера на экран монитора – представляет собой письменную речь по способу кодирования и спонтанную по механизму порождения.

Исходя из этого, предлагается различать устную и письменную речь на двух уровнях – медийном (нем. medial) и концептуальном (нем. konzeptionell) [25]. На медийном уровне дихотомия «устная речь – письменная речь» прослеживается довольно четко, т. к. связана лишь со способом кодирования (графическим или акустическим). В концептуальном же аспекте различия устной и письменной речи представляются не в виде дихотомии, а в виде континуума, на полюсах которого находятся устное общение в условиях временной и пространственной близости коммуникантов (нем. Sprache der Nähe), и письменное общение, характеризующееся временной и пространственной удаленностью коммуникантов (нем. Sprache der Distanz) /Кох/. Каждое конкретное речевое произведение размещается на данной шкале в зависимости от интенсивности проявления ряда признаков (спонтанность речепроизводства, синхронность восприятия, эмоциональность и др.) [25].

Для дифференциации формы письменного или устного текста, а тем более спонтанного или подготовленного способа порождения каждой формы релевантными являются, в первую очередь, статистические показатели, которые уже были опробованы в статистической стилистике для количественной типологии языков, жанров и видов устного и письменного дискурса [7]. Выбор этих показателей обусловлен их высокой надежностью (не ниже 90 % [8]). К таким показателям относятся подсчет классов слов (частей речи), длины фразы, различных способов словообразования (индекс деривации, префиксации, суффиксации и т. д.)

и др. Достоверными показателями являются, в том числе, индекс лексического разнообразия, индекс степени общей сложности слов (синтез), индекс длины фразы/предложения. По данным исследований, письменная подготовленная речь (т. е. медийно и концептуально письменная) в среднем почти в два раза сложнее по морфемному составу слов, чем устная неподготовленная (т. е. медийно и концептуально устная форма речи); в спонтанной неподготовленной устной речи фраза в среднем в два раза короче, чем в подготовленной речи монологического характера (т. е. медийно устной, но концептуально тяготеющей к письменной); наиболее высокие значения индекса лексического разнообразия проявляются в подготовленной и письменной речи, индекс деривации в письменной речи в два раза выше, чем в устной [7].

На наш взгляд, идея о представлении различий устной и письменной речи в виде непрерывной шкалы без четкого противопоставления, позволяющая разместить тот или иной текст на шкале в зависимости от интенсивности исследуемых признаков, является продуктивной и в отношении текстов, возникающих и функционирующих в рамках компьютерной коммуникации.

Например, тексты чатов, компьютерных конференций, ICQ тяготеют к устной форме речи по ряду признаков: синхронность восприятия, спонтанность порождения, лексико-грамматические особенности и т. д., хотя на медийном уровне, т. е. по способу кодирования, данные тексты являются письменными.

Для синхронных и некоторых асинхронных видов электронной коммуникации характерно привнесение большего количества элементов устной речи, чем это допускается каноническим письмом, причем степень насыщенности текста такими элементами возрастает с интенсификацией признака «спонтанность» – наиболее многочисленные отклонения от норм канонического письма характеризуют чат, фрагмент которого приводится ниже.

```

1 Allie: >sea würd mich am liebsten bei dir ausheulen,
   *seufz*
2 Gleufl: Wo ist mein Zettel, wo, wo, wo bloß :-(((
3 Thrasea: allie> *g* was spricht dagegen?
4 Loreta: gleufl> was'n für ein Zettel???
5 Allie: sea> hmmm - dann musst du dich aber auch mir widmen
   *bigsmile*
6 Gleufl beginnt mit zitternder Stimme vorzutragen *schwitz*
7 SEKARA: ich hasse euch alle !!!
8 Thrasea: allie> nur wenn M@ry kommt, wird sie auch einen Teil
   von mir haben wollen *entzweiteil*
9 SEKARA: IHR SEID ECHT ALLE TROTTEL
10 Gleufl: loreta> mit dem was ich dir alles sagen will*lach*
11 perrin hat den Kanal betreten.
12 Blob Gilb: thras> na du bleibst mir eins bitte!
13 Loreta: sekara> doch nicht böse werden!
14 Blob Gilb: hi perrin
15 Thrasea: hi perrin! *wink*
16 Allie geht dann mal anrufen und kommt in einer halben Stun-
   de wieder *s* bis dann dann
17 Blob Gilb: cu allie
18 Loreta: gleufl> und was willst du denn sagen??
19 Thrasea: bis dann allie! *wink&knuddel*
```

Прежде всего, заметно явное стремление адресанта передать на письме внешние (произносительные, акцентологические) особенности разговорных речевых построений, что сближает электронный текст с транскрипцией устной речи: *bleib doch noch n bischen; thras> na du bleibsch mir eins bitte!*

Особое место среди выразительных средств речи занимают паравербальные (например, громкость, интонация, темп речи) и экстравербальные (мимика, жесты). В электронной коммуникации функцию этих средств выполняют так называемые графостилистические средства [19; 29]: для передачи интонации используется своеобразная пунктуация, например, многоточие передает замедление темпа речи, неуверенность: *muss jetzt ins bett ... leider*, тире – важность информации: «*Umwandlung des Beschaeftigungsverhaeltnisses in das eines Angestellten*» – *hmm, das kann man so nicht stehen lassen, sorry. ;-*); недостаток акустической выразительности находит некоторую компенсацию в использовании прописных букв, которое традиционно приравнивается к крику, например: *IHR SEID ECHT ALLE TROTTEL*, или итерации графем, например: *Ich bitte um Entschuldigung, dass ich mich erst sooo spät melde*. Данный феномен обозначается как «имитируемая просодия» (нем. *emulierte Prosodie*) [24] и обнаруживается в синхронных и некоторых асинхронных формах компьютерной коммуникации (чатах, ICQ, электронной почте, форумах, блогах).

Для передачи таких экстралингвистических особенностей речи, как отношение автора к высказыванию и к адресату, экспрессивность, используются эмодзи: *Wo ist mein Zettel, wo, wo, wo bloß ☹*, и метатекст – ремарки, манифестирующие определенное интонирование речи согласно авторскому замыслу, например: *Gleufl beginnt mit zitternder Stimme vorzutragen *schwiz**.

Экспрессивность речи в различных формах электронной коммуникации реализуется также при помощи повторов и междометий: *Wo ist mein Zettel, wo, wo, wo bloß; Hmm, das kann man so nicht stehen lassen, sorry*.

Письменные тексты синхронных форм электронной коммуникации характеризуются ориентацией на диалогичность, выражающейся, в частности, в применении эллиптических конструкций, например: инициативная реплика – *Spas hier zu schreiben. ,-*), ответная реплика – *Mir auch!:-)*.

Многие исследователи также отмечают экономичность интерактивного общения [2; 17], которая проявляется в следующих особенностях электронных текстов:

– пренебрежение нормами орфографии и пунктуации, возможностью опечаток (*muss jetzt ins bett ... leider; bleib doch noch n bischen*);

– использование усеченных форм слова (лексических акронимов): **g**, **grins**;

- применение общепонятных сокращений: *cu – see you*;
- отражение на письме звучания слов, продиктованное соображениями экономии (*u* вместо *you*, *no* вместо *know*, *msged* вместо *messaged*).

Таким образом, признаки устной речи в письменных текстах синхронных форм компьютерного общения (прежде всего чата): спонтанность порождения, синхронность восприятия, мимическая выразительность, имитация звучания и экономичность, а также ориентация на диалогичность – позволяют говорить о «концептуальной устности» данных текстов [31].

Относительно скорости обмена сообщениями электронная коммуникация, за исключением веб-текстов, занимает промежуточное положение между устной и письменной [10].

Из всех форм компьютерного общения веб-тексты с линейной и гипертекстовой структурой характеризуются наиболее интенсивным проявлением признаков письменной речи. Такие тексты являются подготовленными, предназначенными для асинхронного восприятия, они организованы в виде монолога и четко сегментированы, в них не используются средства имитации звуковой и мимической выразительности. Общение, осуществляемое посредством таких текстов, не предполагает высокой скорости реакции адресата на сообщение.

Однако в веб-текстах с гипертекстовой структурой, т. е. сложных текстах, состоящих из нескольких частей, преобладает тип связи между частями, характерный, прежде всего, для устной речи – агрегация (нем. *Aggregation*) [31]. Агрегация предполагает простое присоединение элементов по типу соединительной связи с союзом «и» и преобладает в устной речи. В отличие от агрегации интеграция (нем. *Integration*) чаще встречается в письменной речи [27]. При интеграции происходит объединение элементов в единую конструкцию.

Итак, признаки устной речи обнаруживаются при компьютерной коммуникации на различных языковых уровнях:

- фонетическом («имитируемая просодия»);
- лексическом (использование акронимов и общепонятных сокращений);
- синтаксическом (экспрессивность речи, реализуемая при помощи повторов и междометий; пренебрежение нормами пунктуации; своеобразная пунктуация, замещающая паравербальные и экстравербальные средства речевой выразительности);
- на уровне текста (экспрессивность, реализуемая посредством метатекста и эмодиконов; ориентация на диалогичность и др.).

Особенности электронных текстов возникают вследствие того, что ситуация, в которой происходит компьютерное общение, отличается как от ситуации устного, так и от ситуации письменного кодирования. Общение в Интернете, являясь «молодым» способом коммуникации, порождает новые формы, соответствующие новым условиям. В связи с

этим особенности речи в Интернете следует, пожалуй, рассматривать не как нарушения пунктуационных, орфографических и др. норм, а как свидетельство развития собственной нормативности речи [2; 14].

При анализе различных форм компьютерной коммуникации (чат, телеконференция, электронная почта, веб и т. д.) прослеживается зависимость насыщенности письменных текстов элементами устной формы речи прежде всего от таких экстралингвистических признаков, как спонтанность/подготовленность и синхронность/асинхронность коммуникации – спонтанная синхронная коммуникация характеризуется наибольшим количеством признаков устной речи.

Однако и веб-тексты с гипертекстовой структурой, представляя собой подготовленные тексты, предназначенные для асинхронной коммуникации, характеризуются, тем не менее, большим количеством связей между элементами текста (узловыми текстами), свойственных, прежде всего, устной форме речи.

На наш взгляд, дальнейшее изучение признаков устной речи в веб-текстах может быть связано с анализом количественных структурных признаков данных текстов (индекс лексического разнообразия, индексы глагольности, субстантивности и др.).

Литература

1. **Абросимова А.** Коммуникация в Интернете: взаимопонимание и статус // Русский Журнал Net-культура. – 2001. – Электронный ресурс (http://old.russ.ru/netcult/20011022_abrosimova.html), проверено 05.02.2007.
2. **Аврамова А.Г.** Электронный дискурс в зеркале оппозиции «устный/ письменный» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 3. – С. 119–125.
3. **Анисимова Е.Е.** Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М., 2003.
4. **Бацевич Ф.С.** Основи комунікативної лінгвістики. – К., 2004.
5. **Воробьева О.П.** Текстовые категории и фактор адресата. – К., 1993.
6. **Галичкина Е.Н.** Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерной конференции): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Астрахань, 2001.
7. **Галяшина Е.И.** Основы судебного речеведения: Монография / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2003.
8. **Головин Б.Н.** Язык и статистика. – М., 1970.
9. **Горошко Е.И., Саенко А.Н.** Жанровая экология Интернета // Научные записки Луганского национального педагогического университета. – Луганск, 2006. – Вып. 6. Серия «Филологические науки». – С. 312–331.
10. **Кибрик А.А.** Модусы дискурса. – 2006. – Электронный ресурс: (www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/III-7-modes.ppt), проверено 09.02.2007.
11. **Кожина М.Н.** Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 1999. – С. 22–40.
12. **Колегаева И.М.** Текст

как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса, 1991.

13. **Коломієць Н. В.** Лінгвістичні особливості організації гіпертексту інтернет-новин (на матеріалі англійської мови): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2004.

14. **Компанцева Л.Ф.** Специфика нормы и узуса в Интернет-дискурсе // Наукові записки Луганського національного педагогічного ун-ту. Сер. «Філологічні науки»: Зб. наук. пр. [Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта]. – Луганськ, 2004. – С. 31–55.

15. **Макаров М.Л.** Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? // Жанры речи: Сб. науч. ст. – 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 336–351.

16. **Селиванова Е.А.** Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монограф. учеб. пособие. – К., 2002.

17. **Усачева О.Ю.** Коммуникативная специфика виртуального текста (на материале интернет-форумов) // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц: Межвуз. сб. науч. тр. / Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина. Филол. фак. – Елец, 2003. – С. 142–150.

18. **Успенский И.В.** Интернет как инструмент маркетинга. – СПб., 2001.

19. **Beutner Y.** E-Mail-Kommunikation. – Stuttgart: ibidem, 2002. – 132 S.

20. **Chafe W., Danielewicz J.** Properties of spoken and written Language. Comprehending oral and written language. – San Diego: Academic Press, 1987. – 113 p.

21. **Collot M., Belmore N.** Electronic language. A new variety of English // Herring, Susan C. (ed.): Computer mediated communication. – Amsterdam, 1996. – P. 13–28.

22. **Crystal D.** Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 158 p.

23. **Goroshko O. Ig.** Linguistic Peculiarities of English and Russian Web-texts // *Linguistica Computazionale*. – Piza, 2004. – P. 229–243.

24. **Haase M., Huber M., Krumreich A., Rehm G.** Internetkommunikation und Sprachwandel // Sprachwandel durch Computer, hrsg. von Rüdiger Weingarten. – Opladen, 1997. – S. 51–85.

25. **Koch P., Oesterreicher W.** Sprache der Nähe – Sprache der Distanz. Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Spannungsfeld von Sprachtheorie und Sprachgeschichte // *Romanisches Jahrbuch* 36 (1985). – S. 15–43.

26. **Oksaar E.** Sprachkultur und mündliche Kommunikation // *Der Deutschunterricht*. – № 1. – 1985. – S. 6–20.

27. **Raible W.** Junktion: Eine Dimension der Sprache und ihre Realisierungsformen zwischen Aggregation und Integration. – Heidelberg: Winter, 1992. – 319 S.

28. **Rehm G.** Schriftliche Mündlichkeit im World Wide Web // *Kommunikationsform E-Mail / Arne Ziegler, Christa Dürscheid (eds.)*. – Stauffenburg, 2002. – S. 263–308.

29. **Runkehl J., Schlobinski P. u.a.** Sprache und Kommunikation im Internet. Ein Überblick. – Opladen/ Wiesbaden: Westd. Verlag, 1998. – 240 S.

30. **Schmitz U.** Neue Medien und Gegenwartssprache. Lagebericht und Problemskizze // *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. – H. 50. – 1995. – S. 7–51.

31. **Wenz K.** Formen der Mündlichkeit und Schriftlichkeit in digitalen Medien. // *Linguistik-online* 1. – (1998/1). – Электронный ресурс: (<http://viadrina.eu.v-frankfurt-o.de/~wjournal/wenz.htm>), проверено 06.02.2007.

32. **Yates S. T.** Oral and Written Linguistics Aspects of Computer Conferencing: A Corpus Based Study // *Communication: Linguistic, Social*

and Cross-Cultural Perspective. – Amsterdam: John Benjamin's Publishing, 1996. – P. 29–39.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФОРМ РЕЧИ В КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются признаки устной и письменной форм речи и устанавливается степень проявления этих признаков в различных формах компьютерного общения.

Ключевые слова: компьютерная коммуникация, устная речь, письменная речь, формы компьютерной коммуникации, признаки устной и письменной речи.

ДО ПРОБЛЕМИ РОЗМЕЖУВАННЯ УСНОЇ ТА ПИСЬМНОЇ ФОРМ МОВЛЕННЯ В КОМП'ЮТЕРНІЙ КОМУНІКАЦІЇ

У статті розглядаються ознаки усного та писемного мовлення й визначається ступінь прояву цих ознак у різних формах комп'ютерного спілкування.

Ключові слова: комп'ютерна комунікація, усне мовлення, писемне мовлення, форми комп'ютерної комунікації, ознаки усного та писемного мовлення.

DIFFERENTIATION OF ORAL AND WRITTEN SPEECH IN COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION

The article defines the peculiarities of oral and written speech and specifies the intensity of these peculiarities in different broad Internet-using situations.

Key words: computer-mediated communication, oral speech, written speech, broad Internet-using situations, peculiarities of oral and written speech.

И.А. Синица
(г. Киев)

ТИПОЛОГИЯ АДРЕСАНТА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале гуманитарных текстов XIX века)

В сознании носителей русского языка еще со школьной скамьи научный стиль связан с такими характеристиками, как абстрактность, логичность, нейтральность, четкость и т. п. Не случайно среди реакций на стимул «наука» в «Русском ассоциативном словаре» представлены следующие: *точная* (15), *трудная* (8), *сложная* (5), *логика* (2), *трудна*, *трудно*, *тяжелая* (2), *система*, *точность*, *фундаментальная* (1) и др., подтверждающие определенную стереотипность восприятия специальных знаний, с одной стороны, и, возможно, способа их выражения, с другой. В то же время многие реакции свидетельствуют о понимании неразрывного единства науки с жизнью (реакции: *и жизнь* (29), *жизни* (9), *жить* (4), *о жизни* (3)), о понимании ее антропологической и даже антропоцентрической ориентации (реакции: *о языке* (10), *ученый* (8), *о человеке*, *профессор* (5), *анатомия*, *генетика*, *медицина*, *ум*, *урок*, *учеба*, *учить* (2), *академия*, *быть счастливым*, *всем!*, *детство*, *для всех*, *доктор*, *доцент*, *думать*, *женщина*, *интеллект*, *и человечество*, *кандидат*, *лодырь*, *Ломоносов*, *любить*, *любовь*, *любопытность*, *область человеческой деятельности*, *обществу*, *о душе*, *о космосе*, *о культуре*, *о медицине*, *о себе*, *педагог*, *разум*, *социальная*, *умные люди*, *университет*, *цивилизация*, *человек*, *школа*, *юношей питают*, *я* (1)) [1, с. 356].

Антропологизация, характерная для современных научных исследований, является естественным первоначальным дифференциальным признаком науки в целом и гуманитарного знания в частности. Человек, находящийся в центре гуманитарных исследований, определяет разнообразный комплекс методов, приемов, объектов их антропологической ориентации и изучения. Таким образом, научно-гуманитарные тексты не только позволяют применять антропологические подходы к их анализу, но и демонстрируют индивидуально-авторское, субъективное представление того или иного аспекта, связанного с изучением проблемы «человека», отображенного в научном тексте.

Анализируя современное состояние лингвистики, исследователи называют ее две противоположные черты. С одной стороны, говорят об излишнем технократизме, замкнутости языкознания на самом себе, что отражается и на языке научных исследований; с другой стороны, отмечают связь лингвистики с другими науками, их общую методологию, изучаемые проблемы [см., напр.: 2; 3]. Но большинство

ученых единодушны в том, что «лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, не может быть замкнутой областью знания. ...Одержимость научностью придала ее облику ложную строгость, равную которой нельзя обнаружить более нигде, включая самые точные науки. Увлечение формальной записью в конце концов загнало ее в тесную келью технического дискурса, так что с трудом можно представить себе, что предметом этого дискурса может быть человек говорящий. ...человеческое превращается в нем в предельную абстракцию, а слова не говорят ни о чем» [2, с. 279].

Антропологический принцип как методологическая основа современных исследований, по наблюдениям Е.С. Кубряковой, заключается в том, что «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [4, с. 212]. Таким образом, в основе процесса антропологизации лингвистики лежит осознание того, что язык «создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной...» [5, с. 15]. В связи с чем закономерным представляется обращение лингвистов к изучению способов выражения субъективного, личностного фактора в языке.

В результате анализа разноуровневых категориальных личных средств ученым удалось выделить некоторые их функции как типовые содержательные модели языка, как категориальные семантические ситуации персональности, объективно существующие в языковом сознании, представленные специализированными средствами, но имеющие системные варианты, субкатегоризации [6]. Каждая из таких ситуаций располагает определенным семантико-прагматическим потенциалом субъективности, поскольку всегда выражает то или иное отношение к позиции отправителя речи. К числу таких ситуаций относят категориальные ситуации адресантности, адресатности, определенной и неопределенной отстраненности, обобщенноличности [7, с. 24–30].

Категориальная ситуация адресантности представляется как типовой вариант субъективности, при котором говорящий может прямо реализоваться в субъектной и субъектно-объектной позиции высказывания. Ситуация, по мнению В.В. Химика, реализуется в четырех основных субвариантах: абсолютная, инклюзивная, ритуальная, экспрессивная адресантность [Там же, с. 24–26]. Абсолютная адресантность устанавливается, когда отправитель речи представляет самого себя в качестве «определенного, единичного и прямого или косвенного субъекта»; инклюзивная адресантность характеризуется в момент включения говорящим самого себя в «совокупный определенный субъект сообщаемого, “мы”» [Там же, с. 25]. Ритуальная адресантность связана с различными «социально нормированными

самопредставлениями говорящего в устной и письменной речи». Экспрессивную адресантность характеризуют как «мнимо представительскую адресантность», или «метафорическое “я” с дополнительной экспрессией» [Там же, с. 26].

Относительно текстов научного стиля изложения в соответствии с предложенной классификацией следовало бы говорить о ритуальном субварианте категориальной ситуации адресантности, что и предлагает автор изложенной классификации. Нам же представляется иная типология адресантности, созданная на основе анализа научно-гуманитарных текстов XIX в.

Следует отметить, что в процессе научной коммуникации, в процессе непрерывного обмена знаниями ученые по-разному относятся к экспликации своей личности в тексте. Одни стремятся подчеркнуть свою точку зрения, свое право на идею, определенную мысль, высказанную в тексте. Другие же, наоборот, стараются минимизировать свое присутствие в тексте, скрыть свое авторство. В связи с чем в зависимости от способов и средств выражения различаем следующие типы авторства: 1) эксплицитный тип адресантности, при котором автор открыто заявляет о своем присутствии в тексте, не боясь вступить в дискуссию и заявить о своих идеях, своей роли в познавательном процессе; 2) имплицитный тип адресантности предполагает неявное присутствие автора на поверхности текстовой ткани, автор видит свою роль пассивной, прибегая к соответствующим лингвистическим конструкциям; 3) нейтральный тип адресантности выделяется в том случае, когда автор свои мысли, идеи, размышления высказывает не от собственного имени, а от обобщенного, коллективного лица, когда для создателя научного текста его роль в познавательном процессе равноценна и роли адресата, ради которого этот текст создан, поэтому он отождествляет себя и читателя как один коллективный мыслительно-познавательный организм.

Эксплицитный тип авторства связан с использованием лингвистических средств, актуализирующих «Я»-автора, активного деятеля, создателя текста, который в соответствии с устоявшимися нормами определенного стиля стремится выразить свое присутствие в тексте как автора идей, размышлений, наблюдений и т. п. Например: «Я избрал предметом своих чтений один из важнейших моментов в истории русского языка...»; «Мне кажется, что этих общих замечаний достаточно для того, чтобы объяснить Вам, почему я не могу взять на себя труда – обнять всю широкую область вопросов, связанных с изучением Слова...» (Житецкий); «Не раз обходил я весь город Переяслав и его окрестности...» (Максимович); «Я заметил только один пример, да и тот сомнительный» (Потебня); «По моему мнению, описательная форма спряжения отличается от простой ...» (Потебня). Именно при эксплицитном типе выражения авторского начала эгоцентрический потенциал субъективного компонента высказывания, на наш взгляд, проявляется в максимальном виде.

Заметим, что Е.В. Падучева в тех случаях, когда говорящий служит подразумеваемым субъектом, характеризует его как «субъект сознания», заместителем которого в художественных текстах может быть персонаж или повествователь. В качестве основных языковых элементов с эгоцентрической семантикой, способных реализовать значение субъекта сознания, ученая анализирует метатекстовые элементы – вводные слова и обороты с семантическим элементом «говорить» – и предикаты внутреннего состояния (эмоциональные, ментальные, перцептивные), функционирование которых мы наблюдаем и в научных текстах исследуемого периода. Важно для нас и то, что исследовательница рассматривает перечисленные типы языковых элементов как «потенциальное орудие «многоголосия» современного романа» [8, с. 166–168].

К эсплицитному типу адресантности мы относим и случаи несобственно-личного наименования субъекта высказывания, когда действие производит не «я», а кто-то другой, «он», но актуализированный в тексте с помощью собственного или нарицательного имени. Например: *«Исследуя почву истории классических народов и Востока, новейшие ученые опять натолкнулись на совершенно новую область...»* (Драгоманов); *«...государь стали провозглашать власть свою прямо исходящей от Бога и независимой от духовенства...»* (Драгоманов); *«Мельхиседек благословил Железняк на сей подвиг и обещал изготовить универсал для воззвания к народу»* (Максимович); *«Однако уже и древние должны были допустить...»* (Потебня); *«Далее поэт рассказывает о предках Ферона...»* (Житецкий).

Противоположные свойства характерны имплицитному типу авторства, при котором автор пассивен, субъективное начало высказывания нейтрализуется его перформативными характеристиками. Автор как бы скрывается за фактическим или иным материалом. Здесь его роль не важна, значение имеет только представление необходимой информации. Сравним: *«Из этих примеров видно, что певец Игоря, под влиянием разговорной речи, чуждался сложных форм, затрудняющих живое течение ее»* (Житецкий); *«...Невозможно теперь показать, в каком отношении между собою находились народные наречия в древности по сравнению с настоящим их положением»* (Костомаров); *«...может показаться, что сочетания, стоящие на месте этих форм в славянском, суть тоже грамматические единицы. Однако в верности такого взгляда можно усомниться уже потому...»* (Потебня). Как видно из примеров, субъективный компонент в подобных высказываниях имплицитен. Приводя в своем тексте общедоступные, по мнению автора, данные, факты, очевидные выводы, которые не нуждаются в дополнительных комментариях, разъяснениях, автор-ученый прибегает к несубъективированным конструкциям. В таких текстовых фрагментах эгоцентрический потенциал субъективного компонента высказывания отсутствует.

При нейтральном типе авторства используются лингвистические средства, актуализирующие в тексте «Мы»-автора, обобщенное, коллективное, неиндивидуализированное лицо, выступающее субъектом высказывания, например: «Мы видим присутствие риторического элемента и в повторении одних и тех же слов, а также целых фраз для усиления экспрессии...» (Житецкий); «Нам остается сделать выводы из сравнения песен...» (Житецкий); «...Тогда из сравнения являлось понятие о близости и возможность сознания единства. Мы имеем случай наблюдать это в наше время» (Костомаров); «Ничего подобного мы не заметим в сочетании причастия на -ль со вспомогательным глаголом» (Потебня); «Так, например, если не выходить даже за пределы чисто классических земель, мы встречаем памятники пещерного человека...» (Драгоманов).

Анализ текстовых реализаций данных типов адресантности свидетельствует об их взаимодействии и дополнении в определенном тексте. Преобладание того или другого способа выражения личности автора в тексте определенным образом характеризует его создателя, осознание им своей роли в передаче новых знаний и, шире, в процессе научной коммуникации, позволяет говорить о степени индивидуальности стиля мышления того или иного ученого, что проявляется в степени выражения категории субъективности в структуре отдельного высказывания и текста в целом. При этом следует отметить переплетение различных типов адресантности в одном и том же тексте в разных его фрагментах, что приводит к мысли об обусловленности данных типов не только индивидуально-авторскими особенностями стиля мышления, но и композиционно-текстовыми причинами. В связи с чем в качестве перспективной возникает задача изучения соотносительности типов адресантности с композиционно-структурным членением научного текста.

Литература

1. **Русский** ассоциативный словарь: В 2 т. Т.1. От стимула к реакции. – М., 2002.
2. **Ажеж К.** Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М., 2003.
3. **Синельникова Л.Н.** Современный научный дискурс (рассуждения с пристрастием) // Информационный вестник Форума русистов Украины. Вып. 6. – Симферополь, 2003.
4. **Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.
5. **Степанов Ю.С.** Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. – М., 1974.
6. **Бондарко А.В.** Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб., 1991.
7. **Химик В.В.** Категория субъективности в современном русском языке (эгоцентрический потенциал субъектных компонентов высказывания): АДД. – СПб., 1991.
8. **Падучева Е.В.** Говорящий:

субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.

ТИПОЛОГИЯ АДРЕСАНТА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале гуманитарных текстов XIX века)

В статье проанализированы коммуникативные особенности научного текста. Рассмотрены лингвистические средства выражения категории адресантности, на основе которых создана её типология. Среди основных типов адресантности научного гуманитарного текста XIX в. описаны эксплицитный, имплицитный и нейтральный.

Ключевые слова: научный текст, коммуникация, адресант, типология адресантности.

ТИПОЛОГІЯ АДРЕСАНТА НАУКОВОЇ КОМУНІКАЦІЇ (на матеріалі гуманітарних текстів XIX століття)

У статті проаналізовано комунікативні особливості наукового тексту. Розглянуто лінгвістичні засоби вираження категорії адресантності, на основі яких побудована її типологія. Серед типів адресантності наукового гуманітарного тексту XIX ст. описано експліцитний, імпліцитний та нейтральний.

Ключові слова: науковий текст, комунікація, адресант, типологія адресантності.

TYPOLOGY OF THE SCIENTIFIC COMMUNICATION ADDRESSER (based on the humanitarian texts of the 19th century)

The article deals with communicative peculiarities of scientific text. Linguistic means of addresser category are described and the typology of this category is constricted in the article. The explicated, implicated and neutral types are analyzed as the main types of addresser category of liberal arts texts of the 19th c.

Key words: scientific text, communication, addresser, the typology of addresser

А.М. Эмирова
(г. Симферополь)

РУССКО-КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ КРЫМА

«Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» (Страсбург, 5 ноября 1992 г.), в которой предложена система мер, способствующих сохранению и развитию исторических региональных языков Европы, была подписана Украиной 2 мая 1996 г. и после многолетних обсуждений (ратифицирована 24 декабря 1999 г., но 12 июля 2000 г. решением Конституционного Суда принятый закон был аннулирован) окончательно ратифицирована 15 мая 2003 г., однако вступила в силу только с 1 января 2006 г.

В рамках Хартии Украина отвечает за сохранение и развитие 13 миноритарных языков: белорусского, болгарского, венгерского, гагаузского, греческого, еврейского, крымскотатарского, молдавского, немецкого, польского, румынского, русского и словацкого, – носители которых, за исключением гагаузского и крымскотатарского языков, имеют независимые государственные образования за пределами Украины.

В Крыму, как известно, проживают представители нескольких десятков народов, в том числе три этноса, которые признаны аборигенными: крымские татары, караимы и крымчаки. Они исторически сформировались именно на этой территории, имеют сложный многокомпонентный этногенез и своеобразные трагические судьбы: крымские татары 18 мая 1944 г. подверглись тотальной депортации и находились в местах ссылки вплоть до конца 80-х годов XX в.; крымчаки, как иудеи, были уничтожены во время оккупации Крыма фашистской Германией; крымские караимы остались на родине, но, как и все малые народы СССР, активно и целенаправленно ассимилировались в рамках «ленинской национальной политики». Согласно итогам всеукраинской переписи населения 2001 г. в Крыму проживали около 250 000 крымских татар, 700 караимов и 200 крымчаков.

Караимский и крымчакский языки не вошли в реестр миноритарных языков Украины. Однако караимы и крымчаки сегодня намерены в той или иной форме сохранить свои языки. В Крыму функционируют ассоциация крымских караимов «Къырым карайлар» и республиканское культурно-просветительское общество крымчаков «Кърымчахлар», усилиями которых издаются разного типа учебные пособия (словари, самоучители). Процессы ассимиляции этих народов сегодня уже необратимы. Носителей крымского варианта караимского

языка осталось 10–20 человек, крымчакского – несколько человек. Тем не менее караимы пытаются возродить свой язык для практического использования в семье. В Евпатории функционирует воскресная школа, слушателей которой учат разговорному караимскому языку носители языка старшего поколения, не имеющие педагогического (филологического) образования. Последняя воскресная школа такого типа у крымчаков закрылась в 1997 г. Крымчакский язык фактически уже вошёл в список мёртвых языков. Основная цель крымчаков – сохранить свой язык как памятник этнической культуры.

Караимский и крымчакский языки входят в кыпчакскую группу тюркской семьи, к которой относится и близкородственный им крымскотатарский язык. Поэтому надежды на сохранение и возможное возрождение своих языков караимы и крымчаки во многом связывают с возрождением крымскотатарского языка и расширением его функционального пространства. Однако трагические перипетии XX века способствовали основательному разрушению системы крымскотатарского языка: резко сократилась демографическая мощь языка (количество владеющих им); за не востребованностью в местах ссылки традиционных форм жизнедеятельности крымских татар (табаководства, садоводства, овцеводства и др.) и отсутствием школ с родным языком обучения резко сократился и словарный состав; деформировалась стилистическая система и соответственно сократилась коммуникативная мощь языка (количество обслуживаемых им социальных сфер) и др. Процессы русско-крымскотатарской интерференции затронули все уровни языковой системы крымскотатарского языка.

В строгом смысле интерференция – это взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающееся преимущественно при языковых контактах и выражающееся в отклонениях от нормы и системы **второго** языка под влиянием родного [1, с. 197]. В рамках поставленной проблемы могут быть рассмотрены следующие вопросы: 1) вектор интерференции и её динамика в разные периоды жизни этноса; 2) языковая компетенция и тип билингвизма; 3) содержание понятия «родной язык»; 4) пути и способы реанимации миноритарных языков, находящихся в опасности; 5) личность как субъект и объект языковой интерференции и др.

Изучение проблем взаимодействия русского и крымскотатарского языков показывает, что феномен русско-крымскотатарской интерференции отличается от классической модели, при которой, как отмечено выше, только во **втором** (заимствованном) языке наблюдаются девиации (отклонения) на разных уровнях языковой системы. Русско-крымскотатарская интерференция представляет собой качественно иной социолингвистический феномен: на разных этапах взаимодействия данных языков вектор интерференции и её динамика перманентно изменялись.

Взаимодействие русского и крымскотатарского языков началось, как известно, после завоевания Крыма Россией (1783). На первых этапах оно было спорадическим и проявлялось в классической форме: второй – русский – язык искажался под влиянием родного языка, которым в тот период владели все крымские татары. Например: *чар* < *царь*; *Катарна́* < *Екатерина*; *Руси́е* < *Россия*; *истакан* < *стакан* и др. Как видно из приведённых выше примеров, искажения звукового состава русизмов были обусловлены спецификой артикуляционной базы крымскотатарского языка и его фонетических законов.

Более интенсивное освоение русского языка крымскими татарами началось после Октябрьской революции, однако до тотальной депортации народа вектор интерференции оставался прежним: в русской речи крымских татар родной язык влиял на русский, что проявлялось прежде всего на фонетическом и синтаксическом уровнях.

Начиная с 1944 г. (после депортации) вектор интерференции стал **кардинально** меняться: при отсутствии в местах ссылки крымскотатарских школ русский язык стал мощно влиять на все уровни крымскотатарского языка, что имело следствием деструкцию последнего и даже его частичную аннигиляцию. (Замечу в скобках, что оборот «аннигиляция языка» используется здесь как когнитивная метонимия: исчезает не язык, а носители языка, точнее – появляются новые генерации, не владеющие языком родителей.)

В условиях ссылки и по сей день крымскотатарский язык функционировал и функционирует преимущественно как «семейный» язык (в форме территориального говора или наречия). По характеру языковой компетенции крымских татар можно разделить на следующие четыре группы: 1) симметричные билингвы, в одинаковой мере свободно пользующиеся родным и русским языками во всех общественных сферах; 2) асимметричные билингвы, пользующиеся родным языком лишь в быту, а в остальных сферах жизни (в том числе и в семье) русским языком; 3) асимметричные билингвы, пользующиеся крымскотатарским языком в быту, а русским – ограниченно, в общении с русскоговорящими людьми или детьми крымских татар, не владеющими родным языком; 4) монолингвы, владеющие только русским или только крымскотатарским языком.

Наиболее многочисленна вторая группа, куда входят люди молодого и среднего возраста, получившие образование в русских школах и вузах. Монолингвы представлены двумя разновеликими группами: а) многочисленной группой детей, людей молодого и среднего возраста, в том числе и тех, кто родился и воспитывался в смешанных семьях (говорят только на русском языке); б) немногочисленной группой людей очень пожилого возраста, не учившихся в русской школе (говорят только на каком-либо территориальном диалекте крымскотатарского языка). Первая и третья группы ограничены в количественном отношении. В первую входят представители интеллигенции:

преподаватели крымскотатарского языка и литературы, писатели, журналисты; в третью – люди пожилого возраста с низким уровнем образования.

Для представителей первых двух социальных групп характерно постоянное переключение с одного языка на другой не только в разных сферах общения, но даже в пределах одного и того же коммуникативного акта. В их речи очень часто используются русские «включения», в том числе разного рода кальки [2, с. 57–58].

Как следует из сказанного, сегодня крымскотатарско-русский билингвизм относится к типу асимметричного с преобладанием русской составляющей. Однако здесь следует обратить внимание на такой парадокс, обнаруженный мной по итогам всеукраинской переписи населения 2001 г.: 93 % крымских татар считают родным крымскотатарский язык, 0,6 % – украинский, 5 % – русский [3]. В то же время социально-лингвистический мониторинг показывает, что реальная демографическая мощь крымскотатарского языка (количество владеющих им в той или иной степени) гораздо ниже. Крайне низка и коммуникативная мощь языка (число социальных сфер, обслуживаемых языком).

Крымские татары, в массе своей считая родным крымскотатарский язык, в речевой практике все же чаще используют русский язык даже в общении друг с другом. Тому причиной разные факторы, как собственно языковые, так и внеязыковые. К первым относится интуитивное толкование понятия родного языка как языка родителей. (Такая дефиниция встречается и в трудах по социолингвистике.) Собственно языковым фактором можно считать универсальный для всех языков мира закон экономии речевых усилий: в условиях спонтанного общения говорящие с меньшими ментальными усилиями и быстрее находят в своем внутреннем лексиконе необходимые русские лексико-фразеологические средства и грамматические модели, являющиеся формами воплощения и презентации различных понятий и суждений. При скудости словарного запаса и плохом знании грамматических способов и средств крымскотатарского языка обращение коммуникантов к русскому языку и порождение ими русского дискурса становится вполне объяснимым и в какой-то мере коммуникативно оправданным.

К внеязыковым факторам можно отнести наличие смешанных браков (до 20 % семей), в которых общение осуществляется преимущественно на русском языке, и отсутствие постоянного языкового окружения в местах дисперсного проживания крымских татар. Экстралингвистическим фактором можно считать также обостренное чувство патриотизма как реакции на социальную несправедливость, проявляющуюся в том, что решение актуальных для жизнедеятельности крымскотатарского социума проблем (получение украинского

гражданства, политическая реабилитация народа, землепользование и др.) затягивается государством на долгие годы.

Сегодня остро стоит вопрос о возрождении и развитии крымскотатарского языка. Возродить язык – значит развивать и совершенствовать его в такой мере, чтобы он мог быть использован во всех социальных сферах. Эта проблема имеет два аспекта – социально-политический и собственно лингвистический. (Ниже только обозначены проблемы, решение которых может способствовать оптимизации коммуникативного статуса крымскотатарского языка.)

Социально-политический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает решение ряда взаимосвязанных вопросов.

1. Определение социального статуса крымскотатарского языка.

В соответствии со ст. 10 Конституции Украины крымскотатарский язык имеет статус миноритарного языка – языка национального меньшинства, которому «гарантируется свободное развитие, использование и защита» [4, с. 4]. Социальная практика последнего десятилетия показала, однако, что такой статус языка не обеспечивает ему необходимой финансовой поддержки со стороны государства, не способствует формированию его престижности в глазах носителей языка и представителей других этносов многонационального Крыма и, следовательно, не стимулирует его освоения и изучения.

Известно, что крымские татары выступают с требованием придать их языку статус государственного¹, что сегодня противоречит Конституции Украины как унитарного государства. Думается, что придание крымскотатарскому языку, наряду с русским, статуса официального² обеспечило бы его преподавание во всех школах Крыма в качестве обязательного предмета и тем самым способствовало бы повышению уровня его престижности. Признание крымскотатарского языка языком коренного народа Украины, что предполагает увеличение объёма бюджетного финансирования, также могло бы способствовать его скорейшей реанимации. Однако этот вопрос, несмотря на неоднократные обращения общественности, до сих пор не ставился на повестку дня Верховной Рады Украины.

2. Расширение системы воспитания и образования на крымскотатарском языке.

Общее количество детей школьного возраста крымскотатарской национальности в Крыму в 2006–2007 учебном году составляет 37266 человек; из них 3443 обучаются на родном языке в 14 школах с крымскотатарским языком обучения. Кроме того, в 65 школах функционируют 220 классов с крымскотатарским языком обучения, охватывающих 2622 учащихся. Качественно оценить приведенные выше цифры можно при количественном сравнении: в Крыму сегодня функционируют около 600 школ, в которых обучается 199173 ребенка разных национальностей. Приведённые выше цифры красноречиво

свидетельствуют о том, что в таких условиях обучить подрастающие поколения родному языку не представляется возможным.

3. Расширение функционального пространства крымскотатарского языка.

Известно, что оптимальное усвоение языка происходит в условиях перманентной языковой среды, в создании которой участвуют различные факторы: средства массовой информации; макро- и микротопонимия; дорожные указатели, вывески, объявления, лозунги и т. п.

Сегодня крымскотатарское радио и телевидение располагают соответственно 1 часом 20 минутами и 5 часами эфирного времени в неделю; на крымскотатарском языке издаются (с разной периодичностью) четыре журнала («Йылдыз», «Оджакъ», «Ха-ха-ха!», «Йылдызчикъ-Зірочка»), три республиканские газеты («Янъы дюнъя», «Къырым», «Маариф ишлери»); русскоязычная газета «Голос Крыма» периодически печатает материалы на крымскотатарском языке (кириллицей и латиницей). Старая крымская топонимия все еще не восстановлена.

Собственно лингвистический аспект проблемы возрождения и развития крымскотатарского языка предполагает работу в следующих направлениях: 1) сбор и фиксация на современных носителях всех сохранившихся говоров и наречий; 2) кодификация и оптимизация норм литературного языка.

1. Сбор и сохранение территориальных диалектов – непереносимое условие дальнейшего развития языка. Известно, что диалекты «питают» литературный язык. Поэтому сегодня как никогда остро стоит вопрос о необходимости сбора и хранения всего диалектного богатства крымскотатарского языка. Такая работа (диалектологические экспедиции) проводилась в предвоенные годы усилиями сотрудников НИИ крымскотатарского языка и литературы, однако собранные материалы не сохранились. К сожалению, сегодня нет специалистов в области крымскотатарской диалектологии, которые смогли бы организовать работу по сбору, консервации и обработке диалектного материала. До сих пор не удалось восстановить и названный выше НИИ.

2. Дальнейшее развитие и совершенствование крымскотатарского языка предполагает наличие развитого литературного языка. Сегодня к крымскотатарскому литературному языку предъявляются новые требования: наряду с основными социальными функциями (коммуникативной, когнитивно-мыслительной, эмотивной и др.) он должен выполнять социально-консолидирующую функцию, т. е. способствовать более прочному объединению крымских татар, говорящих на разных территориальных диалектах, в сильную нацию с развитой культурой. В этих условиях литературный язык понимается как обработанная и нормированная форма общенародного языка, имеющая наддиалектный характер. Нормы литературного языка – это совокупность **обязательных** для всех носителей языка правил

употребления языковых единиц, их изменения, сочетания друг с другом, произношения и написания. Они призваны оптимизировать процессы языковой коммуникации, т. е. обеспечивать взаимопонимание между коммуникантами. Без единого, общего для всех литературного языка не могут оптимально функционировать формирующиеся крымскотатарские общественно-политические и культурные институты, не могут развиваться образование и наука.

Единой системы ортологии крымскотатарского языка до сих пор не создано. Нормы грамматики и орфографии отражены в существующих учебных пособиях, однако и здесь имеются проблемные участки, которые нуждаются в осмыслении и переоценке с позиций современных социальных реалий и теории языка. Не кодифицированы до сих пор нормы словоупотребления и орфоэпии. В крымскотатарской лексикографии отсутствуют специальные справочники по орфоэпии с разработанной системой транскрипции. До сих пор не составлен даже толковый словарь, который призван регламентировать правильное употребление слов (в соответствии с их значением), их правильное написание, сочетаемость и в определенной степени – произношение.

Как уже говорилось выше, в современных условиях вектор русско-крымскотатарской интерференции направлен от русского языка к крымскотатарскому: русский язык, который является первым языком для значительной части крымских татар детского, молодого и среднего возраста, активно влияет на все участки системы крымскотатарского языка. На уровне лексики это проявляется в наличии большого количества лексических заимствований и калек разного рода – словообразовательных, семантических, фразеологических, синтаксических; на уровне синтаксиса – в нарушении фиксированного порядка слов, характерного для тюркских языков; на фонетическом (речевом) уровне – в искажении дифференциальных признаков фонем и их аллофонов и др.

В то же время следует отметить, что в звуковой стороне русской речи некоторых групп крымских татар (преимущественно людей с начальным и неполным средним образованием) можно наблюдать легкий крымскотатарский акцент, проявляющийся в форме специфической интонации. Известно, что акцентообразующими в языках мира выступают разные составляющие: артикуляционная база языка-рецептора, особенности ударения, интонации, характерные для того или иного языка фонетические законы и др.

Природа этого феномена до сих пор не исследована. Думается, он обусловлен особым типом крымскотатарского ударения: выделение слога происходит не только с помощью усиления гласного звука, но и с помощью движения голосового тона в пределах ударного слога. Возможно, акцентообразующим фактором является также специфика редукации гласных в крымскотатарском языке, которая носит не качественный, а количественный характер.

Как следует из сказанного, всем трём тюркским языкам аборигенных народов Крыма сегодня угрожает опасность. В нынешних условиях русский язык, кроме своих основных функций, самой историей призван выполнять ещё одну важную социальную функцию – способствовать сохранению и возрождению миноритарных языков, которым угрожает опасность исчезновения с лингвистической карты мира. Эта функция русского языка может выполняться при создании в первую очередь двуязычных словарей с «левой» русской частью: русско-крымскотатарских, русско-караимских, русско-крымчакских. Как известно, словари разного типа являются одним из важных инструментов расширения внутреннего (ментального) лексикона личности. Мой опыт создания двух русско-крымскотатарских словарей [5; 6], а также их оценка пользователями убедили меня в том, что русский язык выполняет в данном случае функцию компаса, ориентира, позволяющего «войти» в иной язык и вести целенаправленный поиск языковых единиц, необходимых для оптимизации процессов коммуникации на миноритарном языке, находящемся в опасности. Такую социальную функцию русского языка можно условно назвать регенеративной (от лат. *regeneratio* – восстановление, возрождение) – восстановительной, возмещающей.

Процессы возрождения и развития крымскотатарского и других миноритарных языков Крыма и Украины могут быть оптимизированы в русле корректной языковой политики украинского государства, в частности ее законодательного аспекта. В середине сентября 2006 г. Министерство юстиции Украины вынесло на общественное обсуждение проект новой концепции государственной языковой политики, разработанный Национальной комиссией по укреплению демократии и утверждению верховенства права [7], в преамбуле которого заявлено: «За прошлые годы... власть не смогла ни утвердить Концепцию государственной языковой политики, ни разработать и осуществить эффективную программу языкового планирования, ни создать действенный механизм возрождения и поддержки украинского языка, ни противодействовать культурно-языковой экспансии России» [7, с. 9]. Этот документ, по мнению его авторов, призван определить направления формирования и реализации языковой политики, организационные и правовые механизмы решения существующих проблем в этой социальной сфере. Однако результаты обсуждения этого документа широкой общественности до сих пор не сообщены [8].

В Украине все еще не разработан новый закон о языках: в соответствии с Законом Украины «О правопреемственности Украины» от 12 сентября 1992 г. № 1543-ХІ все еще действует закон «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 г. № 8312-ХІ. Имплементация положений «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» в социальной практике Украины до сих пор задерживается. Первый отчётный доклад Украины Европе о выполнении положений

Хартии должен был состояться в январе сего года (2007), однако только 20 апреля на сайте Министерства юстиции Украины в рубрике «Обговариваем законопроекты» появился текст данного доклада, обсуждению которого общественностью был отведен месячный срок, т. е. до 20 мая.

Литература и примечания

1. **Лингвистический** энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. 2. **Эмирова А.М.** Русский дискурс как компонент речевой деятельности крымских татар // Информационный вестник Форума русистов Украины. – Вып. 6. – С. 55–61. 3. **О количестве** и составе населения АРК по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. // Крымские известия. – 2003. – № 4. 4. **Конституция** Украины. – К., 1996. 5. **Эмирова А.М., Усеинов С.М.** Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь, 2003. 6. **Эмирова А.М.** Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь, 2004. 7. **Крымские известия.** – 2000. – № 169. 8. **Эмирова А.М.** Языковая политика на Украине // III Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М., 2007. – С. 753–754. 9. **Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж.** Словарь социолингвистических терминов. – Алматы, 2002.

¹ Государственный язык язык, выполняющий на территории определенного государства все основные социальные функции, имеющий особый юридический статус и являющийся, наряду с флагом, гербом и гимном, символом государственности [9, с. 34].

² Официальный язык по объему понятия совпадает с государственным языком: выполняет на территории определенного государства все основные социальные функции и имеет соответствующий правовой статус [9, с. 76].

РУССКО-КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ КРЫМА

В работе рассмотрены современное состояние языков коренных народов Крыма – крымских татар, караимов и крымчаков – и социально-политические и собственно лингвистические аспекты проблемы возрождения крымскотатарского языка.

Ключевые слова: интерференция, языковая компетенция, языковая политика.

РОСІЙСЬКО-КРИМСЬКО-ТАТАРСЬКА ІНТЕРФЕРЕНЦІЯ ТА ПРОБЛЕМИ ВІДРОДЖЕННЯ МІНОРИТАРНИХ МОВ КРИМУ

У статті розглянуто сучасний стан мов корінних народів Криму – кримських татар, караїмів і кримчаків – і соціально-політичні й власно лінгвістичні аспекти проблеми відродження кримськотатарської мови.

Ключові слова: інтерференція, мовна компетенція, мовна політика.

RUSSIAN-CRIMEAN TATAR INTERFERENCE AND THE PROBLEMS OF THE REVIVAL OF MINOR CRIMEAN LANGUAGES

This work is considered the contemporary state of languages of native people of Crimea – Crimean Tatars, karaims and crimchaks. Socio-political and properly linguistic aspects of problem of revival of Crimean Tatar language are analyzed.

Key words: interference, language competence, language policy.

УДК 811.111'373.611'23

О.М. Головко
(м. Запоріжжя)

ЛІНГВАЛЬНА АКТУАЛІЗАЦІЯ ІНДИВІДУАЛЬНИХ ТА ПЕРСОНАЛІЗОВАНИХ ПІДМОВ (на матеріалі сучасної англійської мови)

На початку ХХІ століття англійська мова переживає період швидкого розвитку, особливо в словниковому складі мови, оскільки це той рівень мови, що найлегше піддається зміні порівняно з граматиною та фонетикою. Різними напрямками розвитку англійської мови займаються багато вітчизняних учених: Ю.А. Зацний – суспільно-політична лексика [4], А.Б. Юнацька – іспанські запозичення в англійській мові [9], О.В. Ребрій – okazіоналізми [8], Р.К. Махачашвілі – комп'ютерна лексика [7], сучасні процеси словотвору – А.Е. Левицький [5], С.М. Єнікеева [3] та ін. Сучасна англійська мова розвивається дуже бурхливо, і є певна кількість чинників, що сприяють цьому процесу.

Перш за все, необхідно зазначити, що англійська мова є рідною для великої кількості мовців, що проживають у різних частинах земної кулі й одночасно мають можливість розвивати її в різних напрямках. Бурхливий розвиток науки та техніки в англійській мові, особливо американському, суспільстві стає об'єктом атракції великої кількості

неологізмів, що також сприяє адаптації та узуалізації новітніх лінгвальних одиниць. Крім того, англійська мова впливає на інші національні мови, результатом чого є виникнення, становлення та функціонування національних мов-гібридів.

Широкого розповсюдження набувають професійні підмови, що невпинно сприяють швидкому розвитку мови, особливо її лексики. Запозичення, хоча й не є найголовнішим чинником його поповнення, у зв'язку з тим, що сучасна англійська мова виступає мовою-донором відносно інших національних мов, усе ж таки сприяють розвитку лексичної системи [1].

На нашу думку, існує ще один провідний чинник, що допомагає визначити процес поповнення мови інноваціями – наявність у мовців креативного потенціалу. Це зовсім не означає, що носії інших національних мов менш творчі, але слід зазначити, що саме американський варіант англійської мови розвивається найбільш бурхливо, що зараз поширюється й на індивідуальне використання мови. Отже, на наш погляд, одним з провідних чинників, що впливають на поповнення лексичної системи, є сам носій мови, що також маніфестується в десигнаціях індивідуального використання мови. Персональні неологізми, семантика яких ідентифікує мовні параметри публічних осіб, також широко використовуються в ЗМІ, що сприяє їх більш швидкому поширенню й входженню до основного корпусу мови. У зв'язку з цим існує тенденція до необхідності номінації індивідуального використання мови, пов'язана з багатьма чинниками, яким і буде присвячена наступна робота. Виходячи з вищенаведеного, метою нашої статті є дослідження чинників та аспектів (як лінгвальних, так і екстралінгвальних), які впливають на репрезентацію індивідуальних аспектів використання мови та їхню маніфестацію мовними засобами, що у зв'язку з бурхливим розвитком лексичної системи потребують детального вивчення й дослідження.

Таким чином, наша стаття є актуальною у зв'язку зі швидким розвитком сучасної англійської мови й недостатнім висвітленням у науковій літературі параметрів, пов'язаних з особливостями індивідуального використання мови. Об'єктом нашого дослідження є процеси вербалізації сучасних лінгвальних інновацій англійської мови, що десигнують індивідуальне використання мови, а предметом – особистісні параметри, результатом інтерпретацій яких є репрезентація цих ідіомів у сучасній англійській мові. Матеріалом нашого дослідження є понад сто вісімдесят інновацій англійської мови, що номінують особливості індивідуального використання мови, відібрані з періодичних видань та електронних лексикографічних реєстрів.

У міжперсональному спілкуванні кожна людина користується мовою, що певним чином презентує її статус у суспільстві та належність до певної соціальної страти. Залежно від інтенцій мовця функціональний ідіостиль може змінюватися, але, в основному, вокабуляр кожного мовця

є приблизно сталим. Такий ідіостиль у нашому дослідженні ми пропонуємо десигнувати «індивідуальною підмовою». Типологію індивідуальних підмов, з огляду на різну конфігурацію чинників, що впливають на них, представлено на рис. 1.

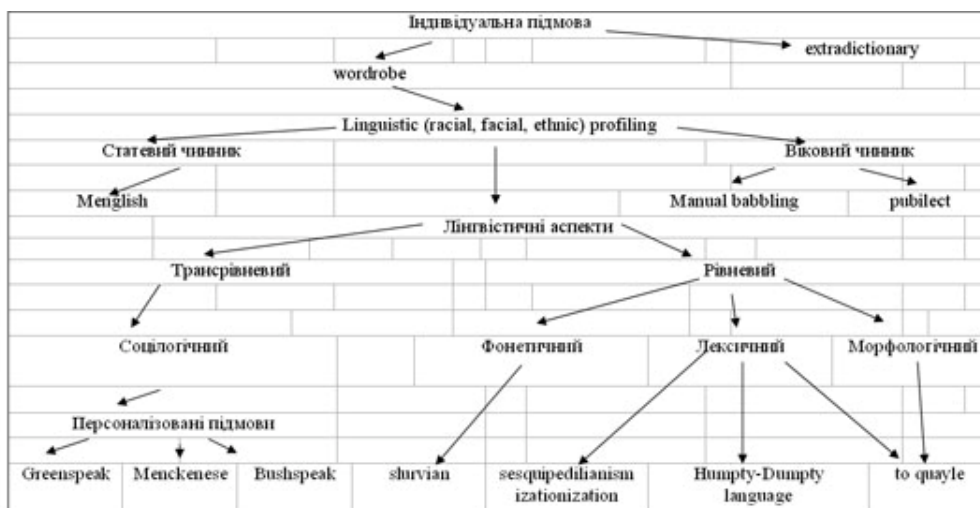

Рис. 1. Сучасні підмови: типологія за лінгвістичними та індивідуальними аспектами

Для того, щоб повно визначити, що являє собою індивідуальна підмова, необхідно провести межу між власне мовою та невербальними засобами, що полегшують сприйняття інформації (міміка, жести, вчинки, дії тощо). На позначення цих видів передачі інформації в сучасній англійській мові функціонують такі інновації, як *extradictionary* та *wordrobe*. Семантика першої зазначеної одиниці впливає з суми її компонентів *extra+dictionary*, тобто вся інформація, яку можна виразити не словами: адресант передає інформацію невербальними засобами, причому поняття, що номінує невербальні засоби спілкування, десигнується терміном, що презентує лінгвальну приналежність *dictionary*. Інша інновація *wordrobe* утворена за аналогією з одиницею *wardrobe* (гардероб – тобто весь одяг, який має людина у власності), звідси й значення одиниці – увесь словниковий запас кожного мовця.

На формування словникового запасу кожного носія мови впливає багато різних чинників, серед яких етнічна приналежність є досить значущою. Кожній етнічній групі властиве певне використання англійської мови, що, на нашу думку, є результатом її засвоєння через призму рідної мови. На позначення цього феномену з'явилося кілька десигнацій, що репрезентують цей процес у суспільстві, але не є політично коректними. Першими інноваціями, що представляли наявність індивідуальних підмов у сучасній англійській мові, пов'язаними з належністю до певної етнічної чи расової групи, були *racial profiling*, *ethnic profiling* та *facial profiling*. Хоча три інновації

містять різні словотворчі елементи *racial*, *ethnic* та *facial*, у всіх них наявний семантичний компонент віднесеності до певної групи, основується на фізичних рисах і, відповідно, манері висловлювання та використання різних аспектів мови. Поява цих неологізмів підкреслює велику лінгвоетнічну варіативність американського суспільства.

Але ці інновації (на позначення манер висловлювання, що притаманні певним етнічним групам) могли образити мовців, тому продовжувався пошук найбільш сприятливої інновації, що, на нашу думку, маніфестується в неологізмі *linguistic profiling*. Останній не нав'язує етнічної чи расової приналежності, а тому не містить пейоративного забарвлення і є більш нейтральним. Він лише ставить наголос на сукупності всіх параметрів, що характеризують манеру як усного, так і писемного мовлення різних людей. Крім того, інновація може вживатися не лише по відношенню до емігрантів та етнічних груп, але й до місцевого населення, при спробі охарактеризувати людину. В одиниці *linguistic profiling* наявність компонента на позначення мовних параметрів виражена експліцитно лексевою *linguistic*, тоді як у неологізмах *racial profiling*, *ethnic profiling* та *facial profiling* ця семантика виражена імпліцитно.

«*Johnson is suing the landlord for «linguistic profiling», a form of racial discrimination the courts have yet to fully recognize. His case will be set for trial early in the new year»* (ABC News, Dec. 2001).

Подальша класифікація новітніх десигнацій, на позначення індивідуальних підмов, відбувається на основі використання мови людьми різних вікових груп. Нами було відібрано дві інновації, що репрезентують зазначений процес: *manual babbling* та *pubilect*. При спілкуванні маленька дитина, яка ще не може повно виразити свою думку вербально, щоб вона була зрозуміла дорослим, широко використовує жести. Такий тип індивідуальної підмови в сучасній англійській мові отримав десигнацію *manual babbling*, що є словосполученням, і значення інновації можна вивести з суми конституюючих формантів *manual* (ручний; те, що виконується руками) та *babbling* (дитячий елемент), тобто манера говорити нерозбірливо з великою кількістю жестів, що притаманна дітям. Інновація *pubilect* є зрощенням формантів *puberty* (статеве дозрівання) та *dialect*. Таким чином, семантика інновації дорівнює сумі компонентів, що її утворюють: *pubilect* – індивідуальна підмова, вживання якої характерне мовцям у період статевого дозрівання.

«*Marcel Danesi, a professor of linguistics ... who coined the term 'pubilect' to describe the dialect of pubescence, said he believes like is in fact altering the structure of the English language, making it more fluid in construction, more like Italian or some other Romance language than good old hard-and-fast Anglo-Saxon»* (The New York Times, August 9, 1998).

У зв'язку з подовженням середньої тривалості життя й постійними змінами, що відбуваються в соціумі, різні покоління починають

спілкуватися за допомогою «різних функціональних ідіостилів», що, на нашу думку, повинно відобразитися й у словниковому складі мови. Зараз у сучасній англійській мові використовується одиниця *geezer law*, яка десигнує людину похилого віку; саме тому ми вважаємо, що незабаром можна очікувати появу неологізму, щось на кшталт *geezer-speak* – індивідуальна підмова, характерна для людей похилого віку.

Дослідження особливостей гендерного використання мови вже здобуло значного поширення в науковій літературі [2; 10 та ін]. У своїх роботах вони досліджують особливості гендерної мовної підсвідомості та гендерного дискурсу. Доведено, що гендерний чинник є потужним аргументативним засобом, а використання гендерно маркованих візуальних та лінгвальних аргументів, безумовно, впливає на формування особливостей ціннісних орієнтирів англомовного суб'єкта дискурсу [6, с. 90], і це означає, що для кожної статі є характерний набір лексичних, граматичних, стилістичних та інших мовних засобів, притаманних не лише для використання, але й для засобів, спрямованих на актуалізацію інформації гендером.

Так, у сучасній англійській мові широко використовується інновація *Menglish* (зрощення одиниць *men* та *English*), що означає підмову, яка використовується при розмові чоловіками, з чоловіками та про чоловіків. Інша інновація, на позначення функціонального ідіостилу, притаманного чоловікам, отримала номінацію *Guy-talk*, що є складним словом, і його семантика дорівнює сумі значень одиниць, що її утворюють *Guy* (хлопець) та *talk* (розмова), тобто всі лексичні засоби, які використовують чоловіки для обговорення справжніх «чоловічих» тем (машини, новини, жінки та ін.), коли знаходяться в компанії без жінок. У зв'язку з цим, на нашу думку, можна очікувати появи інновації *Guy-speak*, що буде в деяких аспектах синонімом *Menglish*.

Наступний критерій нашої класифікації індивідуальних підмов базується на аспектах, що включають рівневий та трансрівневий параметри. До першого належать лексичний, морфологічний, фонетичний аспекти (тобто аспекти різних рівнів мови), а до останнього – соціальний аспект (він не належить до рівнів мови, але є значущим при функціонуванні мовної системи).

Відповідно до вищенаведених параметрів відібрані інновації можна представити таким чином. *Slurvian* означає індивідуальну підмову, що характеризується неохайною та нечіткою вимовою (фонетичний аспект). Інновація *slurvian* утворена шляхом афіксації: до дієслова *slur* (нечітко вимовляти) додається ад'єктивний суфікс *-vian* на позначення мови (наприклад, *Servian* – сербська мова).

Лексичний аспект індивідуальної підмови представлений трьома інноваціями. Неологізм *Humpty-Dumpty language* отримано в результаті словоскладання: до власного імені *Humpty-Dumpty* (Шалтай-Болтай), що вживається в ролі означення, додається лексема *language* (мова), тобто мова чи стиль мовлення, що характеризується вседозволеністю. Таким

чином, *Humpty-Dumpty language* – індивідуальна підмова, що характеризується ідіосинкретичним використанням, у якій значення певних слів визначається самим мовцем.

Humpty-Dumpty є персонажем Л. Керролла з «Аліси в Країні Чудес», а все, що пов'язане з цим твором, в англійській мові містить імплікацію нереальності, тобто *Humpty-Dumpty language* – мова, яка не існує, персонально створена ідіома. Крім того, персонаж *Humpty-Dumpty* постійно змінював форму (падав, ламався, його збирали, але щоразу по-новому), саме тому *Humpty-Dumpty language* означає довільність структурної та семантичної конфігурації ідіоми.

Інший неологізм, який представляє лексичний аспект індивідуального використання мови – *sesquipedalianism* – манера висловлювання чи письма, що характеризується широким вживанням довгих слів. Одиниця *sesquipedalia verba* була створена Горацієм і означає «слово довжиною в півтора фути». Лише у XXI столітті інновація здобула вищезазначену семантику. Практика вживати довгі слова, особливо ті, що містять афікс *-ization*, також стає поширеною в сучасному англійському суспільстві, що показує наявність іншої інновації *izationization* у цій підкатегорії. Неологізм утворено шляхом дублювання суфікса, основа *ization-* (перша частина інновації) зображує процес широкого використання суфікса *-ization* у сучасній англійській мові, а друга частина новітньої одиниці, що в даному випадку функціонує як суфікс, несе семантику процесу. Повторення суфікса в одиниці підкреслює його широке використання.

«*There are three courses you can log on to via www.plainenglishtraining.com. The Plain English course, claims to show you how to eschew **sesquipedalianism** – or, in plain English, to avoid waffle*» (Guardian, Apr 12, 2003).

Під час нашого дослідження було виявлено одну інновацію – дієслово *to quayle*, яку можна одночасно віднести до двох аспектів індивідуальної підмови (як лексичного, так і морфологічного). Вона характеризує манеру мовлення людини, схильної до формування незмістовних речень, що містять велику кількість довгих слів, у вживанні котрих немає потреби. Ми віднесли до індивідуальних підмов цю інновацію-дієслово, хоч вона й представляє, як відбувається процес, а не номінує його. Але, на нашу думку, індивідуальна підмова може вербалізуватися не лише іменниками, але й дієсловами, адже це процес говоріння.

Наразі в сучасній англійській мові вже відчувається тенденція не лише наявності й функціонування індивідуальних підмов, але й тих підмов, компонентом десигнації яких є ім'я особи, що нею користується, чи були першими, хто поширив саме такий стиль мовлення. Ми пропонуємо їх ідентифікувати як «персоналізовані підмови», що є одним з проявів індивідуальної підмови та певним чином конституують її. Слід зазначити, що персоналізовані підмови представляють соціальний, тобто

трансрівневий аспект ідіомови, хоча граматичний, лексичний та фонетичний аспекти можуть бути також наявні. Ці особи ніби впроваджують нове функціонування мови, використовуючи свої творчі здібності на її різних рівнях. Це підтверджує нашу теорію, що однією з рушійних сил прогресу мови є сама особистість з її творчим лінгвістичним потенціалом.

Нами було виявлено три інновації, що дають десигнації персоналізованим підмовам. Неологізми *Greenspeak*, *Bushspeak* та *Menckenesese* характеризують стилі мовлення з усіма особливостями вживання лексичних одиниць, граматичних конструкцій та ін. Так, вважається, що Голові Ради правління федеральної резервної системи Алану Грінспену притаманний закодований та обережний стиль мовлення (*camouflanfuage*), що здобув десигнацію *Greenspeak*. Зараз вважається, що стиль мовлення першої особи США (Дж. Буша) також характеризується наявністю власної ідіомови, яка отримує номінацію *Bushspeak*. Обидві інновації утворені в результаті дії процесу телескопії прізвищ *Greenspan* та *Bush* (відповідно) та одиниці *speak*. Семантика останнього форманта характеризується наявністю функціональної трансорієнтації одиниці в рамках іманентного мовного рівня. Інший неологізм *Menckenesese* є дериватом від прізвища журналіста H.L. Mencken та суфікса *-ese* (на позначення мови). Інновація означає провокативний і, часто, ідкий стиль написання, який наслідують у цього журналіста.

«*In typical **Greenspeak**, he said price stability can 'induce investors to take on more risk and drive asset prices to unsustainable levels*» (Investor's Business Daily, June 18, 1999).

На нашу думку, поява персоналізованих підмов пов'язана з поширенням ЗМІ й публічністю осіб, які користуються мовою саме в такому ракурсі. Наше дослідження новітніх номінацій мови показало, що особистість та її персональні особливості й відмінності індивідуального процесу пізнання створюють преференції стосовно використання мови, що є однією з рушійних сил розвитку словникового складу мовної системи в цілому.

Нами було представлено наявність в англійській мові «індивідуальних підмов», для позначення яких з'явилися й активно функціонують новітні десигнації. Виявлено об'єктивні чинники, що впливають на актуалізацію, функціонування та використання цих підмов (етнічна чи расова приналежність, стать, вік). Суб'єктивними ж є ті параметри, які сприяють розвитку «персоналізованих підмов», що є частковим випадком індивідуальних підмов. Виявлено чинники, що сприяють виникненню та номінації таких підмов – публічність цих осіб та їх великий вплив на ціле суспільство. При виділенні індивідуальних підмов велика увага приділяється різним рівневим (фонетичний, лексичний, морфологічний) та трансрівневим (соціальний) аспектам.

У зв'язку з вищенаведеними чинниками, що сприяють більш швидкому розвитку сучасної англійської мови, дослідження не є вичерпним і потребує подальшої розробки.

Література

1. **Головко О.М.** Вербалізація назв сучасних міжнаціональних мов-гібридів та професійних підмов (на матеріалі сучасної англійської мови) // Вісник Сумського державного університету. Серія: Філологічні науки. – Суми, 2006. – 2006. – №11 (95). – Т. 2. – С. 26–34.
2. **Горошко Е.И.** Языковое сознание: гендерная парадигма: Монография. – М. – Харьков, 2003.
3. **Єнікєєва С.М.** Формування та функціонування нових словотворчих елементів англійської мови: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – Харків, 1999.
4. **Зацний Ю.А.** Розвиток словникового складу сучасної англійської мови. – Запоріжжя, 1998.
5. **Левицький А.Е.** Актуальні проблеми розвитку неології (на матеріалі сучасної англійської мови) // Вісник Житомирського державного університету ім. Івана Франка. – Вип. 23. – Житомир, 2005. – С. 16 – 21.
6. **Мальшенко А.О.** Гендерные аспекты англоязычного рекламного дискурса // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2004. – С. 88–90.
7. **Махачашвілі Р.К.** Лінгвофілософські параметри інновацій англійської мови у сфері новітніх технологій: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Запорізький національний університет. – Запоріжжя, 2005.
8. **Ребрій О.В.** Мовна мода та міжмовні паралелі // Вісник Харківського національного університету ім. Н.В. Каразіна. – Харків, 2002. – № 567. – С. 95–101.
9. **Юнацька А.Б.** Ідентичність «Хіспанікс» vs. «Євро-американська» стереотипізація: мовленнєва практика // Культура народів Причорномор'я. Язык и мир. – 2006. – № 82. – Т. 2. – С. 244–246.
10. **Martynuk A.P.** Male and Female stereotypic qualities through the English adjective // Вісник Харківського національного університету ім. Н.В. Каразіна. – Харків, 2001. – № 537. – С. 128–134.

ЛИНГВАЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ ПОДЪЯЗЫКОВ (на материале современного английского языка)

Статья посвящена изучению неологизмов, которые являются номинациями разных подязыков. Было уделено внимание явлениям индивидуализированных и персонализированных подязыков. Определены главные причины их развития и функционирования. Рассмотрены некоторые аспекты, которые способствуют развитию языка и процессам неологии.

Ключевые слова: неологизм, индивидуальный подъязык, персонализированный подъязык, десигнация.

**ЛІНГВАЛЬНА АКТУАЛІЗАЦІЯ
ІНДИВІДУАЛЬНИХ ТА ПЕРСОНАЛІЗОВАНИХ ПІДМОВ
(на матеріалі сучасної англійської мови)**

Стаття присвячена вивченню неологізмів, що є номінаціями різних підмов. Приділено увагу явищам індивідуальних та персоналізованих підмов. Визначено головні причини їх розвитку та функціонування. Розглянуто деякі аспекти, що сприяють розвитку мови та процесам неології.

Ключові слова: неологізм, індивідуальна підмова, персоналізована підмова, десигнація.

**LINGUAL ACTUALIZATION
OF INDIVIDUAL AND PERSONALIZED SUBLANGUAGES
(on material of the modern English language).**

The article is devoted to investigation of neologisms that are nominations of different sublanguages. The phenomena of individual and personalized languages are observed. The main reasons for their development and functioning are defined. Some trends that favour language development and neology processes are looked upon.

Key words: neologism, individual sublanguage, personalized sublanguage, designation.

Новации в учебном процессе

УДК [811.161.1:371.27]:004

В.А. Розсоха, Е.В. Чулганская

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН В ФОРМАТЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

В современной образовательной деятельности всё более закрепляется установка на интеллект и креативное мышление. Инновационные подходы к обучению требуют новых моделей коммуникации. Широкие перспективы для решения поставленных перед системой образования задач открывает достаточно активно разрабатываемая в последнее время методика использования мультимедийных технологий. Это обусловлено возможностями компьютера обеспечивать воспроизведение информации через аудио- и видеоканалы, осуществлять обучение и контроль над усвоением материала в разных режимах самостоятельного поиска, на разных уровнях сложности.

Созданные за последние несколько лет преподавателями кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко компьютерные программы¹, дистанционные курсы, электронные учебники имеют вполне конкретные и прогнозируемые цели, одна из которых состоит в создании комфортных условий обучения, когда обучающийся осознает свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, что не только позволяет ему получать новые знания, но и делает продуктивным сам процесс обучения.

Активное использование информационных технологий предоставляет новые возможности не только для индивидуализации обучения, но и для проведения экзаменов, обеспечивая при этом практически мгновенную обратную связь.

В этом плане хотелось бы представить тестовую программу «Государственный экзамен», предназначенную для проверки знаний студентов-выпускников по современному русскому языку (уровень «Бакалаврат»).

Экзаменационный тест был создан на основе существующей программы по современному русскому языку с методикой его преподавания. Каждый из разделов курса был представлен приблизительно одинаковым числом тестов. Датчиком случайных чисел студентам предлагалось выполнить 50 тестов из заложенных в программу 100, что создавало определённую вариативность.

Последовательность правильных ответов также задавалась машиной. Приведём примеры тестов.

1. К какому фонетико-фонологическому типу языков относится русский язык?

Варианты ответа:

- к вокалическому
- к консонантному

2. Какой из двух вариантов фонематической транскрипции соответствует МФШ?

Варианты ответа:

- луг <луг>; дым <дим>; долго <долго>
- луг <лук>; дым <дым>; долго <долга>

3. Лексическое значение какого слова не осложнено коннотацией?

Варианты ответа:

- буфетчик
- самоварчик
- балалаечка

4. В каком из толковых словарей широко представлена ненормированная лексика, в том числе и жаргонизмы (например, *тусовка, дедовщина, прихватизация* и под.)?

Варианты ответа:

- в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (под ред. Г.Н. Складчиковой)
- в «Словаре иностранных слов» И.А. Васюковой
- в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина

5. Морфологические нормы русского национального языка впервые были описаны ...

Варианты ответа:

- в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1757 г.)
- в «Словаре Академии российской» (1789 г.)
- в «Рассуждении о славянском языке, служащем введением к грамматике сего языка ...» А.Х. Востокова (1820 г.)
- в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619 г.)

6. Ключевые термины компаративистики (сравнительно-исторического языкознания) «праязык», «прародина языка», «реконструкция языка», «языковое дерево», «языковая ветвь» введены в научный оборот ...

Варианты ответа:

- Августом Шлейхером

- Вилемом Матезиусом
- Романом Якобсоном
- Львом Владимировичем Щербой

7. Выделите существительное *singularia tantum*.

Варианты ответа:

- родня
- насекомое
- мужчина
- дочь

8. Дейктические местоимения ...

Варианты ответа:

- отсылают к участникам акта речи, к высказыванию
- выражают денотативный статус
- отсылают к речи, речевой ситуации или тексту, в состав которого входят

9. Предикативность – это ...

Варианты ответа:

- сопряженность предикативного признака с субъектом – его носителем, выражающая в языковых категориях модальности, времени и лица отнесенность предложения к действительности
- часть речи, выражающая процессуальные признаки
- связь между подлежащим и сказуемым

10. Какой тип урока предполагает равное сочетание работы по языковой теме и работы по развитию речи?

Варианты ответа:

- синтетический
- аспектный
- развития связной речи.

Краткое описание программы

Программа состоит из двух модулей: серверной части (рабочего места преподавателя) и клиентской части (рабочего места студента).

Серверная часть предназначена для хранения тестов, списков студентов и результатов тестирования. На рабочем месте преподавателя находится и «Protocol Viewer» – программа для просмотра и распечатывания результатов тестирования.

Клиентская часть загружает с сервера списки студентов, тесты и сохраняет на сервере результаты тестирования.

Тестирование начинается с регистрации студента: студент выбирает из выпадающего списка свою группу, фамилию и имя и название теста.

Регистрация

Группа
4 курс

Фамилия и имя
Карпенко Ксения

Название теста
ГЭК для стационара

Submit button with a checkmark icon.

В процессе тестирования студенту не сообщается, правильно или неправильно он ответил на вопрос и сколько баллов набрал. Эта информация показывается только по окончании теста в протоколе. Если студент ответил неправильно, то в протокол вносится только ответ студента, правильный ответ в протокол не заносится. Например:

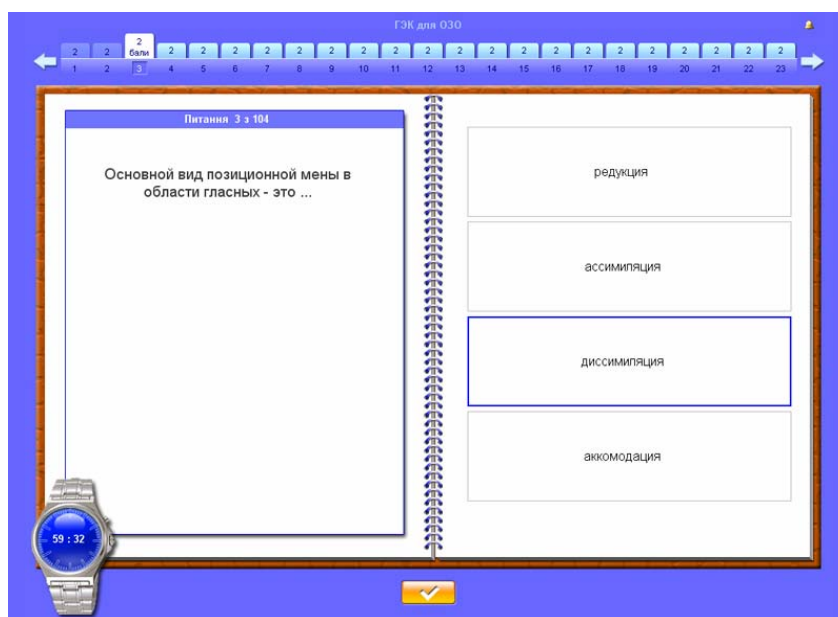
Вопрос:

Выделите существительное *singularia tantum*.

***Ваш ответ был неправильным:* насекомое**

Не засчитано 2 балла.

Интерфейс программы удобен и прост (см. рис. ниже).

Вопросы желательно составлять по одному шаблону. Предпочтительными являются вопрос или незаконченное высказывание. При таких формулировках в качестве ответа представлено правильное утверждение.

Например:

1. *Незаконченное высказывание*

Морфологические нормы русского национального языка впервые были описаны ...

Варианты ответа:

- в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1757 г.)
- в «Словаре Академии российской» (1789 г.)
- в «Рассуждении о славянском языке, служащем введением к грамматике сего языка ...» А.Х. Востокова (1820 г.)
- в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619 г.)

2. *Вопрос*

Где впервые были описаны морфологические нормы русского национального языка?

Варианты ответа:

- в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1757 г.)
- в «Словаре Академии российской» (1789 г.)
- в «Рассуждении о славянском языке, служащем введением к грамматике сего языка ...» А.Х. Востокова (1820 г.)
- в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619 г.)

Результаты тестирования представлены на экране графически. При этом указано количество заданных вопросов (оно практически неизменно – 50 и может быть меньше лишь в том случае, если студент не смог справиться с заданием за 45 минут, отведённых на тестирование), а также количество и процентное соотношение правильных и неправильных ответов (см. рис. ниже).

По окончании тестирования преподаватель распечатывает подробный протокол (см. ниже), который хранится как результат проведённого экзамена.

Коргун Юлія Анатоліївна

Тест:
ГЭК для стационара

Дата и время выполнения теста:
5.06.2007 - 9:32:03

Вопрос 7

Позиционные чередования по МФШ – это ...

Ваш ответ был неправильным:

чередования фонем в составе одной морфемы

Не начислено 2 балла

Вопрос 32

Казанская лингвистическая школа и Московская лингвистическая школа сформировались в последней трети XIX в. в рамках такого лингвистического направления, как ...

Ваш ответ был неправильным:

сравнительно-историческое языкознание

Не начислено 2 балла

Вопрос 43

Окказионализм «двадцати-с-чем-то-летние» образован ...

Ваш ответ был неправильным:

морфолого-синтаксическим способом

Не начислено 2 балла

Вы ответили на 50 вопросов из 50 предложенных

Правильных ответов – 47

Неправильных ответов – 3

На выполнение теста затрачено 38 мин. 03 сек.

Вы набрали 94 балла из 100 возможных.

Кроме того, программа создает общий протокол экзамена, в котором преподаватель выставляет оценки в соответствии с набранными баллами по привычной для студентов модульно-рейтинговой системе:

отлично – 84–100 %;

хорошо – 67–83 %;

удовлетворительно – 50–66 %;

неудовлетворительно – 0–49 %.

См. общий протокол экзамена:

**ГЭЖ для стационара
(результаты тестирования)**

№ п/п	Фамилия и имя студента	Дата	Время	Баллы
1	Євсюкова Ольга Володимирівна	05.06.2007	9:30:46	96
2	Коргун Юлія Анатоліївна	05.06.2007	09:32:08	94
3	Крот Тетяна Олегівна	05.06.2007	9:29:42	90
4	Нечипоренко Аліна Максимівна	05.06.2007	9:34:34	90
5	Пільтенко Ольга Юрійвна	05.06.2007	9:25:18	78
6	Слюсарєва Ганна Миколаївна	05.06.2007	9:32:16	76
7	Чай Вей	05.06.2007	9:36:08	78
8	Чжан На	05.06.2007	9:27:42	76
9	Щербаков Дмитро Сергійович	05.06.2007	9:21:38	88

Средний балл группы: 85,11

Подпись преподавателя _____

В общем протоколе сразу подсчитывается и средний балл успеваемости группы.

После окончания экзамена преподаватель может распечатать протокол текущих ошибок, на основании чего можно сделать выводы о том, какие вопросы вызвали наибольшие трудности, какие разделы курса усвоены лучше, а какие хуже. А это является важным моментом для дальнейшего совершенствования работы преподавателя (см. ниже фрагмент такого протокола).

**ГЭЖ для стационара
(типичные ошибки)**

№ п/п	Вопрос	Количество ошибок
1	Окказионализм «двадцати-с-чем-то-летние» образован ...	4
2	Совокупность течений и отдельных концепций, изучающих язык в его отношении к мышлению и знанию и ориентированных на те или иные школы в логике и философии, составляет ...	4
3	Какой принцип отбора произведений живописи для работы на уроках русского языка является ведущим?	3

4	Существительным <i>singularia tantum</i> является слово ...	3
5	В речевом потоке звук [ы] подвергается ...	3
6	Казанская лингвистическая школа и Московская лингвистическая школа сформировалась в последней трети XIX в. в рамках такого лингвистического направления, как ...	2
7	Фонетическим принципом русской орфографии объясняется написание слов ...	2
8	В каком из предложений употреблено составное именное сказуемое?	2
9	Какой метод организации учебного материала является доминирующим в учебниках по русскому языку для русских школ Украины?	2
10	Позиционные чередования по МФШ – это ...	2

Разумеется, такая работа требует постоянной тренировки в течение всего периода обучения (работа с компьютерными программами, экзаменационное тестирование по каждому из разделов курса и т. д.).

Результаты же проведенного экзамена на стационаре и ОЗО в 2006–2007 учебном году показали объективность и целесообразность подобной формы.

Примечания

¹ См., например «Русская орфография» (В.А. Розсоха); «Речевая культура» (Г.П. Джинджолия, В.А. Розсоха), описание которых приводится в выпуске № 10 «Информационного бюллетеня УАПРЯЛ» (К., 2004. – С. 21–28), а также мультимедийное пособие Л.Н. Синельниковой «Паблик рилейшнз».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН В ФОРМАТЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

В современной образовательной системе всё более закрепляется установка на интеллект и креативное мышление. Инновационные подходы к обучению требуют новых моделей коммуникации.

В статье анализируется опыт сдачи государственного экзамена по современному русскому языку (уровень «Бакалаврат») в формате тестовой компьютерной программы.

Ключевые слова: компьютерная программа, современный русский язык, государственный экзамен.

ДЕРЖАВНИЙ ІСПИТ У ФОРМАТІ КОМП'ЮТЕРНОЇ ПРОГРАМИ

У сучасній освітній системі все більш закріплюється настанова на інтелект та креативне мислення. Інноваційні підходи до навчання вимагають нових моделей комунікації.

У статті аналізується досвід складання державного іспиту із сучасної російської мови (рівень «Бакалаврат») у форматі тестової комп'ютерної програми.

Ключові слова: комп'ютерна програма, сучасна російська мова, державний іспит.

STATE EXAMS IN COMPUTER PROGRAM FORMAT

The modern educational system is increasingly getting aimed at the intellect and creative thinking. Innovation approaches to education demand new communication models.

The article analyzes the experience of taking state exams in modern Russian (for the bachelor's degree) in computer program format.

Key words: computer program, modern Russian, state exam.

Рецензии

**Л.Н. Синельникова. *Жизнь текста, или Текст жизни:*
Избранные работы: В 3 т. (Луганск: Знание, 2005. – 1280 с.)**

Выход в свет Избранных работ учёного, имеющего большой исследовательский опыт, интересен уже тем, что расположенные в хронологическом порядке статьи, разделы монографий и учебных пособий фиксируют не только личные научные пристрастия автора, но и этапы движения лингвистической науки. В Предуведомлении сказано: «Соединение написанного за многие годы в Избранное – дело ответственное: то, что было рассредоточено в разном времени и пространстве, начинает осмысливаться целостно и в определённой степени оцениваться по гамбургскому счёту. Оказавшись в такой когнитологической точке, автор как никто другой видит собственные несовершенства и всё-таки не отказывается от риска. Этот риск оправдан немаловажным обстоятельством – возможностью увидеть смену научных парадигм, расширение предмета и объекта лингвистического исследования, появление новых методов интерпретации языкового материала. Лингвистическое знание континуально, в нём диахрония «свёртывается» в синхронию и прошлое – даже своими слабостями (особенно с позиций другого времени) – стимулирует настоящее, является для него исходной точкой».

Первый том (432 с.) посвящён проблемам лингвистической поэтики. В нём представлены исследования художественных текстов, в большей степени поэтических, проводимые автором в течение нескольких десятилетий (с 1972 по 2004 годы). Проблематика включённых в этот том статей разнообразна: когнитивные свойства лирического жанра, механизмы формирования коннотаций в поэзии, мультиплицированное лирическое повествование как знак поэтического авангардизма, реминисцентность лирического знания и мн. др. Уделено внимание идиостилевым особенностям мастеров художественного слова. Список персоналий составили: С. Есенин, И. Северянин, А. Тарковский, Б. Ахмадулина, Е. Винокуров, Ю. Левитанский, А. Кушнер, И. Бродский и мн. др.

В ряде статей автор обосновывает теоретические подходы к анализу стихотворных текстов и подтверждает их действенность разборами стихотворений самых разных поэтов – от Пушкина до современных авангардных поэтов, что создаёт так недостающую современному филологическому знанию типологическую континуальность.

Работы Л.Н. Синельниковой по поэтике – это всегда анализ языковых фактов и единиц с учётом культурного и филологического контекста. Представленный в ряде статей концептуальный анализ

поэтического слова – пример интеграции лингвистических, психолингвистических, лингвокультурологических подходов.

Второй том (392 с.) «Социолингвистика. Современное гуманитарное знание и “картина мира”» посвящён одной из динамично развивающихся областей знания, изучающей общественную обусловленность функционирования языка, воздействия общества на язык и языка на общество. В статьях этого тома представлена и подтверждена многочисленными примерами социолингвистическая концепция профессора Л.Н. Синельниковой. С одной стороны, автор разделяет позиции московской школы функциональной социолингвистики, соглашаясь с Л.П. Крысиным, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и др. в том, что на современном этапе важно выяснить особенности функционирования русского языка, описать социальный контекст его существования на фоне развития и функционирования других языков. С другой стороны, Л.Н. Синельникова считает обязательным рассмотрение тех факторов и фактов, согласно которым социальное не только составляет «фон» языковых изменений, но и проникает в структуру языкового знака, становится компонентом его семантики и обуславливает его дискурсивные свойства.

Именно языковая реальность, фиксируемая в многообразии дискурсивных практик носителя языка, должна быть, по мнению Л.Н. Синельниковой, основным предметом современной социолингвистики. Отсюда внимание автора к языку СМИ, жанрам публичной речи, языку субкультур.

Социально-ролевая характеристика языковых средств наполняет новым содержанием понятия «языковая компетентность» и «языковая способность», которые, в свою очередь, составляют содержание понятия «языковая личность». Социолингвистический подход конкретизирует это понятие, так как учитывает языковые приоритеты референтных групп, значит, даёт возможность дифференцированного подхода к проблемам культуры речи и культуры общения.

В поле зрения Л.Н. Синельниковой находятся многочисленные спорные вопросы современной социолингвистики: сниженные языковые средства и жаргонизмы, их роль в языковой картине мира современного человека; семантика и функциональная нагрузка заимствований в разных типах дискурсов; оправданность современных словообразовательных новшеств; виды манипулятивных дискурсов и их социальная интерпретация и др. В целом можно с полным основанием утверждать, что социолингвистические работы Л.Н. Синельниковой развивают и дополняют понятийный аппарат этой науки. Так, понятие «языковая открытость» как право использовать разные возможности выражения мысли, обращаться к разным стилистическим ресурсам утверждает необходимость пересмотра ряда нормативных предписаний. «Современные тексты демонстрируют широкое инновационное

пространство нормы. Идёт апробация возможностей. Пока рано что-либо утверждать, но уже трудно опровергнуть, что без смягчения прежних фильтров нормы лингвистам не обойтись, что норма-запрет делает уступку норме-выбору, что мотивировка речевого поведения будет определяться личными ценностными представлениями человека, согласованными с характером коммуникативных ситуаций», – писала Л.Н. Синельникова в середине 90-х годов. Последние 10 лет только подтвердили высказанное мнение.

В отдельный раздел второго тома вошли доклады, прочитанные профессором Л.Н. Синельниковой на пяти форумах русистов Украины.

Третий том (456 с.) включает разделы: «Образовательные процессы в контексте гуманитарной и коммуникативной культуры», «Связи с общественностью (паблик рилейшнз)» и Приложение. Проблемы обучения и воспитания через слово рассматриваются в контексте современного научного знания, о признаках и составляющих которого речь шла в предыдущих томах. Об этом говорят названия включённых в том материалов: «Филологический анализ текста», «Лингвистический анализ художественного текста», «Риторика как научная и учебная дисциплина», «Новые права и обязанности курса “Социальная лингвистика”», «Интерактивные методы в образовании. Кейс-метод», «Теория текста: аксиомы и версии», «Неориторика в контексте знания об обществе и языке», «Клятва учителя» и др.

В контексте гуманитарного знания, с акцентом на этических проблемах представлена дисциплина «Паблик рилейшнз». Эта дисциплина квалифицируется как предмет широкого коммуникативного диапазона, в пространстве которого складываются нормы коммуникационного менеджмента. Воздействие на общественное сознание и мнение осуществляется с помощью слова, в условиях диалога, который организуется с учётом ожиданий адресата. Установка на убеждение требует особой организации текста (дискурса).

По мнению Л.Н. Синельниковой, паблик рилейшнз, выполняя менеджментские функции, теснейшим образом соприкасается с языкознанием – прежде всего с такими дисциплинами функционального цикла, как риторика, стилистика, культура речи, культура общения, социолингвистика, психолингвистика, прагматика. Гармонизация отношений через речь, толерантный диалог, направленный на эмпатическое общение, обеспечивают надёжные и эффективные связи с общественностью.

Одно из разрабатываемых Л.Н. Синельниковой направлений «филологического» пиара связано с анализом художественных произведений как моделей пиар-сценариев, в которых коммуникативно-речевое поведение персонажей, их речевые стратегии и тактики могут интерпретироваться как коммуникативный менеджмент.

Статьи, посвящённые современному политическому дискурсу, имиджу политиков, политическим слоганам, вносят существенный вклад

в лингвополитологию – активно формирующуюся область знания, синтезирующую данные и инструментарий ряда общественных наук.

В третий том вошли разработанные Л.Н. Синельниковой тренинги, деловые игры, мастер-класс «Пиар-креатив», которые были успешно апробированы на международных Летних школах молодых исследователей и преподавателей.

В Приложение включены тексты нескольких сказок из книги Л. Синельниковой и А. Чумак «Сказки и разное другое для детей от 7 до 70 лет». Сказки могут быть использованы в качестве дидактического материала на практических занятиях, тренингах по культуре общения, речевому этикету, лингвистической гендерологии, имиджелогии и конфликтологии.

В конце третьего тома помещён список основных научных и научно-методических работ профессора Л.Н. Синельниковой.

Избранные работы предполагают широкого адресата: учёных (лингвистов, литературоведов, социологов, культурологов, политологов, специалистов по связям с общественностью), студентов, магистрантов и аспирантов, вузовских и школьных преподавателей. Нам представляется, что особенно полезно знакомство с такого рода исследованиями молодому поколению учёных, ищущему свой путь в науке. Кроме разнообразия фактической информации и свидетельств интерпретативных возможностей творческой личности, внимательной к жизни языка и к жизни вообще, заинтересованный читатель не может не почувствовать удивительного стиля изложения – полемичного, убеждающего и очень индивидуального, личностного. Научные труды Л.Н. Синельниковой учат творчески думать, дышать мыслью, удачно соединённой со словом, мыслью, превращённой в Текст. В Текст жизни.

*Л.Ф. Компанцева, Г.П. Джинджолия,
В.А. Розсоха, И.А. Соболева*

**А.В. Олянич. *Потребности – дискурс – коммуникация:*
Монография (Волгоград: Нива, 2006. – 224 с.)
(Расширенная аннотация с элементами рецензии)**

А.В. Олянича без преувеличения можно назвать основателем и радетелем научного направления, ориентированного на рассмотрение характера и динамики человеческих потребностей в их соотнесённости с процессами формирования и иерархического выстраивания дискурсов.

В монографии представлен презентативный ряд человеческих потребностей: потребность во власти, в пище, в выживании, в ритуале, в

общении, в информированности, в вере, в войне, в удовлетворении потребностей, в самопрезентации, в игре. Одиннадцать организующих человеческое бытие потребностей. Каждой посвящена отдельная глава. Самое главное при таком множественном и разнородном объекте исследования определить пространство действий – инструментарий анализа, способ регистрации ментально-психического, экстраполированного в культурологическое, социальное, и наоборот. Автор поступил исключительно креативно, избрав принцип свободного действия как особой исследовательской активности (отсюда и обращение к *заинтересованному читателю*, к числу которых относится и рецензент). *Свободное действие* – в смысле непрерывного дополнения основных тезисов новыми живыми наблюдениями и материалами, синтезирования того, что соединяется или может соединиться в переходе от витального к социальному, от социального – к идеальному или духовному.

Описание когнитивной доминанты объекта классификации возможно лишь при определении понятия потребности. Это понятие в монографии используется в 3-х значениях: а) объекта внешней среды, необходимого для нормальной жизнедеятельности (потребность-объект); б) состояния психики, отражающего нехватку чего-либо (потребность-состояние); в) фундаментальных свойств личности, определяющих её отношение к миру (потребность-свойство) (с. 10).

Динамика изменения потребностей влияет на содержание и формы коммуникации, заставляя языковую личность переходить из (и от) одного типа дискурсивной системы в другую (к другой). На с. 15 приведена таблица, в которой сопоставляются потребности и типы дискурсов. В таблице – 16 коррелирующих пар: потребности в продолжении рода – бытовой альковно-интимный дискурс; потребности в поддержании жизни – глоттонический дискурс; потребности в материальных благах – деловой дискурс (коммуникация в деятельности по получению легальных доходов) и воровской дискурс (коммуникация в деятельности по получению нетрудовых доходов); потребности в информированности – массово-информационный и компьютерный дискурс; потребности во власти – политический дискурс; потребности в вере – религиозный дискурс; потребности в равенстве социальных прав и в обеспечении собственной безопасности – юридический и военный дискурс; потребности в передаче знаний и информации – педагогический и научный дискурс; потребности в передаче умений и навыков – профессиональный дискурс; потребности эстетические – художественный дискурс, дискурс этикета и нек. др.; потребности в охране здоровья – медицинский дискурс; потребности в обеспечении социального порядка – ритуальный и управленческий дискурс; потребности в снятии индивидуального и социального психологического напряжения – инвективный и юмористический дискурс; потребности в аргументации – аргументативный (риторический) дискурс; потребности в

самопрезентации – презентационный дискурс; потребности передачи историко-духовных и культурных ценностей – историко-культурный и педагогический дискурс.

В пространстве потребностей человек осознаёт и создаёт себя, определяет отношение к другим людям, испытывает разнообразные чувства. Впечатляет само «собрание» потребностей, их дифференциация по типу дискурсов-сателлитов, «сопровождающих» потребности и в значительной мере формирующих их. Коротко остановимся на представленной в монографии характеристике потребностей.

Потребность во власти (глава I) включает в себя: а) потребность в материальных благах; б) потребность создания необходимого для этого порядка в обществе; в) потребность в управлении обществом. Все эти разновидности потребностей реализуются в определённых вербальных инструментах и знаках, которые наделены воздействующей функцией. Выбирается такой вектор воздействия, который выгодно мотивирует намерения, способствует самопрезентации субъекта, вступившего в коммуникацию с социумом, то есть в комплексе способный вызвать положительные эмоции у последнего, которые могут быть выявлены в лингвистических и паралингвистических знаках одобрения. Важным инструментом воздействия является дискурс аргументации (риторика убеждения). Политический дискурс – это вербальная фиксация формул удержания власти и её упрочения. Удержание и упрочение власти – напряжённый и трудоёмкий процесс, нуждающийся в поддержке всеми видами дискурсов. Ритуальный, правовой, юридический, иногда религиозный и т. д. дискурсы инкорпорируются в политический дискурс, удовлетворяя потребности в мифологизации, идолизации, историко-культурной и эстетической поддержке.

Потребность в пище (глава II) реализуется в гастрономическом дискурсе в условиях глуттонической коммуникации (лат. *gluttare* – есть, питаться). Эта семантическая сфера – предмет особого интереса профессора А.В. Олянича (см. его монографию «Презентационная теория дискурса», Волгоград, 2004). Есть все основания считать Андрея Владимировича основателем отечественной научной школы глуттонологии. Глуттонологическая коммуникация связана с концептом удовольствия, включающего удовольствие как напоминание о грядущем конце, грёзы по раю, «модель которого выстраивается как над-культурно, так и внутри-культурно» (с. 21). При этом культура «насыщается знаками, символами и образами, сугубая лингвистика – словами, дискурс – тем и другим. Удовольствие проникает в культуру через «знак», «образ», «символ»... «Я ловлю кайф» – типическое высказывание постмодернизма в его гедонистической ипостаси» (там же). Представленный в монографии дискурс-анализ знаков глуттонии (а вместе с этим гедонизма и обсессии – страстного, вдохновенного, эмоционального отношения к реализации потребности в еде) подтверждает значимость этой лингвосемиотической системы в

национальной и персональной идентификации. Презентационный характер имеют такие культурные доминанты: отношение к процессу приготовления пищи (ритуальное – эстетическое – прагматическое); отношение к образу пищи в разных культурах; классовые различия в процессе потребления пищи; приоритетные продукты питания; инструменты приготовления и потребления; место приготовления и потребления пищи и нек. др. (с. 43–44). Понятно, насколько такого рода культурологические наблюдения важны для современного общества и современного человека, с одной стороны, подверженных процессам глобализации, с другой – пытающихся сохранить хотя бы некоторые знаки национальной идентичности. Автор делает системообразующий вывод: «Пища (еда) есть не что иное, как 1) когнитивная система, представляющая собой конгломерат ценностных и культурных доминант, связанных между собой общей идеей глоттонии, т. е. потребления и поддержания жизни Homo Consummatus – Человека Потребляющего; 2) особая знаковая система, состоящая из достаточно чётко иерархизованных знаков, имеющих свою особую лингвистическую интерпретацию» (с. 52). В главе представлен большой классифицирующий и иллюстрирующий материал, который подтверждает системные признаки глоттонии: названы важнейшие коммуникативные функции гастрономического дискурса, обозначены связи власти и глоттонии (приёмы тоталитарного манипулирования знаками-глоттонимами, превращаемыми в знаки-идеологемы), выявлен социальный регистр эмотивного применения наименований еды, процесса и места её потребления (жратва, трапеза, столовая, ресторан, закусочная и под.), представлена глоттоническая паремия (80 единиц), обращено внимание на гендерные знаки глоттонии и многое другое.

Потребность в выживании (глава III) рассмотрена в двух лингвосемиотических направлениях: через анализ охотничьего дискурса и особенностей урбо- и агрокультуры.

«В коммуникации охотников на протяжении длительной истории постепенно зарождались и оязыковлялись алгоритмы действий, направленных на удовлетворение потребности в выживании, закреплялись звукосемиотические, визуально-семиотические и лингвосемиотические (вербальные) компоненты охотничьего дискурса» (с. 54). Институциональность охотничьей коммуникации подтверждается особым способом общения, основывающимся на семантических доминантах *преследования* и *захвата*, которые формируют особую посессивность (способы обозначения принадлежности) и определяют характер каузативных связей в дискурсе. Автор настаивает на наличии тесной взаимосвязи охотничьего дискурса с другими дискурсами, в частности с дискурсом власти и педагогическим дискурсом. В определённый момент истории охота становится «специальной коммуникацией власти», зеркально отражающей механизм власти как таковой. Ритуальность, театральность, укрепление имиджа власти как

хозяйина ресурсов – всё это приспособленные к условиям новой среды признаки охотничьей коммуникации. «Охота за знанием», «охота за информированностью» имеет прямое отношение к педагогическому дискурсу. Принимая идею о такого рода трансформациях и влияниях, мы всё-таки полагаем необходимым более тщательное исследование этапов инкорпорирования доминант охотничьего дискурса в другие коммуникативные системы: на этом пути, вероятно, осуществлялись разнообразные и разнохарактерные (в семантическом отношении) действия по формированию когнитивной и языковой картины мира и разным был их результат в контексте определённых социальных условий.

Город и деревня – пространственные элементы культуры и лингвокультуры, пережившие множество трансформаций социальной хронотопологии. В монографии представлен ряд диахронических версий, каждая из которых имеет лингвокультурные показатели. Названы этапы соположения города и деревни. Этап параллельного существования, при котором деревня хранит язык в первородной целостности и коллективно инертна по отношению к языковому творчеству, в то время как город склонен к языковым новациям, сленгизирует языковое пространство под давлением глобальных цивилизационных изменений. Этап противостояния, когда агрокультура осознаёт опасность, идущую от города как ниспровергателя патриархальных устоев. При этом новые поколения «деревенских» вместе с элементами стиля и быта присваивают и элементы городского языка. Ситуация «деревня вместе с городом» наступает тогда, когда осознаётся острая зависимость обеих культур друг от друга (отсюда идеологемы «союз меча и орала», «смычка города и деревни» и под.). Грань между агро- и урбокультурами не исчезает, но в условиях смены противостояния на диалог дискурс всё более унифицируется. И, наконец, ситуация глобального универсализма, наступающая под влиянием множества факторов, и, в первую очередь, изменений информационно-коммуникативного характера. Метафора «всемирная деревня» (почему не «всемирный город»? – спрашивает автор) вобрала множество быстро идущих процессов: движение от города к деревне и наоборот получило новую мотивацию; электронные СМИ создали общий топос («...деревенские слухи и сплетни – ничто по сравнению с медиакартинкой разворачивающегося скандала между Филиппом Киркоровым и ростовской журналисткой», – остроумно резюмирует А.В. Олянич). Признаюсь, мне в столь типологически существенных рассуждениях не хватало текстовых иллюстраций, ведь и художественная литература (писателей-«деревенщиков» и «недеревенщиков»), и публицистика не могли остаться в стороне от описанных в монографии процессов.

Потребность в ритуале (глава V) жизненно важна для человека и для общества. Регулярность и повторяемость событий жизни закрепляет их в социальной сфере. Пройдя соответствующую когнитивную

переработку, эти события включаются в последующий социальный опыт. «Таким образом, в результате процесса ритуализации событийный континуум приобретает разнообразные формы, в рамках которых протекает коммуникативная (поведенческая) деятельность человека. Такая деятельность именуется *ритуальной коммуникацией*» (с. 97). А.В. Олянич выделяет три группы знаков, номинирующих ритуальную коммуникативную ситуацию: знаки-регулятивы, определяющие успешность ритуальных действий (участники коммуникации, их внешний вид, нахождение в определённом пространстве, ролевое место в сценарии ритуала и др.), знаки-процессивы (поведение, соответствующее отведённой роли) и знаки-классификаторы (определяют границы этапов ритуала, специфицируют поведение участников в зависимости от их статуса) (с. 102–103).

На фоне ритуальной коммуникации с её установкой на традиционность, процедурность как чёткую последовательность действий проявляется девиантное поведение, демонстрирующее игнорирование смысловых инструментов и семиотических знаков ритуальной коммуникации, то есть нарушающее норму как пример, образец, одобряемый обществом. А.В. Олянич цитирует Н.Д. Арутюнову: «...понятие нормы приложимо ко всему, что служит интересам человека». Хороший аргумент к авторитету. Но у цитируемого автора есть и такое высказывание: «Человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Аномалия часто загадочна или опасна. Она поэтому заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь)» (Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 76). Этот угол зрения, как представляется, не может быть потерян в интерпретации ритуальной коммуникации. Ритуализация современной жизни являет более сложные конфигурации нормы и не-нормы, причём последняя может быстро ритуализироваться в условиях снижения роли официоза, всё более проявляющейся тенденции к неформальности и спонтанности общения, а также распространения коммуникаций в режиме он-лайн.

Потребность в общении (глава VI) интерпретируется автором монографии в контексте коммуникативных стратегий. Коммуникативные стратегии организуют любое социальное действие. К сожалению, в постсоветском обществе наибольшее внимание было уделено манипуляционным коммуникативным действиям. В то же время оказалось, что не был выработан такой тип коммуникации, который бы был адекватен задачам реформирования общества. Солидарность и доверие, по сути, были принесены в жертву коммуникационным технологиям манипуляции.

Презентация, манипуляция, конвенция – основные коммуникативные стратегии. Презентационный тип является пассивной

коммуникацией, манипуляционный тип относится к активной коммуникации, конвенциональный тип – к интерактивной коммуникации. А.В. Олянич называет и анализирует коммуникационные действия социальной инженерии – гуманитарных технологий в области рекламы, паблик рилейшнз, имиджмейкинга, социально-культурного проектирования. Эти технологии осуществляются на основе разных типов коммуникаций и с помощью разных видов дискурсов – дискурса языка, дискурса логики, дискурса права и т. д.

Потребность в информировании (глава VII) удовлетворяется современным информационно-коммуникативным пространством, представляющим собой конгломерат самых разнообразных знаний. Каналом передачи этих знаний является речевой поток, состоящий из множества текстов, из которых складывается массово-информационный дискурс. Этот глобальный интегративный дискурс распадается на множество подтипов и жанров, каждый из которых подвержен изменениям. Концепты «событие», «факт», «новость» являются ядром массово-информационного дискурса. Автор монографии останавливается на семантике и презентационном потенциале ключевых для англоязычного массово-информационного дискурса концептов event, fact и news. По сути, все характеристики этих концептов приложимы и к русской информационной среде.

Потребность в вере (глава VIII) как концепте ценностной ориентации в пространстве бытия сформировала религиозный дискурс. В континууме религиозной коммуникации церковная проповедь занимает ведущее место, и о ней в монографии говорится достаточно обстоятельно. В том числе с точки зрения заложенных в проповедях манипулятивных стратегий. Нам показалось, что эта потребность описана эскизно, в самых общих характеристиках, без привлечения исследований филологов, занимающихся толкованием религиозных текстов, мыслей русских православных философов, а может быть, даже и текстов духовной лирики.

Потребность в войне (глава IX) является следствием конфликтности бытия, предопределяющего, в свою очередь, конфликтность коммуникации, в основе которой лежит оппозиция «свой – чужой». Конструирование военно-политического дискурса происходит на основе комбинации милитаристской и политизированной речи. Целям оправдания военного конфликта служат эвфемизмы (*зачистка, операция, кампания* и др.). Очевидна близость концептов «война» и «игра» прежде всего через признак театральности. Война в Ираке, по мнению автора, – пример классического применения всех коммуникативных стратегий – презентации, манипуляции, конвенции.

Потребность в удовлетворении потребностей (глава X) рассматривается сквозь призму стратегий рекламного дискурса как сложного социокультурного феномена. Речевое воздействие в рекламе направлено на изменение отношения субъекта к некому объекту с целью

формирования определённого эмоционального настроения и введением в сознание граждан новых классификационных категорий. О рекламном дискурсе написано много и с разных точек зрения. Особенность подхода А.В. Олянича связана с его концепцией презентационных стратегий, выбор которых определяется коммуникативными целями и задачами, типом рекламируемого объекта, социодемографическими и психографическими особенностями адресата. «Презентационные стратегии рекламного дискурса указывают на связь этого типа дискурса с деятельностью театра, ассоциативно сближают рекламные лингвистические средства со средствами драматургии и режиссуры, выявляют лингвосомиотический механизм структуризации рекламной деятельности» (с. 182). Нам представляется, что современной рекламологии не хватает исследований жанровых разновидностей рекламного дискурса: идёт коммерческий поиск новых форм воздействия, новых манипулятивных сценариев, а следовательно, и новых жанровых форм представления рекламного текста.

Потребность в самопрезентации (глава XI) соотнесена с коммуникативным поведением личности, выступающей в амплуа «пижона». Этот коммуникативный типаж как явление субкультуры сформировался под влиянием дендизма, но пережил разнообразные трансформации. Утвердились базовые лингвокультурные характеристики типажа «пижона»: непохожесть на других членов социума как семиотически, так и лингвистически; завышенная самооценка; социальный и вербальный нонконформизм; театральность презентационного поведения (с. 189–190). Содержание главы возбудило профессиональное любопытство, касающееся семантического (естественно, на фоне социально-культурологического) взаимоотношения понятий *денди – пижон – маргинал*, с одной стороны, и *пижон – мачо – метро*, с другой.

Потребность в игре (глава XII) особенно проявлена в массовой коммуникации. В монографии анализируются ключевые слова, определяющие смысловое содержание лингвокультурного концепта «игра» (лексемы *game* и *to play*). В качестве примера манипулятивно-презентационных стратегий в социально-политической игре приводится масс-медийное освещение выборов президента в Америке.

А.В. Олянич *вместо заключения* в форме эссе делает попытку ответить на вопрос: выживет ли текст в третьем тысячелетии? При этом задаёт массу сопутствующих вопросов: хорошо или плохо, что сегодня текст тотально выживается из информационно-коммуникативного пространства визуальными образами реальности? Можно ли смириться с тем, что письменная коммуникация трансформируется не в пользу того состояния, к которому мы привыкли? Так ли уж пострадает аксиологическая зона коммуникации, если в неё будут добавлены новые виды общения? Уже по этим вопросам можно судить о том, как

интересны, при всей их полемичности, ответы. Остаётся обратиться к самой монографии.

И последнее – о когнитивном стиле автора монографии. Современный научный дискурс очевидно выходит из состояния кризиса, вызванного переходом от привычного научного официоза к персонифицированному нарративу, проявляющему языковую личность, пребывающую в процессе размышления. В процессе – значит, в поиске, а поиск – это перевес альтернативности над императивностью. Глобализация в области науки способствует расширению тематического и проблемного пространства исследований, открытости мира идей, неограниченности интерпретативных подходов. Такого рода интернационализация науки имеет национально выраженный противовес, находящийся в родном языке, используя ресурсы которого сильная языковая личность реализует главную для исследователя потребность – потребность глубокого, но не пафосного и даже иногда ироничного и безусловно риторически отмеченного изложения достигнутого знания. Волгоградская лингвистическая школа отличается высокой степенью научной новизны, нетрадиционными научными решениями и узнаваемой коммуникативной организацией научного текста. Профессор А.В. Олянич принадлежит к этой славной школе.

Л.Н. Синельникова

**О.Е. Павловская. *Стиль: когнитивный потенциал*
(Краснодар, 2006. – 208 с.)**

Стиль относится к числу едва ли не самых сложных и спорных понятий, и его историография, вероятно, относится к числу самых объёмных. Отсюда изначальное уважение к исследователю, рискнувшему ещё раз войти в пространство проблем, связанных со стилем. Эффективность такого непростого вхождения не может не зависеть от выбранного сценария реферирования предыдущего научного опыта описания стиля и – главное – от целевых исследовательских установок, то есть от методологии. В основу методологии О.Е. Павловская положила необходимый для типологического описания стиля интегративный, межпредметный и междисциплинарный подход, потребовавший действий ученого в пространстве объёмной гуманитарной синергетической парадигмы. Только в условиях такой парадигмы оказалось возможным говорить о взаимосвязи различных научных областей, способствующей унификации понятийного и категориального аппарата, взаимопроникновению методов исследования, миграции терминов и многому другому.

При столь широком подходе в описании стиля неизбежно обилие имён, ссылок, исторических экскурсов. С одной стороны, это создаёт

напряжение в выделении стержневых характеристик именно когнитивного стиля, с другой – привлекает возможностью ощутить континуальность научного знания, его этапы и движение, согласованные, естественно, с изменениями текстовых репрезентаций стиля. «В разные времена представители разных школ, течений, направлений давали разное толкование данному понятию и термину, исходя из доминировавших общефилософских канонов времени, мировоззрения исследователя или его отношения к исследуемой категории», – справедливо напоминает О.Е. Павловская (с. 5).

Понятие «стиль» автор рассматривает как парадигматически, так и синтагматически, то есть 1) в составе категориального научного аппарата (терминосистемы) основных областей гуманитарного знания – искусствоведения, языкознания, литературоведения, психологии, культурологии, философии и 2) в выявлении точек схождения, наложения признаков стиля в терминологической макросистеме. Такое двустороннее и двувекторное описание термин «стиль» получает в каждой научной области, ставшей предметом описания.

Первая глава «Понятие «стиль» в междисциплинарном пространстве гуманитарного знания: фреймовый анализ» включает разделы, каждый из которых посвящён той или иной области гуманитарного знания.

В разделе «Стиль как понятие в категориальной системе искусствоведения» автор останавливается на общих характеристиках стиля в этой области знания. Стили в искусстве не имеют чётких границ, они находятся в постоянном развитии, вбирая как накопленный творческими людьми опыт, так и опыт остро индивидуальный. Художественный стиль необходимо соотносить с художественным направлением, течением, школой. Без выявления связей стиля и художественного метода вряд ли возможно обозначить признаки того и другого. Стиль в искусствоведении – это синтез взаимосвязанных характеристик, результат многоступенчатого взаимодействия содержания и формы в искусстве.

Раздел «Стиль как понятие в категориальной системе языкознания» включил историю формирования термина «стиль» (слог). Обобщая свидетельства исследователей этой проблемы, автор резюмирует: под «стилем» понимался способ выражения мыслей посредством языка, т. е. определённый способ употребления языка, зависящий от темы и цели общения, от рода сочинения (разговорный, письменный, логический, математический, философский, исторический и др.), от расположения духа писателя (весёлый, шуточный, печальный и др.) Речь идёт о 18 – начале 19 в. В разделе содержится множество «напоминаний» исторического характера: в первой четверти 19 века в русской филологической мысли складывается представление об образе автора, основанием для классификации стилей становится психологический критерий (слог рассудка, воображения, страстей) и др.

Стилистика как самостоятельная наука выделилась в конце 19 – начале 20 в. Развились различные направления стилистики, в каждом из которых стиль получал свою интерпретацию: функциональная стилистика, практическая (стилистика языковых единиц), стилистика текста, стилистика художественной речи, сопоставительная, историческая, теоретическая, прагматическая, стилистика ресурсов, стилистика кодирования, стилистика декодирования, стилистика коммуникативная и другие.

Дифференциация стилей, по мнению автора монографии, способствовала утверждению (добавим: и сохранению) норм литературного языка. Характерное для нашего времени размывание стилей, естественно, сказалось на статусе литературной нормы и отношении к ней носителей языка.

Особый вопрос – количество выделяемых функциональных стилей. Дело не в том, что «у разных авторов количество функциональных стилей различается» (с. 57), а в акцентировании собственно лингвистических признаков или признаков экстралингвистических и в выявлении их контактов на разных этапах развития общества. Важно, что в понимании и изучении стиля произошёл необратимый процесс перехода от структурной парадигмы к коммуникативно-функциональной. Результат этого процесса – не просто расширение связей стилистики с психолингвистикой, лингвосоциопсихологией, психологией, прагматикой, теорией речевых актов и речевого общения (с. 58), а вхождение признаков языкового сознания социума в базовую характеристику стилей, в отношении к норме вообще и к норме стиля в её нередко противостоянии норме текста.

Претерпевает значительные изменения система произносительных стилей, пополняется новыми жанрами разговорный стиль – всё это подчиняется «стилистической стратегии», зависящей от реальных целей общения. Отсюда роль лингвопрагматического подхода, лежащего в основе современных теорий коммуникации, в характеристике видоизменяющегося понятия «стиль».

Особо значимы для неолингвистики когнитивно-дискурсивные исследования стилей. Стиль дискурса и стиль языка вступили в сложное многоуровневое взаимодействие. Прагматика языкового поведения связывается с языковой личностью, обладающей когнитивной структурой, которая включает знание языка, знание культуры и норм социального взаимодействия. Совершенно справедливо, что «когнитивный подход открывает новые перспективы решения традиционных проблем стилистики» (с. 73), но какие именно и каков инструментарий описания новых стилевых конфигураций?

В разделе «Стиль как понятие в категориальной системе литературоведения» О.Е. Павловская останавливается на концепциях стиля в литературоведении (от Аристотеля до Потебни, Бахтина и

Виноградова и др.). Естественно, в поле зрения референта попала проблема взаимодействия стиля и жанра, стиля и манеры речи. Делается справедливый вывод: стиль в литературоведении не имеет единого определения, «что объясняется многоплановостью, многоаспектностью, исключительной сложностью и «многосмысленностью» самого понятия, его постоянной эволюцией и изучением его с разных точек зрения» (с. 96). И всё-таки – что инвариантно в представлении о литературоведческом стиле, без чего это понятие не выживет, распадётся? Может быть, внимание к самим художественным произведениям, в том числе к остро современным, авангардным, помогло бы внести ясность в столь сложное и склонное к изменениям под влиянием социальных факторов положение вещей.

Раздел «Понимание стиля в категориальной системе психологии» основывается на изучении психики личности, проявленной в процессе деятельности и поведения, в том числе творческого. Психологи изучают стиль деятельности, стиль жизни, когнитивный стиль, стиль поведения, руководства и мн. др. Стили в психологии связываются с типами личности, с характером и с я-концепцией. Гештальтпсихология основывается на целостном, структурном характере психических образований, лежащих в основе стиля жизни. Стиль жизни откладывается в опыт жизни, её восприятие, которые (на это полезно обратить особое внимание) сохраняются на протяжении жизни одного поколения, и с появлением нового поколения и нового стиля жизни, как правило, возникает конфликт.

Личность как динамическая организация мотивационных систем вырабатывает психологические механизмы социальной жизнедеятельности. Поведенческий стиль личности обуславливается стратегиями и тактиками поведения в определённых ситуациях с обязательным учётом влияния и реакции окружающей среды.

Само понятие «когнитивный стиль» как стиль, формирующий индивидуальные способы познания, утвердилось именно в психологии. Индивидуальные различия в протекании перцептивных и когнитивных процессов, их адекватность не только собственным потребностям, но и потребностям среды определяют содержательные и динамические особенности стратегии индивида и сказываются на его профессиональной деятельности, в том числе с точки зрения стилевой регуляции речевого поведения. Автор подробно останавливается на понятии «когнитивный стиль», на его использовании в концептуальном аппарате многих гуманитарных наук. Раздел завершается небольшим, но ёмким выводом: «Когнитивный стиль – это одновременно причина и следствие психического развития человека» (с. 116).

«Понятийные аспекты термина «стиль» в культурологии» – раздел, в котором содержание стиля объясняется с эстетических и антропологических позиций. Суть стиля в культурологии – заключается в установке на выражение культурных смыслов как ценностных

интенций в творческом диалоге субъектов культуры. Понятие «стиль культуры» имеет высокий познавательный потенциал, оно выражает духовный опыт человека, выполняет функции идентификации, организации, коммуникации, осуществляемые через эстетические механизмы. Представляется, что большее внимание нужно было уделить проблеме объединения культурологического и лингвистического феномена стиля, что уже сделано в дисциплине «Лингвокультурология».

В разделе «Философское осмысление стиля» говорится о необходимости присутствия философских оснований в объяснении стиля. Характеризуются две научные парадигмы: методология в стиле модерн, обосновывающая существование устойчивых структур природы и жизни, и методология постмодернизма с её вниманием к движению, изменению и неопределённости. Синергетика, виртуалистика, эволюционная эпистемология – направления, способные соединить обе парадигмы в новую методологию. Когнитивная методология ориентируется, скорее всего, на такое соединение.

Задача построения концептуальных моделей определённых областей знания на основе терминологии исследователем выполнена, но вряд ли можно согласиться с тем, что сделано это «в виде фрейма»: слишком «разбросан» терминологический материал; изложение истории терминов экстенсивно, диахрония не всегда чётко отделена от синхронии.

Во второй главе «Тезаурусная модель макросистемы «стиль» и её терминологическая сущность» положение выравнивается через внимание к аспектным подходам в изучении понятия «стиль» с опорой на содержание дефиниций. «Аспектное рассмотрение, – пишет автор, – формирует тот стилеобразующий принцип, который положен в основу анализа стиля в каждой из исследуемых научных областей» (с. 148). И далее: «Выбор стилеобразующего принципа меняет представление о стиле» (там же). В главе исследовательница проходит тот же путь по пространству гуманитарного знания – искусствоведение, языкознание, психология, но уже с изменёнными «навигационными» критериями. Изложение строится по алгоритму: стилеобразующий фактор – стилеобразующий принцип – виды стилей по форме и способу решения поставленных задач.

Итак, монография О.Е. Павловской ещё раз убеждает в том, что сам стиль как феномен и его постижение – живой, творческий процесс. Прделана огромная работа по сбору доказательной базы, что не может не вызвать уважения. Желание большей чёткости, сфокусированности оценок легче выразить, чем реализовать, но скрывать такое желание было бы некоторым непростительным лукавством со стороны рецензента.

Л.Н. Синельникова

**Т.А. Яценко. *Каузация в русском языковом сознании:*
Научное издание (Симферополь: «Диайпи», 2006. – 478 с.)**

Гуманитарное научное пространство Украины испытывает очевидный монографический бум, что вполне объяснимо: учёные получили возможность открытой и широкой интерпретации языкового материала в условиях полипарадигмального подхода, связывающего язык и мышление, язык и сознание, язык и культуру. Монография Т.А. Яценко останавливает на себе внимание установкой на такого рода полипарадигмальность.

Предмет исследования – *каузация*, по определению представляющая собой объёмное интегрированное поле значений, смыслов, реализующихся во множестве способов и форм языкового выражения. Есть и второй предмет исследования – *языковое сознание*. Двойной предмет усложняет исследовательскую задачу: нужно не просто соположить каузацию с языковым сознанием, но и показать, что это некое единство, целостность, подчиняющаяся универсальному закону всеобщности.

Причинно-следственные отношения организуют мышление человека о мире, что органично связывает понимание каузации с философским знанием, концентрирующимся вокруг оппозиций «форма и содержание», «сущность и явление», «возможность и действительность», «случайность и необходимость». Философия создаёт прочную почву для понимания самой категории каузации, позволяет выявить её онтогенез. Идеи философии языка стимулируют типологическое описание языковой репрезентации этой категории. В монографии Т.А. Яценко философское знание организует исследовательскую мысль, цементирует её и повышает степень доверия к попытке объективировать признаки русского языкового сознания.

Автору удалось показать, что мышление организуется и вербализуется на основе каузации во множестве её проявлений. «Язык» каузации описывается на разных уровнях – на уровне лексики, морфологии, синтаксиса и даже стилистики, но конвергентно он проявляется в дискурсе. Дискурс – уже далеко не новое понятие в современной гуманитарной науке в целом, и в лингвистике в том числе. Но степень распространённости этого понятия далеко не в полной мере коррелирует с глубиной анализа материала. В рецензируемой монографии, напротив, дискурс имеет полноценный статус операционального понятия – смыслового поля, многообразно проявляющего категорию каузации.

Каузативная структура дискурса отражает представления людей о мироустройстве – как в его физических координатах (события, его участники, мотивы действий и т. д.), так и в трансцендентальных проявлениях и характеристиках (кристаллизующихся в сознании). Трансцендентальный подход определён в монографии как ведущий,

обосновывающий дискурсивные проявления и признаки каузации. Именно такой подход обеспечивает возможность ментальной интерпретации категории каузации со всеми её составляющими: причиной, целью, следствием, условием, уступкой.

Трансцендентальное направление предопределило роль концептуального анализа, позволившего глубоко и объёмно описать «когнитивную карту» каузации, на основании которой можно неспешно, культурологически мотивированно говорить о национальном своеобразии каузального членения мира. Не отрицая важности рационального логического доказательства, автор считает, что в основе русского самосознания лежит эмоционально-интуитивное познание, на основе которого формируются языковая и концептуальная картины мира.

Исследовательница отдаёт дань и традиционным подходам в описании репертуара языковых средств, сформировавших категорию каузальности. Функционально-семантический подход к лексическим и грамматическим средствам выражения причины, цели и т. д. реализован ею в полной мере.

Представленный в монографии концептуальный анализ Причины и Цели существенно дополняет сложившееся в философии языка понимание этих феноменов, поскольку описание дискурсивной освоенности концептуальных признаков – как базовых (константных), так и изменчивых (контекстуальных) – подкрепляется реконструкцией архетипических смыслов.

Углубляет представление о каузальности, её потенциях в продуцировании смыслов рассмотрение образной составляющей этой категории. «Параметры глубины» метафорических образов выявлены в образных сценариях каузации, в тематических группах метафор (метафоры родства, Пути, света, вегетативные метафоры), в метафорическом употреблении отдельных слов (*подкладка, подоплёка, изнанка*). Причём автор рассматривает ключевые метафоры на разнообразном дискурсивном материале, с одной стороны, утверждая, закреплённость в языковом сознании, с другой – давая возможность почувствовать комбинаторно-смысловые трансформации в новой социально-политической среде (так, метафорическое сочетание *путь в Европу* оказывает значительное влияние на формирование риторического ментального пространства проблемы европейской интеграции Украины). Интерпретация слов, входящих в концептуальное поле Причины и Цели, может существенно дополнить данные толковых словарей и войти в словари концептов.

Симптоматично частое обращение автора монографии к словарю В.И. Даля. Поэту И. Шкляревскому принадлежит удивительно тонкая оценка далевского словаря: «Он успел записать раньше, чем мы забыли». Небольшое эссе поэта называется «Поклон Владимиру Далю». Видимо, великий лексикограф заслужил поклон и за полноценную в сравнении с

другими словарями представленность каузативных связей в смыслотолковании лексического материала. Информация, извлекаемая из словаря В.И. Даля, позволяет «бесшовно» соединять прошлое и настоящее, диахронию с синхронией в проявлении категории каузальности и утверждать континуальность тех процессов, которые лежат в основе русского языкового сознания.

Лингвоконцептологический анализ «Преступления и наказания» Достоевского может с полным правом войти в число лингвофилософских работ, рассматривающих стиль великого писателя в рамках русской картины мира. Т.А. Яценко подтвердила эвристичность направления исследования, заданного Н.Д. Арутюновой (статья «Стиль Достоевского в рамке русской картины мира»), которая определила наиболее характерную черту персонажей писателя – неконтролируемость действий. Беспечность и беспричинность действий маркируется соответствующими синтаксическими конструкциями, безличными глаголами, наречием *вдруг* со значением внезапности – всё это средства реализации концептов Причины и Цели, которые, в свою очередь, детерминируют комплекс признаков концепта Судьба.

Реконструкция концептов Цели и Причины проведена через обращение к архетипическим образам, к содержанию концептов в разные исторические периоды – это заслуживает особого внимания и положительной оценки: интерпретация каузации в разных временных срезах, с одной стороны, подтверждает универсальность категории, с другой – позволяет увидеть динамические процессы мышления, в том или ином виде отразившиеся в текстах и дискурсивных практиках людей.

Совершенно справедливо автор соотносит с концептом Причины ряд этических концептов, к числу которых прежде всего относится концепт Душа. В анализе киноповести В. Шукшина «Калина красная» описаны виды связи этих концептов.

Категория каузации реализуется в живых формах языка, то есть это гибкая и мобильная категория, постоянно обновляющаяся и не теряющая связей с традициями. Поль Валери говорил, что есть наука простых явлений и есть искусство сложных явлений. Проблемы взаимодействия языка и сознания относятся к числу последних. Язык и сознание не гомогенны, поэтому соединение этих феноменов в одном исследовании таит множество подводных рифов. Языковое сознание – понятие в значительной степени аморфное и пластичное. В языке фиксируется только часть свойств сознания – в варианте классической рациональности (цепочки прямого каузирования) и выходящие за её пределы (метафора, образ как признаки общественно освоенной и личной каузации). Но и в том и в другом случае каузация позволяет «мыслить непрерывно». Человек живёт во времени и пространстве в разных их измерениях и оценках. Причина и цель определяют число и круг взаимодействий человека, времени и пространства, которые невозможно наблюдать, но которые всегда хочется понимать.

Исследование Т.А. Ященко направлено на удовлетворение этого непреходящего для человека и общества желания.

Для выявления типов каузации привлечён разнообразный языковой (текстовый) материал: художественные произведения 19 и 20 веков, публицистика (в том числе и самая современная, проявляющая особенности политического дискурса нашего времени), что вполне оправдано целью – описать феномен каузации, его составляющие – прежде всего концепты Причины и Цели как органические и универсальные признаки языкового сознания. Однако один из неистребимых исследовательских парадоксов состоит в том, что в глобальной обобщённости растворяется нечто индивидуальное и специфическое, что сохраняет то или иное явление как таковое. Если перейти на другой язык мысли, об этом можно сказать так: разнородность дискурсивного материала подтверждает роль каузации в организации мышления, но одновременно оставляет большое количество лакун – незаполненности «матрицы» того или иного вида дискурса. Это касается особенностей поэтической речи и публицистического дискурса, имеющих более проявленные специфические закономерности в области каузации, чем об этом говорится в работе. Отсюда некоторая декларативность, недостаточная подтверждённость выводов примерами.

Большой объём отсылок к другим работам, высокий индекс цитирования в монографических исследованиях – вполне закономерное явление: новое строится с опорой на достигнутое и принятое научной общественностью знание. Привлекает широкое обращение исследовательницы к работам украинских филологов, что можно оценивать как этически полноценную и необходимую для современной гуманитарной науки установку на общность, строящуюся на основе принципа дополнительности. В рецензируемой монографии представлены точки зрения учёных разных направлений, но создано общее поле мысли за счёт «всемогущих» свойств самой каузации: оказывается, что многие традиционные подходы и подходы, осуществляемые в русле современной научной парадигмы, равно важны для объёмного понимания этой категории. Будучи универсальной категорией, каузация спасает от эклектики, но не снимает вопрос о корректности в соединении имён исследователей, об отделённости первооткрывателя от вторичных вариаций, и – главное – нужна осторожность и осмотрительность в балансировании между «своим» и «не своим», с тем чтобы собственные идеи не растворились в авторитетных (и тем более не очень авторитетных) высказываниях.

Материалы монографии в полной мере иллюстрируют и аргументируют заявленное в самом начале работы понимание каузации как устанавливаемого человеком отношения между каузирующей и каузируемой ситуациями, которое реализуется в языке определённым репертуаром лексико-грамматических и контекстуальных средств, и это

даёт основание для определения каузации как когнитивно ориентированной релятивной категории.

По мнению замечательного украинского филолога и философа С.Б. Бураго, «смысл приобретает лишь тот подход, который основывается на принципе **связи**, в том числе внутренней связи исследователя, предмета исследования и читателя». Связь исследователя и предмета исследования в рецензируемой монографии реализована в полной мере. Связь с читателем мы попытались выявить в жанре короткой рецензии, имея в виду ещё одну цель – расширение круга читателей столь интересного исследования, многообразного по числу затронутых и решённых проблем.

Л.Н. Синельникова

**А. Стариш. Коммуникативная логика:
Учебное пособие (Симферополь, 2006. – 99 с.)**

Пособие имеет основную учебную цель: эскизно представить логику как системную классическую дисциплину, основные положения которой проектируются на формы и законы мышления, проявленные в речевых действиях. Последовательно и аргументированно автор описывает принципы мыслительной деятельности, коррелирующие с логическими законами и закономерностями.

Системность любого знания обеспечивается классификациями и терминологическими парадигмами. И тому, и другому в пособии уделено большое внимание. Объяснение терминов и связанных с ними операциональных действий (гипотеза, доказательство, обобщение и мн. др.) важно и полезно для формирования у студентов основ научного мышления.

Законы, принципы и правила логики имеют универсальный характер: люди размышляют, обобщают, доказывают всегда. Не случайно эта наука возникла в ходе публичных споров и обсуждений.

Операции *правильного* мышления классифицируются и интерпретируются в духе традиционной логики (суждение и предложение, силлогизмы, общие и частные законы логики) и – в меньшей степени – с учётом классификации суждений в современной логике. Классифицируя суждения современной логики, исследователи обращают внимание на применение многоместных предикатов, которые характеризуют свойства предметов и выражают различные отношения между самими предметами. Нам представляется, что именно внимание к разнообразию суждений, в том числе к суждениям нового типа, возникающим в споре, полемике, имеет отношение к *коммуникативной логике*. Между тем отличия коммуникативной логики от классической определены нечётко. Классическая логика не имела дела с оценочными

суждениями, коммуникативная логика не может их игнорировать. Оценочные суждения отличаются от нормативных с их строго определённым порядком в речевых действиях, в выстраивании аргументов и т. д.

Семантика разных логических систем – традиционной и коммуникативной – различна. Традиционная логика связывает суждение с предложением, коммуникативная логика, по нашему мнению, должна оперировать *высказыванием*. В учебном пособии понятие «высказывание» (речевой акт) не используется, отсюда неоправданный эклектизм: понятия и терминология традиционной логики фактически остаются невостребованными (или не в полной мере востребованными) в анализе современного спора как полемического диалога. Языковое конструирование логических формализмов (логических констант) – задача традиционной логики. Коммуникативная логика не может ограничиваться формализмами (типа «мне скучно» – неопределённый субъект, ср.: «я скучаю» – субъект вполне определённый), для неё позволительна множественность воплощений общих принципов логики. Иначе говоря, нужно решить, должна ли логика оставаться последовательно формальной или быть содержательной по отношению к конкретной коммуникативной сфере. В последнем случае речь идёт о прикладной (практической) логике, одной из задач которой является конкретизация и уточнение законов логики и в связи с этим выделение новых типов аргументов в полемике, споре, которые не остаются неизменными в изменившихся и продолжающих изменяться социально-культурных условиях (так, манипулятивный характер политической полемики ведёт к нивелированию формальных признаков логики, которые вступают в противоречие с содержательными). Представляется, что в этом случае речь может идти о модальной логике, очевидно соприкасающейся с коммуникативной. Справедливости ради скажем, что анализ фрагмента рассказа Л. Зорина «Полемисты» проведён автором пособия в духе коммуникативной логики: обращено внимание на оценочные высказывания персонажей, выражающие их отношение не столько к фактам действительности, сколько к речевым действиям, которые и являются основанием для взаимного обвинения или оправдания.

Логические законы и правила логических систем связаны с понятиями истинности/ложности. И здесь логики разного типа проявляют себя по-разному. По условиям стандартной семантики одно и то же высказывание не может одновременно оцениваться как истинное и ложное. По условиям релевантной семантики высказывание может быть истинным в одном возможном мире и ложным в другом (например, практический язык и поэтическая речь), то есть связанным с природой познающего субъекта. Важно выбрать позицию: считать ли истину контрагентом лжи или признать её самодостаточность, независимость от лжи. От этого зависит оценка противоречивых (контрадикторных)

высказываний. Законы логики принадлежат идеальному миру, законы коммуникативной логики – реальному.

Связывая законы логики с законами текстопорождения, нельзя забывать о риторическом знании, сформировавшемся не без влияния логики в пределах классической риторики и в неориторике – науках, в которых логика аргументации приобретает признаки искусства. Коммуникативная логика без риторики вряд ли возможна.

Учебное пособие А.Г. Стариша безусловно своевременно и полезно для выработки у студентов навыков логического мышления, на основе которого формируется этическая ответственность за речевое поведение. Но есть все основания и возможности для коррекции подходов к типам логики и, соответственно, для расширения поля интерпретации законов логики и закономерностей языка, который живёт не столько в согласии с законами логики, сколько в борьбе с ними.

Л.Н. Синельникова

**Обратный отсчёт. Рецензия на книгу стихов
Юрия Камброда «И трижды вновь»
(Луганск: Изд-во «Янтарь», 2006)**

Сразу скажу, что я с удовольствием и профессиональным интересом прочитала книгу стихов Юрия Камброда. Впрочем, говорить «с удовольствием», видимо, излишне: если поэзия воспринимается без удовольствия, то поэзия ли она? Профессиональный интерес объясняется просто: у филолога он *включается* в интерес и, по сути, создаёт его. Тем более, если профессионально филологичен и автор стихов.

«Обратный отсчёт» – это, как известно, процедура счёта от большего к меньшему перед взлётом. И здесь «от большего к меньшему» отнюдь не означает движения от лучшего к худшему: считают ведь перед взлётом. Нам показалось, что стихи Юрия Камброда соответствуют идеологии и даже пафосу обратного отсчёта. И трижды вновь, и четырежды... Такова жизнь творческого человека, такова природа его чувств и переживаний.

Удивительно и по-своему драматично, что, как пишет автор в предисловии, с начала работы над текстом прошло тридцать лет и три года (!). Ну и что? «Бог сохраняет всё», – считал И. Бродский, и не только он. И ещё её величество память, которая восстанавливает прошедшую жизнь, заново моделирует и даже мифологизирует её, заставляет помнить даже то, чего, может быть, и не было. Не было событийно, но было чувственно. А именно это последнее и важно для хорошей поэзии:

Этого не было, ну и что же.
Вспоминаю то, что хочу.

И ещё о памяти:
Эту память,
где я и ты,
Исходи иль исколеси.
Только тсс... Не шумите в лесу –
Разбегаются ягоды.

Книгу стихов автор посвятил русскому студенчеству – «для души и для сносок». Хороший союз поэзии и науки. В изобилии есть и то, и другое. Казалось бы, рядовое учебное событие – диалектологическая практика студента Ленинградского университета. Но годы-то молодые, восприятие и желания острые, взгляд на всё пытливый и запоминающийся. «Безденежно святые времена, / Прикольные обманчивые годы». И вся жизнь впереди – целых тридцать три года!

Дорого и значимо всё. И особенно слово – носитель жизненных ценностей, самой жизни, прошедшей, проходящей и будущей. Первое место – диалектному слову, оно дороже всех других, оно радуется и просит защиты. Автор проявляет себя как истинный «словес и каталогов каторжанин»:

Наутро,
аки волки,
Вынюхиваем поговорки.

А истина, видать, равна
Всему массиву диалекта.

О стихия неязыковая –
Разгулявшийся диалект.

Живи, диалектная Русь,
Твоя мы навеки частица.

Вещает Ольга: средь лексем
Задialeктились мы совсем.

По стихам можно легко восстановить тип диалекта, что само по себе научно и культурологически значимо. Диалектный уровень, как никакой другой, проявляет «славянскую непрерывность» и не позволяет проводить резкую языковую границу между народами (хорошо бы «научовцам» и заангажированным политикам чаще обращаться к диалектологии).

Трепетное отношение к народному слову поэт выражает в жанре сказа. Стихотворения-сказы с соответствующей ритмикой, лексикой и грамматикой – поэтический результат диалектологического опыта автора. Это прямо-таки рифмованное пособие для интересующихся народным языком, написанное человеком, искренне и охранно любящим его. «Рассказы о давнем былом – / Грядущего верная повесть» – вот и

связь времён, и главное – уберечь её от распада. Литературный (а тем более стихотворный) сказ – ответственная стилизация. Не знающему особенностей народного языка – не написать. Для Юрия Камброда это близкий жанр и органичный (песенно-былинно-частушечный) ритм, что само по себе большая редкость. Вот только некоторые примеры «сказовой» поэзии:

В утренней упряжке
до обеда с утра,
Бывает, бурёнка посердится,
Побратимка она мне, посестрие,
Сдвоюродная сестра.

Где рожь, там и мера.
Где народ, там и вера.
Там и жито,
Ежли сибондают дожди.
До старости дожито,
А до смерти как дожить (из «Сказа о доле»).

В аннотации к книге сказано, что её автор – член Далевского писательского братства. Именно братства, а не собрания случайных людей, конъюнктурных псевдодалеведов. Братство как со-товарищество, братский, дружеский союз с хорошими людьми (по Далю). Отсюда – пиетет к Далю, к его Словарю:

Не надо...
юности...
мне дара.
Богатством, рок, не порази.
Лишь дай Словарь толковый Даля –
Путеводитель по Руси.

Мы с ним давно сроднились оба,
Чтоб не загнуться задарма.
А под обложкой шмон и обыск,
Заязыкведов кутерьма.

Тебя, Словарь, не побороли
Подвохами партийных дат,
Ведь ты в руководящей роли,
Мой профсоюз и самиздат.
(«Прощаю всем, кому я должен»)

Затворы клац, да соль не в этом.
О веке новом говоря,
Вхожу невидим и неведом
В собор певучий Словаря.

И закопают, и отроют,
Съедят поближе к январю.
А я, я Свят Словарь открою
И будто с Богом говорю.
(«Родился я назло конвою»)

Давайте будем как Словарь –
Порой приходит мысль благая, –
Чтоб жить, собратьев не лягая,
Да ведь и слово – Божья тварь.
(«Проходят люди сквозь людей»)

Экспрессивная лексика – путь приближения к означенному в посвящении адресату – студенчеству:

У слова на страже
дерзай, молодёжь!
Взрослел я подольше.
Я говорю дольщик,
И слэнга подпольщик,
Арго – мой балдёж.

И всё-таки поэт-филолог прежде всего «книжный» человек: «Мы только заглавья на карточках тонких, / Случайные сноски для книг на заказ». Это значит, что в стихах его будет (есть) то, чему положено быть в поэзии, – словопреобразование как способ оценки глубин бытия, в том числе и через тонкую иронию («Ирония – избранников занятье», – писала Б. Ахмадулина, и, значит, через иронию проходит путь к избранничеству). К литературной книжности такого рода относится многое. Это звукообразы, которыми можно иллюстрировать типы звукописи в поэзии:

Кора ободрана только.
Ох ольха –
эхо ходит: Ох Ольга.

Счастья мало – всё вмещается в горсти,
Уродились только горести.

Ведь Вологда, воля и Волга
Свободе заветной сродни,
Как волк, или волхв, или Ольга, –
Вернее, шутливые дни.

Пусть инда –
наш индекс,
Наш суффикс –
не суслик

И пепси –
не песня.
Таков уж закон.

Чудесно Свирь играет на свирели...

Игра с фразеологизмами:
Конечно, речь тут идёт не о шиле.
От наших девушек не утаишь мешка...

Полуторка
не бурка-сивка.
Старый конь, и цела борозда.

Интересны интертекстуальные преобразования-«попурри»: «Посею ли беду на берегу – Посеяли б еду на берегу – Посею ли топор на берегу». («Топор, из которого варят щи».)

Неологизмы: «Мужики *всетаёжно* поют», «И всех *вошьдей* не ставя в грош», «*Небоське* арбитром авоська» и др.

Разные виды метафор: *фугас кагора, многоточье наук, лауреаты помоек, подмастерья подмоги, регулировщики зим, чайки и стайки улыбок, солнышка моноклю, книги слито, надкушенное лето, гнездовья светлых колоколен, портфель надежд*. Впрочем, дело не в перечне. В стихотворениях всё объёмно, не случайно, всё напрягает мысль по пути к смыслу.

«Покрывало» иронии (это уже моя метафора, явно уступающая метафорической точности автора стихов) не мешает восприятию очень серьёзных, почти философских размышлений поэта о прошлом, о настоящем и, конечно же, о будущем. Невозможно измерить, чего в этих размышлениях больше – ностальгии, которая всегда с нами, людьми с немалым жизненным опытом, той же иронии, тоски по всему, что было другой жизнью, или просто озорства – от буйства души. В доказательство недоказуемого (и здесь я нахожусь под влиянием автора, любящего противоречиво сочетать слова – «совершенное несовершенство», «удивлению не удивляйся» и под.) приведу особенно понравившееся мне стихотворение:

Нас нет уже давно, лишь видимость... Однако
Гнёт на посулы раж, а ложь ещё ражей.
Распад ядра значений речевого знака
Взрывает Русь издревле вспышкой миражей.

На новое враньё не припасли рогатин.
Отсюда русский бунт и русская тоска.
Аукаем в огне, мостим по топи гати,
Чтоб корень сущего хоть в эхе отыскать.

И словно взаперти, и будто бы на воле,
И пепелище, как бы ставшее жнивьем.
Сгорающее время – перекати-поле.
Из года в год мы будущим живём.

Безвременье...
Черно провальное пространство.
Грядущее до мига прожито уже.
И нужен ли тогда потомству транспорт
В не принимающем движенья мираже.

Мы – взмахи замершие
Вздыбленных качелей.
Мы жили временем потомков. Чья вина?
Мы – отблеск, отзвук,
тайна сгинувших кочевий.
Нас нет уже давно, лишь видимость одна.

На чей-то зов помчались мы и не вернулись.
Исконно кружит Русь туда-сюда.
Слова зажмурятся посередине улиц
В преддверии нестрашного суда.

Спасают нас от немощи и жажды
Пословиц родники и яблочек туюса.
Мы братья облакам –
изрёк поэт однажды,
И был он прав, как правы небеса.

И чуть-чуть добавлю оптимизма такими строчками Юрия Камброта: «Но снова и снова / Ядрёное слово – / славянства основа, / Холопству заслон», «А впереди / великий и могучий / и величавый пушкинский язык».

Рецензия – это не скучный анализ хорошего и плохого. Тем более, что у каждого читателя могут быть свои критерии оценки, да и стихи поэта, у которого есть талант, всегда противятся такому ранжированию. Рецензия – это, скорее, приглашение к чтению. Не удержусь от пожелания автору: издать всё, что хочется, что просится быть изданным. И не через тридцать три года...

Л.Н. Синельникова

Л.Ф. Компанцева. *Философия Сети Интернет: школа Бернарда Лонергана и славянский опыт* (Луганск: Знание, 2006. – 352 с.)

В настоящее время в эпоху глобальных коммуникаций общение через Сеть Интернет становится одним из самых популярных. Именно это общение соединяет и порождает громадное разнообразие речевых практик, способов и форматов коммуникации. Возможно сделать окончательный вывод о том, что парадигма Интернет-коммуникации динамично развивается и оказывает влияние на внесетевую действительность и функционирование языковой системы. Пришло время философско-лингвистического осмысления новой коммуникативной среды. Монография Л.Ф. Компанцевой как раз и представляет собой подобный опыт.

Автор в качестве методологической базы исследования Интернет-коммуникации избирает философско-лингвистическую концепцию американского ученого Бернарда Лонергана и идеи русской философии и лингвистики. Монография Л.Ф. Компанцевой представляет собой полилог лингвистических и философских школ различных стран и направлений, организованных единым вектором – антропоцентрическим.

В структуре книги отчетливо прослеживаются три линии: изложение значимых положений философии Бернарда Лонергана, с творчеством которого славянские читатели практически не знакомы; соположение теории Б. Лонергана с идеями русской философии и лингвистики; анализ Интернет-коммуникации с позиций американской и славянской философско-лингвистических школ.

Л.Ф. Компанцева предложила стройную философскую методологию исследования Сети, включающую ряд значимых моментов: Интернет-дискурс как когнитивно-прагматическое пространство вхождения понятия *Self* в славянское самосознание; когнитивно-прагматическое исследование феномена «информационное общество»; концептуальные основы Интернет-коммуникации; антропоцентрическая парадигма Сети и ее преломление в идее виртуальных сообществ; Интернет-сообщества и решение проблемы рассеченных коммуникаций; виртуальный дискурс как реализация диалогической парадигмы; философия постмодерна как ключевая в развитии Сети; интерпретация текста как модель интерпретации мира.

Особое место в исследовании Л.Ф. Компанцевой занимает антропоцентрический вектор. В XXI веке можно говорить уже о появлении виртуальной языковой личности, которая является «непосредственным» речевым порождением высоких технологий. Более того, если мы попытаемся реконструировать или, скорее, *деконструировать* модель виртуальной языковой личности, то предполагаемая деконструкция может быть проведена по определенным биосоциальным параметрам, составляющим виртуальную личность –

образование, возраст, социальное происхождение, гендер и прочее. Л.Ф. Компанцева обращается к идее *Self* как ключевой для самореализации и самопредставленности личности в Сети через язык. Автор отмечает, что семиотическое поле понятия *Self* только начинает развиваться в русском языковом самосознании, и приводит ряд интересных примеров из ситуаций виртуальной коммуникации. Выводы Л.Ф. Компанцевой весьма показательны: представители различных культур обладают единым когнитивным множеством в освоении виртуального мира и внесетевой действительности, основанном на идее значимости личности и диалога.

Понятие *Self* рассматривается автором и в ключе гендерной идентичности. Сразу же подчеркнем, что собственно сама категория *гендер* может приобретать определенную специфичность именно в электронном общении: при опосредовании электронной средой некоторые гендерные особенности коммуникации могут проявляться иначе, или нейтрализовываться, или возникать в новых формах, которые не фиксируются вне виртуального мира. Л.Ф. Компанцева исследует философию гендерных взаимоотношений в Сети и приходит к выводу о возникшей тенденции к стиранию гендерной асимметрии и толерантному сосуществованию мужчин и женщин в Интернете.

Интернет-коммуникация рассматривается Л.Ф. Компанцевой как постмодернистский феномен. Среди прочих принципов постмодернизма, применимых к Сети, автор выделяет два, ранее не рассматривавшихся в контексте виртуального общения: использование идеи симулякра и ризомы. Действительно, понятие симулякра представляется в современном полилогическом контексте значимой лингвофилософской категорией. Автор верно отмечает, что «если тот или иной участок Сети не описан, то его не существует» (с. 265), и весьма продуктивно описывает в этом ключе метод картографирования, который позволяет рассмотреть следующие аспекты организации виртуального общения: визуализация неравномерного распространения Интернета; создание карты плотности трассировок; определение самой отдаленной части заселения Интернета и ее плотность; географическое картографирование данных о прохождении сетевых маршрутов в реальном времени и обозначение их полезности и мн. др.

Ризомная организация гипертекста объясняет его интертекстуальность и множественность. По мнению Л.Ф. Компанцевой, «концепт ризомы не только служит образом постмодернистского мира, где отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия», но и передает сущность «сетевых технологий, указывает на их взаимосвязь с мировоззренческим контекстом культуры» (с. 263–264). Эта идея кажется нам продуктивной для анализа гипертекста, так как позволяет соотнести лингвистическое и философское понимание Интернет-дискурса.

Читателя рецензируемой монографии ожидает еще множество интересных открытий и наблюдений. Полагаем, что книга вызовет интерес у лингвистов, философов и всех тех, кто интересуется вопросами Интернет-коммуникации.

Е.И. Горошко

Л.Ф. Компанцева. *Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве* (Луганск: Знание, 2006. – 404 с.)

Интернет-коммуникация – зона достаточно новая для лингвистических исследований. Тем больший интерес представляет проблема, сформулированная автором – «Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве». Л.Ф. Компанцева соединяет в одной монографии три дефиниции, осмысление которых славянскими учеными только началось: Интернет, гендер и постсоветское пространство. Подобное соединение возможно лишь в синтезе различных гуманитарных наук – лингвистики, лингвокультурологии, лингвогендерологии, социолингвистики, лингвокогнитологии, лингвопрагматики, т. е. всех наук, подразумевающих полипарадигмальность подходов и включающих в свое название корень *лингво-* как определяющий параметр научных подходов.

Представители современного гуманитарного знания стремятся к универсальности, и первым шагом на этом пути становится синкретизм научных направлений, отличающихся в отношении друг друга структурно-функциональным подобием, которое проистекает из изоморфизма предметов исследования определенных научных направлений. В лингвистике к одному из таких синкретических направлений относится лингвокультурологическое.

Сам термин «лингвокультурология» отражает лишь этап в закономерном синтезе уже существующих направлений лингвистики, например, этнолингвистики, социолингвистики, лингвогендерологии и т. д. Вместе с тем современная лингвокультурология выступает как новая самостоятельная парадигма исследовательского подхода, в рамках которой и выполнена монография Л.Ф. Компанцевой.

Автор определяют главный прагматический вектор Сети Интернет – направленность *к* и *от* личности. Антропоцентризм обуславливает психологическую привлекательность Интернет-коммуникации, определяет когнитивные условия для процессов самопредставленности и самопрезентации личности в Сети.

Определить параметры гендерной представленности личности в Интернете – задача весьма непростая, поскольку анонимность и отсутствие визуальных контактов затрудняют гендерную дифференциацию пользователей. Тем не менее автор предлагает лингвистические параметры исследования гендера в виртуальной коммуникации: исследование ассоциативного тезауруса мужчин и женщин в Сети, дискурс-анализ их речевого поведения, определение гендерных имиджевых установок.

При всей новизне проблемы Л.Ф. Компанцева обращается к традиционным лингвистическим категориям, составляющим научный каркас исследования: *языковая личность, языковая картина мира, речевое поведение, речевой поступок, текст, дискурс* и др., но осмысливает и модифицирует их содержание в применении к инновационной коммуникативной среде – виртуальной.

Разработка Л.Ф. Компанцевой терминосистемы Интернет-коммуникации видится серьезным вкладом в развитие современной лингвистики. Автор обосновывает существование таких понятий, как *виртуальная языковая личность, виртуальное время, виртуальное пространство, виртуальный дискурс*, и приводит их парадигмальные характеристики.

Автор предлагает ряд новых методик исследования: изучение хронотопа виртуального мира сквозь призму грамматических категорий; определение когнитивно-прагматических составляющих виртуальной языковой личности; синтез ассоциативного эксперимента и ассоциативного анализа и др.

Монография Л.Ф. Компанцевой имеет лингвокультурологическую значимость для осознания современной языковой ситуации. Автор определяет лингвистические параметры типологии виртуальных языковых личностей и описывает эту типологию, соотнося речевое поведение типажей Рунета с их прообразами в реальном мире. Если такие виртуальные языковые личности, как *Масяня, Хакерша, Ведьма, Блондинка, Женщина-чайник*, были описаны ранее (см.: Е. Шерман. *Женщина в Сетях Интернет*), то образы *Женщины-коня-на-скаку-остановит, Хорошего семьянина и Виртуального мачо* описаны впервые Л.Ф. Компанцевой. Лингвокультурологическая ценность этого описание состоит в соотнесенности отмеченных типажей с социолингвистической ситуацией реальной действительности и их лингвокультурологической и прагматической интерпретации.

Обозначить механизмы взаимосвязи современной культуры и языка – задача весьма непростая. Использование традиционных лингвистических исследований для решения новых задач лингвокультурологии видится не совсем продуктивным. Л.Ф. Компанцева попыталась решить эту задачу, соединив в своей монографии как традицию, так и новацию.

Считаем, что предлагаемая читателям книга является одним из шагов, необходимых для дальнейшего развития лингвокультурологии и осмысления нового феномена нового времени – Интернет-коммуникации.

В.М. Шаклеин

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Аулов Анатолій Михайлович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Бахмач Віктор Іванович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри всесвітньої літератури Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Бушев Олександр Борисович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри гуманітарних дисциплін філіалу Санкт-Петербурзького державного інженерно-економічного університету в м. Твері.

Гадомський Олександр Казимирович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського.

Головко Олександра Миколаївна – аспірант кафедри теорії та практики перекладу Запорізького національного університету.

Горошко Олена Ігорівна – доктор філологічних наук РФ, завідувач кафедри міжкультурної комунікації та іноземної мови національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут».

Джинджолія Гігла Паршаванович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, докторант.

Дяченко Галина Вікторівна – аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Емірова Аділе Мемедівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри міжмовних комунікацій та журналістики Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського.

Зражевська Ніна Іванівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри видавничої справи та редагування Черкаського національного університету.

Караман Вадим Леонідович – аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Ковтун Кароліна Вікторівна – викладач кафедри теорії та практики перекладу Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Компанцева Лариса Феліксівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Махачашвілі Русудан Кирилівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики перекладу Запорізького національного університету.

Мінаєва Елла Вікторівна – асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Неловкіна Наталія Ігорівна – аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Пономарьова Тетяна Олександрівна – кандидат філологічних наук, асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Розсоха Валентина Олександрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Сасенко Олександра Миколаївна – викладач кафедри іноземних мов та перекладу Харківського національного економічного університету.

Синельникова Лара Миколаївна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Синиця Ірина Анатоліївна – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник відділу російської мови Інституту мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України.

Соболева Ірина Олександрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Фролова Віолетта Валеріївна – аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Чулганська Євгенія Вікторівна – старший викладач кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка.

Шаклеїн Віктор Михайлович – доктор філологічних наук, професор, академік РАН (м. Москва).